

КАЮСЬ

ПОЛИНА РАЕВСКАЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Полина Александровна Раевская

Каюсь. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44231387

SelfPub; 2021

Аннотация

Все мы грешны перед Богом – неоспоримая истина. Но сегодня я каюсь не перед Ним, а перед человеком, которого люблю больше этой проклятой жизни. Жаль, что я поняла это слишком поздно, ибо запоздалые раскаяния не вдохнут жизнь в засохший цветок. Но мне ничего не остается, кроме как поведать эту историю глупой, наивной девчонки, сумевшей влюбить в себя взрослого мужчину, но... не сумевшей удержать.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	19
ГЛАВА 2	28
ГЛАВА 3	58
ГЛАВА 4	109
ГЛАВА 5	141
ГЛАВА 6	172
ГЛАВА 7	249
Конец ознакомительного фрагмента.	258

Полина Раевская

Каюсь. Том 1

ПРОЛОГ

2014 год октябрь

Прежде чем начать эту историю, скажу сразу – я вам не понравлюсь. Не потому, что я плохая или же хорошая. Нет. Я обычная, такая же, как тысячи других женщин со всеми своими достоинствами и недостатками. Просто я дура, безнадёжная, законченная...

Поскольку эта история о любви, то вы заметите, что все мы когда-то становились дурами из-за мужчин; забывали гордость или же, напротив, включали ее в попытке удержать свое счастье. Только вот я сделала все, чтобы его потерять. Не ценила, не понимала, не замечала, не берегла. Я была до невозможности глупой в своих мнимых, надуманных проблемах. Совершала ошибку за ошибкой, разрушая то, что так отчаянно искала.

Перед вами дура, познавшая, как никто иной, смысл банальных высказываний – «Что имеем – не храним...» или «Запоздалые раскаяния не вдохнут жизнь в засохший цветок». Кажется, так сказал мне во время последней встречи он. Спросите кто? Думаю, пояснения излишни. У каждой из

нас есть «Он» – мужчина, которому достаточно одного местоимения, ибо нет таких слов, способных передать его значимость в нашей жизни.

Если бы вы знали, какая это мука быть виновной стороной. Думаю, пострадавшей легче. У нее хотя бы есть выбор: простить или забыть. У меня же его нет, как и надежды. Да и с моей стороны было бы наглостью и полнейшей тупостью ее питать. За иллюзии приходится расплачиваться действительностью – мой горький опыт. Вы, по всей видимости, думаете: «Ах, бедняжка», но не торопитесь. В этой истории я персонаж скорее отрицательный, чем положительный, как ни больно это признавать. А «больно» длится уже полгода. Впрочем, все началось гораздо раньше, гораздо... Я бы сказала, больно было всегда. Точнее, мне так казалось. Боже, какой же душой я была!

Как в той песне: "Если бы хоть раз.... Нам дотемна.... По душам разобрать все, по словам, да по молекулам." Но, увы... Интересно, сколько этих «если бы» повторяет в жизни каждый человек? Хотя какой в этом смысл? «Если бы» возникает только, когда безнадежно. Так почему же я не пойму никак этого? Отчего не приму жестокую истину? Я вам уже говорила, что дура? Безнадежная, законченная...

Шесть месяцев пыталась научиться жить без него, залечивала раны, полученные по своей вине, но безрезультатно. Душа рвалась каждую секунду к нему, как ни напоминала себе, что на нет и суда нет, но сердцу плевать на любые до-

воды. Каждую ночь воспоминания душат, и везде он. И я за ним готова камнем в бездну, только бы дал шанс. Видит Бог, я готова валяться вечно у него в ногах, вымаливая прощение, если бы не знала этого мужчину достаточно хорошо. Его не тронут мои слезы. Больше уже нет, не после того, что я сделала. Но я все равно продолжаю мучить себя мыслями о нем.

Сколько я жалела себя? Не знаю. Пока внутри что-то не щелкнуло. Словно накрыло волной понимания, что больше не могу так...

Не выдерживаю. Слишком долго терпела, ждала, надеялась. Устала. Хочу обрубить разом, поставить точку. Хотя за меня ее уже давно поставили, но я должна это окончательно принять. Поэтому бросаю свою тихую гавань вдали от него. Собираю всё необходимое, мысленно умоляя маму не спрашивать ни о чем, и она меня слышит – молча протягивает деньги на дорогу. Я тронута ее пониманием.

Через час поезд мчит меня в столицу. В город, где все началось и закончилось. А спустя трое суток Москва встречает меня раскатами грома и проливным дождем. Вдыхаю воздух, пропитанный суетой, надеждами и разочарованиями. Сердце сжимается от ностальгии. Болезненно, отчаянно трепещется. В горле стоит ком, сглатываю его и осматриваюсь по сторонам. В сотнях столичных лиц ищу его глаза, но это бред, конечно, а я все равно лихорадочно всматриваюсь, прося чуда. Только забываю, что даже если увижу, все равно не смогу в эти глаза взглянуть. Никогда. Спросите меня, за-

чем я здесь? Сама не знаю. Наверное, чтобы в очередной раз предаться иллюзиям.

Мне раньше не нравилась Москва, особенно москвичи, но сейчас я рада вернуться. Правильно говорят: наш дом там, где наше сердце. Мое рядом с ним, а он здесь. Нет, я его не потревожу. Не имею права, да и совесть не позволит. Если бы существовала хоть какая-то надежда на что-то, он уже бы дал знать. Честно признаюсь, я ждала. До последнего ждала. А теперь... Теперь пришла пора прощаться, похоронить воспоминания, надежды, мечты. Ну почему, почему я только оступившись, поняла, что нет ничего важнее, чем быть рядом с ним? Риторический вопрос, конечно же.

Закрываю глаза и перевожу дыхание. Голова кружится от волнения, суеты и мелькающих лиц. Вокзальный шум бьет по натянутым нервам. Кто-то грубо толкает меня в сторону, инстинктивно хватаюсь за живот, и сердце колотится отчаянной птицей.

Возвращаюсь в реальный мир, чувствую холод, усталость и голод. Пора передохнуть – в моем положении такие эмоциональные и физические нагрузки вредны. Тяжело вздыхаю, вытираю влагу со щек. Не знаю, были ли это слезы или дождь – неважно.

Беру сумку и вливаюсь в спешащую толпу. Она подхватывает меня и направляет в сторону метро – то, что нужно.

В электричке, как всегда, не протолкнуться. Я, зажата между двумя толстушками, воняющими потом, какими-то

пирожками и дешевой туалетной водой, едва сдерживаю рвоту, прикрываю рот рукой, заодно зажимая нос. Спустя десять минут в глазах темнеет, руки трясутся, и паника начинает захлестывать. Держусь из последних сил и как молитву повторяю про себя: только бы не потерять сознание, только бы не потерять!

На нужной станции пулей вылетаю из удушливого вагона и жадно хватаю холодный воздух. Голова начинает кружиться еще сильнее, страх заполняет душу.

Только сейчас пришло понимание всей глупости моего порыва. О чем я думала? Какие могут быть путешествия в моем состоянии? А если со мной что-то случится? Это Москва. Тут будешь орать, что умираешь, никто не обратит внимания, разве что сморщиться от раздражения. Эта мысль моментально отрезвляет, тошнота отступает, да и дышать становится легче.

Восстанавливаю дыхание и иду в сторону недорогой гостиницы. К тете Кате не хотелось, у меня не было настроения и сил для разговоров, да и не ради этого я сюда приехала.

В убогой комнатухе чувствую покой и радость. Стараюсь ни о чем не думать, хотя не получается подавить мысль о том, что на другой окраине города мужчина, ставший для меня всем миром. Глупо, по-детски, но преодолев расстояние почти в четыре тысячи километров, мне кажется, я ближе к нему. Но только физически. Эмоционально же между нами миллиарды километров, хотя точнее было бы сказать

— бездна, ибо километры предполагают возможность их преодолеть, а бездна нет.

Вновь слезы на глазах, только реветь нет никакого толка.

Боже, я скоро с ума сойду! Сколько можно? Такая агония... рвет на части до отчаянного вопля, а в груди печет раскаленным огнем. Я готова биться об стену, чтобы только вытравить его образ из себя, но из этого лабиринта боли, сколько ни стараюсь, не могу найти путей. От сильного волнения вновь появилась тошнота.

Лечу в ванную, падаю на колени перед унитазом и задыхаюсь от рвотных позывов. Перед глазами пелена, меня выворачивает наизнанку скудным завтраком, а после желчью. В эту секунду хочется умереть. Кажется, это длится вечность. Меня трясет, пот застилает глаза. Становится холодно, когда взбесившийся желудок полностью освобождается от любого намека на пищу. Обессиленно прислоняюсь к стене, дышу рвано, но зато в голове пусто. Нет ни одной проклятой, ядовитой мысли. Опустошенная и разбитая снимаю с себя всю одежду, встаю под горячие струи воды, закрываю глаза и проваливаюсь в забытие. Тепло и хорошо. Тихо. Сил, чтобы купить себе еды не было, поэтому я уснула голодная, хотя понимала, что должна лучше заботиться о себе, но только не сегодня. Мне хочется сохранить эту тишину и не нарушать ее ничем. А потом, наконец, уснуть без воспоминаний, отчаянного шепота, слез и завываний в подушку.

Утром впечатления немного угасли, и я чувствовала в ду-

ше какое-то подобие покоя. Приведя себя в порядок и собравшись с силами, покидаю свое убежище. Выхожу на улицу, щурюсь от яркого солнечного света и, словно сорвавшийся с цепи пес, беру след дней, когда я была счастливой.

Вы спросите, а не мазохистка ли я? Не знаю. Но мне необходима эта прогулка по местам, которые навсегда останутся «нашими». Наверняка они есть у всех. Вот и у нас с ним было несколько таких. Не хочу травить себе душу, мне просто нужно погрузиться о том счастливом времени и отпустить его, поставить точку в этой любви, которая не дожидаясь до непреложного обета «в болезни и здравии, горе и радости...». Станный, сентиментальный порыв души, но как воздух необходимый.

Полдня я бродила по Москве, никуда не спеша, ни о чем не заботясь и не думая. Удивительно, но это была моя первая и настоящая прогулка по этому городу, не считая единственного раза, когда все только началось. Но тогда я была поглощена другими вещами, достопримечательности столицы меня мало интересовали. Сейчас же я с интересом оглядывалась по сторонам, вновь открывая для себя этот город. В таком безмятежном ритме прошло несколько дней. Боль не прошла. Наверное, и не пройдет никогда, но она не была такой невыносимой.

Я приходила туда, где мы часто бывали с ним, закрывала глаза, представляла нас. А потом, словно нажимала внутри себя на кнопку «delete», стирая все из памяти: обнуляя,

блокируя его образ, его голос, шепот, запах и ощущения его губ и рук. Я помню каждый сантиметр его тела, каждую морщинку, родинку и шрам. Как же мне его не хватает!

Я мечтала проснуться однажды *tabula rasa*, с чувством, будто все сон и нас просто не было. Но мечты они на то и мечты, чтобы никогда не сбываться.

Сердце плачет и кричит о нем каждую минуту, а я просто привыкла к этой боли, поэтому уже не столь восприимчива.

Поездка пошла мне на пользу – я готова жить дальше, мне есть ради чего. Осознание этого пришло только, когда я покупала билет до Рубцовска. Я вдруг отчетливо поняла, все кончено и назад пути нет. Странное это чувство – принять сердцем то, что давно уже осмыслил разумом.

Я медленно брела по городу, сама не зная куда. До моего рейса оставалось еще несколько часов, поэтому сидеть на вокзале не хотелось. Я шла, пока не оказалась перед рестораном «Марио». Увидев вывеску, мое сердце ухнуло с огромной высоты вниз. С этим местом у меня были связаны особые воспоминания, которые я не решалась вытащить наружу даже сейчас. Достаточно уже того, что это его любимый ресторан. Все эти дни я обходила «Марио» стороной: во-первых, не могла отделаться от какого-то тревожного чувства; а во-вторых, у меня не было денег, чтобы позволить себе такую роскошь. Сейчас же стояла и смотрела на когда-то бывшую родной вывеску, но не смела двинуться вперед. Сомнения терзали душу, хотелось войти и в то же время бежать от-

сюда как можно дальше. Но какой-то неведомой силой меня понесло внутрь, и я, не сопротивляясь, подчинилась ей.

Дрожащей рукой обхватила ручку двери, замерла на мгновение, подсчитывая, сколько у меня денег. Вроде бы на чашку кофе хватает. Решительно потянула на себя дверь. Моментально окунулась в тепло и в божественный аромат, от которого у меня свело желудок. Я вошла внутрь, ко мне сразу же подошел метрдотель с вежливой улыбкой, но когда посмотрелся, то искренне заулыбался. И узнав меня, сказал:

– О, сеньорита, добрый вечер! Какой сюрприз. Вы так давно не радовали наш взор своей божественной красотой, а мы вас ждали. Маэстро был безутешен, думая, что вам что-то пришлось не по вкусу, – театрально восклицал он. Впервые за долгое время я рассмеялась от всей души, тронутая его вниманием. Мне было неловко за свой внешний вид, отсутствие денег, за то, что ступила на территорию класса, к которому больше не относилась. Впрочем, я никогда ему и не принадлежала. Понимание этого я увидела в глазах мужчины, когда он скользнул по мне взглядом.

Я сжалась, он смущенно улыбнулся. Стало страшно, что сейчас меня выводят. Но он преувеличенно радостно хлопнул в ладоши и подозвал одного из официантов.

– Вашу одежду.

Я дрожащими пальцами расстегнула куртку, которая была мне великовата, оставаясь в водолазке, обтянувшей меня, словно вторая кожа и делая мое положение очевидным. Раз-

девшись, я глянула на себя в зеркало и поморщилась. Волосы были небрежно собраны в хвост, лицо бледное, не накрашенное с обветренными, ярко-красными губами. Под глазами залегли тени. Потрепанная, уставшая, несчастная. Я сильно похудела, поэтому мой живот казался огромным, как арбуз. Отвернувшись от зеркала, чтобы окончательно не портить настроение, я стала ждать, когда меня проводят за столик. Нервничала, переминалась с ноги на ногу, пока метрдотель не сказал:

– Проходите, мы вам рады.

А затем обратился к официанту:

– Проводи сеньориту за столик у камина.

Я благодарно улыбнулась за такую щепетильность и заботу. Мы всегда заказывали столик у камина, и я рада, что он оказался не занят.

Следуя за официантом, я, как и в первый раз, прихожу в восторг от интерьера ресторана, выдержанного в пастельных тонах, декорированного к зиме припорошенными снегом рябинами со снежирями, сидящими на гроздьях красных ягод.

Пока шла, замечала косые взгляды. На лицах собравшейся элиты было написано: «Кто ее сюда пустил?». Сглотнув комок в горле, вздернула подбородок выше, хотя стыд и неловкость отравляли кровь. Я проклинала себя за то, что поддалась порыву и оказалась тут, но не бежать же обратно.

Вежливо поблагодарив официанта, села лицом к окну и спряталась за меню, хотя кроме капучино ничего не могла себе позволить. Сделав заказ, сконцентрировала внимание на пробегающих за окном людях. Кофе принесли спустя несколько минут, я втянула потрясающий аромат – такой знакомый и привычный.

В груди что-то сжалось. Прикрыв глаза, сделала глоток, обожглась, но даже не поморщилась, боль внутри была сильнее. Хотелось моргнуть и встретиться с ласковым взглядом ярких, лазурных, как летнее небо, глаз. Такого красивого и насыщенного оттенка я ни у кого не видела. До ломоты во всем теле было необходимо увидеть обаятельную, мальчишескую улыбку. Я зажмурилась, прогоняя образ, едва заметно встряхнула головой, и, открыв глаза, посмотрела в зал, проверяя, заметил ли кто-нибудь мое странное поведение. Но присутствующие были поглощены кто чем: едой, беседой, телефонными разговорами. Я с облегчением вздохнула, пока не посмотрела в сторону двери. Сердце замедлило ход. Мне хватило даже мимолетного взгляда, чтобы понять – это он.

Задохнувшись от ужаса, я как можно ниже склонилась над чашкой кофе, пытаюсь казаться незаметной. Наплевав на этикет; поставила локоть на стол, прикрывая лицо, украдкой наблюдая за ним. Пульс начал зашкаливать, когда я осторожно повернула голову. Мгновенно воздуха стало мало. Потому, как он был не один. Рядом с ним стояла высокая шатенка в черном пальто, которое он галантно помогал снять, шепча

ей что-то, отчего на губах женщины играла легкая улыбка.

Мои руки дрожали, как у алкоголички, а кровь шумела в висках, но я продолжала смотреть. Он был, как всегда безупречен: в дорогом темно-синем кашемировом пальто, которое небрежно снял и отдал метрдотелю, оставшись в пиджаке спортивного кроя, цвета океана, поверх бледно-голубой сорочки в мелкую клетку; серые брюки и темно-коричневые аксессуары заканчивали безукоризненный образ делового, состоятельного мужчины.

Женщина была ему под стать: ухоженная, элегантная и судя по уверенному взгляду, самодостаточная. Впрочем, за ним других не водилось, кроме разве, что меня. Сейчас я это осознавала в полной мере, от того слезы наворачивались на глаза, хотелось убежать. Меня вновь затошнило, когда заметила, что его рука по-хозяйски лежит на ее талии. Отчаянье захлестнуло, как и дикий страх. Я застыла на своем месте, когда они, переговариваясь и смеясь, последовали за официантом к столику напротив меня. Я не знала, что мне делать, кроме как отвернуться и до крови прикусывать губу. Меня кидало то в жар, то в холод. Было невыносимо, адски больно. А когда услышала мягкий женский голос, то выдержка покинула меня.

– Да просто из принципа узнаю, кто спонсировал его программу. Я сегодня подвергла его поведение критике в интервью, поэтому результат не заставит себя ждать. Ой, да черт с ним! Надоела уже работа. Я так ждала этого вечера, ужасно

соскучилась.

– Я тоже скучал, – раздался такой родной до дрожи, бархатный голос, – Очень, – многозначительно добавил он.

Я была готова завывать от ревности, невыносимой боли. Каждая их фраза, смех, словно ядовитые стрелы впивались в мое сердце, отравляя кровь, вызывая адскую муку. До боли сжимая край стола холодными пальцами, я дрожала, пытаюсь изо всех сил сдержать слезы. Хотелось провалиться сквозь землю, умереть прямо сейчас. Я задыхалась от понимания, что эта женщина все эти полгода, пока я загибалась в глуши от безысходности, была рядом с ним. И сегодня ночью она тоже будет рядом. В его постели. Чувствовать прикосновение его губ, сильных, с ума сводящих рук, дышать с ним в унисон и двигаться в такт.

Хочется заорать дурниной от отчаянья и дикой, разрывающей боли, а я молчу, вцепившись в край стола. Трясусь всем телом, давясь прахом былых отношений, захлебываясь пониманием, что он стал только сильнее, а я все та же дура, не научившаяся ни жить дальше без него, ни хотя бы лгать, что все хорошо.

Не в силах вынести их тихий разговор и легкий смех, поднимая взгляд и холодею, встретившись с равнодушным, абсолютно ничего не выражающим взглядом голубых, холодных, как лед, глаз. Смотрю в непроницаемое лицо, жадно впитываю родные черты; не пухлые и не тонкие губы – чет-

ко очерченные, нижняя чуть пухлее верхней; высокий лоб; глубоко посаженные, прищуренные глаза с сеточкой морщинок вокруг них; широкий нос, визуально кажущийся тонким из-за заостренного кончика – все зависело от того, с какой стороны на него посмотреть. На впалых щеках столь модная сейчас легкая небритость. В общем, все тот же охренительный мужик, от которого у меня, как и в первую встречу, захватило дух. Только эта остановка дыхания была болезненной. Любимое лицо, такое холодное и отчужденное, разрывало душу в клочья.

Сглатываю тяжело, ищу в его взгляде хоть какой-то проблеск чувств. Пусто. Мне нечем согреться в этих ледяных глазах. Я думала, что похоронила надежду, но когда он просто кивнул мне, я словно услышала оглушительный грохот разбившихся ожиданий. Последняя капля надежды испарилась.

Смешно. Оказывается, я еще ждала чуда. Там, в глубине души, уповала, что как в долбаной мелодраме, он подойдет ко мне – не выдержит. Я до самого конца не верила, что больше не нужна ему. А финал наступил именно сейчас. Легкий кивок: равнодушный, безжалостный, жестокий в своей простоте, словно я лишь какая-то знакомая.

Я не отвечаю на этот его жест. Лишь прожигаю полным боли и сожаления взглядом, но он отворачивается к своей спутнице и продолжает о чем-то с улыбкой рассказывать. В его действиях нет ни грамма наигранной радости, дабы спро-

воцировать меня на ревность. Нет, это не для него – он слишком уверен в себе. Он уважает себя. Ему нет необходимости опускаться на мой уровень, на уровень большинства людей, которые в подобной ситуации стали бы изображать безграничное счастье и вселенскую любовь. Ему это не нужно и я ему не нужна, как и моя ревность вкупе с болью. Он одним махом разорвал между нами канат. Если он что-то делает, то раз и навсегда. Слишком гордый, скрытный, скупой на эмоции и слова, он был и остается человеком дела. Если любит, то не на словах, хочет порвать – рвет, обрывает каждую ниточку. Он всегда был таким: принципиальным, решительным, жестким. Как же поздно я осознала, что за человек рядом со мной.

Делаю тяжелый вдох, сил больше нет выносить пытку. Агония и безысходность вот-вот прольются в горьких слезах. Подзываю официанта и хриплым, надорванным голосом прошу:

– Принесите счет.

Мне кивают, я же усмехаюсь с горечью, ибо вот, перед глазами мой счет за ошибки – довольный жизнью любимый человек, но он не со мной.

ГЛАВА 1

2 года назад

2012 год

Я закончила школу.

Лето было насыщенное событиями: единый государственный экзамен, выпускной, совершеннолетие. ЕГЭ я сдала блестяще, ибо готовилась к нему, начиная с девятого класса. Моей целью было поступить на бюджет в Московский Государственный Институт Культуры, и я прилагала все усилия, чтобы ее достичь. Остаться в Рубцовске смерть, как не хотелось. Я уже давно для себя решила, даже если не поступлю, все равно уеду из родного города, который городом— то назовешь с натяжкой. Одна главная улица с вереницей магазинов и куча тюрем— вот и весь Рубцовск. Перспектив для себя в этой деревне я не видела. Хотя конечно, мне было страшно переезжать в большой город, но все же любопытство и предвкушение были сильнее страха и сильнее ожидания выпускного вечера, на котором все будто помешались. Впрочем, наверное, и я бы была на нем помешана, если бы могла себе позволить красивое платье, стильную прическу и другие примочки. Но я росла без отца, с мамой и бабушкой, поэтому на крутые наряды рассчитывать не приходилось, тем более, что все деньги откладывались на мое поступление: билеты до Москвы, проживание, пока буду сдавать вступительные

экзамены и прочие расходы , связанные с этим. Естественно, мне хотелось блистать на вечере, но я понимала, что в нашем положении приходится выбирать; либо «звездить», либо поступать. Понимать –то я понимала , а все равно хотелось быть королевой вечера – мое самолюбие на меньшее не согласно.

Вот стою сейчас, смотрю на себя в зеркало и вижу, что мое платье больше подходит к какому-то деловому ужину , но никак не к такому торжеству, как выпускной. А все из-за соображений практичности. Маме не хотелось тратить деньги на вещь, которую в лучшем случае я одену раза два. Мы долго спорили, но в конечном счете сошлись на черном бандажном платье с прозрачной вставкой. Оно было самым оптимальным вариантом, вполне удовлетворявшим, как маминым критериям– недорого и практично, так и моему вкусу – платье идеально подчеркивало каждый изгиб моего тела. А если верить зеркалу, то очень такого аппетитного тела. Фигура у меня, как говорится, что надо-эдакая золотая серединка. Я много тренировалась в этом году, готовясь к просмотру в МГИК, и это было заметно; тело приобрело рельефность и упругость, хотя я старалась работать над собой без фанатизма, чтобы не потерять женственность и не превратиться в жилистую бабу. Моя мама хореограф, поэтому подготовка у меня проходила не абы как, а ого-го как. После маминых прогонов, я ели доползала до кровати, но никогда не было желания жаловаться или просить сбавить темп. Я хотела

быть студенткой МГИК, хотела, чтобы в родном городе говорили, что я учусь в столице. Хотела, чтобы мама и бабушка мною гордились. Короче, тщеславие трепетало в предвкушении и крепко держало меня в своих объятиях, не позволяя сделать шаг в сторону. По этой причине я стала меньше общаться с подругами, практически никуда не ходила. В будни тренировалась, а в выходные отсыпалась после напряженной недели, и выползти куда-то было просто мне не под силу. Только ближе к весне я заметила, что мои подруги от меня отдалились, и я совершенно не в теме, когда они о чем-то говорят. Чаще это были разговоры о каких-то тусовках, на которых меня, естественно, не было. И что самое обидное – меня туда никто не звал. О каких-то парнях, которых я не знала, и с которыми меня никто не собирался знакомить. В общем, я поняла, что стала чужой.

Это понимание далось мне нелегко. Я переживала, обижалась и грузилась. Но потом выиграла гордость, и я решила, что пошли они все! Пусть тусуются, трахаются с какими-то сопляками, а меня ждет Москва. Не знаю, почему-то мне казалось, что как только я туда приеду, обязательно произойдет что-то сказочное, невероятное. Короче, будет, как в кино. Я вообще с этим поступлением стала считать себя особенной. А особенным негоже печалиться из-за обыкновенных людишек, верно? Ну, это сарказм конечно. На самом деле очень меня печалили эти «обыкновенные людишки» то бишь мои подруги, особенно сейчас. Мы продолжали

поддерживать отношения, хотя это скорее была видимость – просто ходили вместе на уроки да в столовку, в остальное же время каждый из нас занимался своими делами. После экзаменов стало совсем одиноко, но звонить сама и напрашиваться в их компанию, где с недавних пор мое присутствие было нежелательным, гордость не позволяла. Сегодня, в день моего выпуска из школы, это чувствовалось особо остро, ибо я знала, что они соберутся у Насти перед официальной частью, чтобы выпить по рюмочке нашего любимого Бейлиза для настроения, а после Настин брат отвезет их на официальную часть вечера. Мне же придется тащиться на такси с мамой и бабушкой, старательно изображая радость.

–Янка, ты чего там застряла? –прокричала мама из другой комнаты. Я вздрогнула и оторвалась от своих не радужных мыслей.

–Одеваюсь, –прокричала я в ответ и вновь посмотрела на себя в зеркало.

–Давай в темпе, время уже много, опоздаем.

Да и по фигу, если честно! –огрызнулась про себя, в слух же согласилась:

–Ага, пять минут еще.

–Поторапливайся, я такси уже вызываю.

На это я могла лишь тяжело вздохнуть.

Блин, как же не хочется! Но выбора у меня нет, я еще должна выступать со своим танцем, так что придется тащиться. Оглядев себя с ног до головы, осталась довольной пред-

ставшей картиной. На внешность мне жаловаться не приходится, природа расщедрилась и подарила густые черные волосы с шоколадным отливом, которые сейчас были уложены локонами на один бок в стиле шестидесятых, губы – аля Анджелина Джоли, высокие скулы, аккуратненький носик и серо-голубые глаза.

Я не из тех, кто выискивает в себе какие-то недостатки или постоянно чем-то недоволен, поэтому мое отражение в зеркале меня устраивает на все сто. Да и учитывая, что многие считают меня красивой, заниженной самооценкой не страдаю, хотя стоит отметить, что несмотря на свою довольно яркую внешность, мужским вниманием избалована я не была, точнее вообще не знала, что это такое. В школе передо мной робели, а отца я и не видела никогда. Мама рассказывала, что он уже был женат на момент их знакомства, и когда интрижка на стороне вылилась в нежелательную беременность, благополучно смылся. Не знаю, почему мама решила оставить меня, как-то она не распространялась относительно причин, но я родилась, а она до сих пор одна. Говорит, ей так удобнее. Не могу судить, у меня даже парня еще не было. Но я не переживала по этому поводу, как-то не до того было.

Мне вообще казалось нелепым заводить отношения в таком возрасте да еще с одноклассницей. Когда смотрю на своих подружек и их парней, так и тянет плевать. Что эти дурехи в них нашли? Сопляки ведь совсем. Ни ума, ни опыта, ни

денег. Что с ними делать? Шляться по дворам, писать статусы о любви и трахаться, пока мамы нет дома? Пожалуй, я воздержусь от таких радостей жизни. Мне больше по душе качественные отношения с опытным человеком.

—Ян, такси подъехало, долго ты там будешь собираться?— снова раздался голос мамы.

—Иду! —машинально ответила я, продолжая стоять на месте. Но мама знала меня, как облупленную, поэтому дверь в комнату тут же открылась и моя копия лет так через двадцать застыла на пороге с недовольно-нахмуренным лицом.

—Ну, и чего мы стоим, кого ждем? Карета подана, барышня, —сыронизировала мама, заходя внутрь. Я улыбнулась краешком губ, подкрасила их блеском , и в последний раз взглянув на себя в зеркало, повернулась к маме.

—Ну, как? —спросила несколько взволнованно. Сама не понимая, откуда появилось это чувство мандража, но оно появилось. Мама подошла ко мне и заулыбалась такой теплой, нежной улыбкой, что было редкостью для нее.

—Спрашиваешь еще! Красивая ты, дочурка, самая красивая у меня, —тихо сказала она мне, от чего защипало глаза и сжалось что-то в груди. Я обняла ее и нахально заявила:

—Ну, так есть в кого.

Мама засмеялась сквозь слезы, но уже через секунду, взяв себя в руки, привычным, командным голосом отдала распоряжение:

—Ладно, хватит разводить сопли, а то тушь потечет.

—У меня водостойкая, —усмехнулась я, отстраняясь.

—Ой, блин, на все у нее ответы есть. Пошли уже, а то аттестат— то не выдадут, как завтра поедешь?

—Вот только из-за него туда и иду, —пробурчала я себя под нос, следуя за мамой. В коридоре к нам присоединилась бабушка, и мы поехали на официальную часть моего выпускного вечера.

Прошла она довольно быстро, я даже не заметила, как уже держу в руках серебряную медаль и аттестат, потом быстро переодевшись в костюм, стала разминаться. Ну, а на сцене я была полностью поглощена тем, чтобы исполнить все элементы танца правильно. Ближе к концу я все же расслабилась и начала просто получать удовольствие. Тело плавно изгибалось, ноги скользили, казалось, еще чуть-чуть и взлечу.

Боже, как же люблю эти моменты, когда душа расстаётся с телом и кажется, что я одна во всем мире. Такой нереальный кайф.

Выступление прошло гладко, одноклассники, как всегда поддерживали меня бурными овациями, и это было безумно приятно.

—Токарева, ты была охренена! —подлетела ко мне Вика — одна из моих подружек. Так задорно она выражала свой восторг, как будто все было, как раньше. Меня это взбесило.

—Да ты что, —съязвила я, переодеваясь в платье. Вика замялась, видимо, очнулась и вспомнила, что мы как бы уже полгода практически не общаемся, а потому смущенно пред-

ложила:

–Ян, ты если хочешь, то можешь поехать с нами.

Я офигела. Какое одолжение! А не пошла бы ты с ним?! Но высказалась, конечно, не столь резко. Ни к чему показывать, как меня все это задевает.

– Не могу, да и не хочу, – пропела я с приторной улыбочкой.

–А почему? Мы же так мечтали, помнишь? –ошарашенно спросила Вика. Похоже, у нее в голове не укладывалось, как можно пропустить одно из «главных» событий в жизни. Вообще я заметила, что подруги были слишком привязаны к школе и любым воспоминаниям, связанными с ней. Тогда, как мне хотелось поскорее покончить с детством и двигаться вперед. Возможно, это желание связано с тем, что моя школьная жизнь в последний год была довольно унылой, но даже до того момента, как она таковой стала, мне все равно хотелось поскорее с ней расстаться.

–У меня завтра поезд, надо подготовиться, –ответила я спокойно.

–Блин, жаль. Все же со школой прощаемся!-с искренним сожалением воскликнула она.

–Я уже с ней попрощалась, – отрезала я.

Вику задел мой холодный тон, и она решила, что с нее хватит.

–Ну, ладно тогда, удачи тебе! Напиши там, в «контакте», как у тебя дела, –протараторила она напоследок.

—Окей, тебе тоже удачи! —кивнула я, зная, что никому ничего писать не буду также, как и мне никто не напишет. Мы приобнялись для вида и разошлись.

Вот так просто, оказывается, порвать десять лет дружбы, а все из-за того, что я не имела возможности тусить.

Ну, и к черту таких друзей!-решила я для себя, хотя на душе, конечно, было погано. Мне хотелось казаться сильной, в чем-то пофигисткой, но когда мы сели в такси, и я посмотрела на веселую толпу моих одноклассников, направляющихся к машинам, чтобы продолжить веселье в кафе, стало невыносимо грустно и больно. Сама не заметила, как по щекам потекли слезы.

Прощай школа, прощай детство!

ГЛАВА 2

Дорогу до дома мы провели в молчании, что радовало. Мама и бабушка не лезли ко мне с вопросами и утешительными речами, считая мои слезы вполне нормальным явлением.

Как только вошли в квартиру, я сразу же пошла в свою комнату, на ходу стягивая с себя платье. Переоделась в пижаму и сложила платье в огромный баул с вещами. Денег, чтобы кататься туда – сюда, у нас не было, поэтому придется тащить все разом: одежду и обувь на все сезоны, тетради, полотенца, постельное белье, чайники, посуду и так далее. Не знаю, под силу ли одному человеку, тем более девушке, нести четыре неподъемные сумки, но как сказала мама: «Хочешь жить – умей вертеться». Так что выбора у меня нет.

Многие говорили, что надо жить по средствам и не выдумывать велосипед – ехать одной, со всем своим барахлом за тысячи километров, не будучи уверенной в поступлении. Если нет денег, то и нечего соваться в большой город. Много было разговоров на данную тему, присутствовали сомнения со стороны мамы.

Она, естественно, боялась отпускать меня одну в столицу. А поехать со мной не могла, как из-за банальной нехватки денег, так и по причине загруженности на работе. У бабушки же возраст не позволял трястись трое суток в поезде. И

даже наличие тети Кати – маминой подруги, у которой я буду жить первое время, не уменьшало беспокойства родных. Но ничто уже не могло остановить меня на пути к мечте, поэтому, проверив в последний раз сумки и убедившись, что ничего не забыла, я легла спать.

Сон долго не шел, я оглядывала свою комнату и, как ни странно, прощалась.

Когда я сюда вернусь? Вся моя жизнь прошла в этих стенах, они хранят в себе много воспоминаний: хороших и не очень; хранят мое детство, а человеку этот период особенно дорог.

Расчувствовавшись, я тихо плакала, сама не понимая отчего. Вроде и не желала здесь оставаться, но в тоже время не хотелось уезжать – вот такой парадокс. Трагедию я, безусловно, из этого не делала: поревела чуток, поностальгировала, да и уснула уже с мыслями о предстоящей поездке.

Утро встретило меня дождем, суматохой и перешептыванием в коридоре. Видимо, бабушка с мамой уже встали и всю суетятся на кухне, думая, чем бы меня накормить.

Вот сколько можно им повторять, что по утрам я не ем?! Непробиваемые люди. И ведь придется давиться их шедеврами, а то обидятся. Еще в дорогу, небось, напихали всяких пирогов. Колхоз-деревня.

Такие вот мысли копошились с утра. Но я быстро их пресекла. Ибо хватит забивать мозги дурью, пора собираться, что я и делаю. Потягиваюсь, разминаю мышцы и бегу в ван-

ную.

– Янка, давай быстрее, надо еще чай попить, – кричит мне бабушка вслед, когда я выскакиваю из своей комнаты.

– Ага, баб, – киваю в ответ, закрывая за собой дверь.

В темпе вальса скидываю трусики и майку, залезаю под едва теплый душ и начинаю уменьшать температуру, закусываю губу, чтобы не визжать. Закаливание – отличный способ укрепления иммунитета. Помню, в детстве я ненавидела эту процедуру, но мама была неумолима – спасибо ей за это. Болею я исключительно редко. Постепенно увеличиваю температуру и уже через пять минут нежусь в теплой воде. Покончив с водными процедурами, привожу себя в порядок и лечу на кухню, где меня уже ждет целая тарелища блинчиков с творогом, отчего у меня вырывается страдальческий стон.

Покушать я очень люблю, но не раньше десяти, вот только бабушку это мало волнует, а спорить с ней себе дороже – командир в юбке, как и мама.

Пока я делаю вид, что жую, мама бежит назад – вперед, проверяя, все ли положила, и дает последние указания. Я киваю и продолжаю гонять во рту микроскопический кусочек моего завтрака. Пристально посмотрев на меня и надкушенный еще десять минут назад блин, она вздыхает и сдается:

– Так, ладно, хватит придуливаться, поехали!

Я ликующе улыбаюсь. Сделав последний глоток чая, поднимаюсь из-за стола.

– Спасибо бабуль, мамуль.

– Ой, не подхалимничай! – отмахивается бабушка.

– Ну, баб!

– Ну, что, баб? Ты же спортсменка, должна соблюдать режим! Есть надо по утрам, а вот вечером можно и затянуть кишку... – начала бабушка свои извечные нравоучения, но мама, слава богу, прервала ее очередную тираду, чему я была безмерно рада. И пока бабушка не села на своего конька, выскочила из кухни.

Натянув джинсы, футболку и кроссовки, подхватила одну из сумок и пришла в ужас.

Корячась, доперла ее до коридора и еле разогнулась.

– Каким образом я там все это буду выгружать? – спросила, задыхаясь.

– Обыкновенным, Ян. Тетя Катя тебя встретит, – ответила мама, крася губы.

Да уж, хорошенький ответ, многое объясняет. Тетя Катя женщина, конечно, крепкая, но до Шварца ей далековато. Ладно, разберемся на месте, хотя уверенна, в Москве от крестной будет нагоняй за такой сюрприз.

У мамы запиликал телефон, извещающий нас, что такси прибыло. Сразу наступила тишина, мы переглянулись и одновременно присели на мои сумки. У бабушки глаза были уже на мокром месте, да и мы с мамой недалеко ушли: сидели с закушенной губой и смотрели в пол. Я в последний раз обвела нашу двушку взглядом: маленькая, с допотопным ремонтом, но такая родная. Память сохранила картинку, а

я отвернулась, захлопнула дверь, под названием «Рубцовск» и двинулась навстречу новой жизни, окрыленная надеждами и мечтами.

На вокзале мы плакали, не сдерживаясь, но мама еще умудрялась давать указания. Я слушала вполуха, взвинченная до предела. Смотрела на заплаканных бабушку, маму, и сердце разрывалось. Только сейчас вдруг пришло какое-то понимание: мои самые близкие и родные люди останутся за тысячи километров от меня. Через несколько минут я сяду в поезд, и он помчит меня в огромный мир, где я буду совершенна одна. Стало страшно, желудок скрутило, но я старалась сохранять улыбку на лице.

Последнее объятие, поцелуй, слезы ручьем и вот толпа уже несет меня в поезд. Захожу в тесный вагон и бегу скорее к окну, расталкивая людей. Поезд трогается с места, я машу своим, все расплывается, а на сердце тоска.

Так я стояла довольно долго, перед глазами проносились окраина города. Я проводила ее взглядом и вернулась на свое место. А потом были трое суток чтения. Моими соседями оказались три бабульки, которые только и знали, что пить чай, да обсуждать знакомых. На станциях я бегала по пятнадцать минут, чтобы размять затекшее тело – долго сидеть на одном месте не могу. Три дня тянулись бесконечно долго и в то же время пролетели, как один миг.

В Москву мы прибыли рано утром, поэтому заспанная и растерянная я металась из стороны в сторону, не зная, что

делать с моими пожитками. Благо, навстречу мне вышли двое мужчин и помогли вытащить багаж из поезда.

И вот стою я с четырьмя гигантскими сумками на перроне Ярославского вокзала и не знаю, в какую сторону ломится. Мимо пробегают люди – все куда-то спешат, что-то кричат, толкаются. У меня голова идет кругом от этого дурдома. К такому я, однозначно, не была готова.

Нашарив телефон в кармане, отправила смс-ку тете Кате, как мы и договаривались, и стала ждать. Крестную я заметила сразу же. Да и на такую женщину невозможно было не обратить внимания – она выделялась из толпы. Я не видела ее лет пять, наверное. В детстве она поражала мое воображение, от нее веяло какой-то загадочностью и величием. Для меня она была кем угодно; колдуньей, королевой, феей, но не обычной женщиной. И сейчас я понимаю, что неспроста. Высокий рост, правильная осанка, гордо вздернутый подбородок и надменный взгляд. Крестная не была красавицей, но тем не менее, эту курносую женщину с огромным ртом, большими глазами и белым ежиком на голове, можно назвать интересной.

– Ну, привет, кукла, – улыбнулась она и внимательно осмотрела мои сумки; я так же пристально рассматривала ее. Модная тетечка, я вам скажу. Да и как еще могла выглядеть портниха? В ушах у нее поблескивали крупные серьги – уж не знаю драгоценные или нет, в этом я не разбираюсь. На носу круглые очки. Одета она была в широкую белую блузку

без рукавов, заправленную в джинсы – скинни, но вот мой взгляд остановился на туфлях – лодочках, которые сразу же ввели в ступор .

– Так, и что это?–недовольно поинтересовалась крестная.

Я смущенно улыбнулась и пожала плечами. Тетя Катя тяжело вздохнула и покачала головой.

– Ну, даете господа-товарищи! Ладно, сейчас разберемся, – пообещала она, но тут к нам подошли два парня и девушка.

– Извините, а вы не подскажите, как нам добраться вот до этого места?

Они протянули лист бумаги, указывая на что – то. Тетя Катя улыбнулась им приветливо, и с поразительным энтузиазмом ответила:

– Конечно, я вам даже покажу. Мальчики, хватайте сумки, вам с нами по пути.

Ребята со счастливыми лицами подхватили мой багаж и, руководствуясь указаниями тети Кати, помогли нам доехать до самого дома. За это время я не успела ничего толком разглядеть, кроме скопища людей. Казалось, каждый квадратный сантиметр занят кем-то. Если честно, мне даже стало не по себе, как будто воздух потихонечку перекрыли. Но все это как-то отошло на второй план, когда возле самого дома тетя Катя сообщила:

– Молодцы ребятки. Вам теперь тем же путем, только вернитесь на две станции назад. Все ясно?

– Да вы че, охерели? – возмутился парень.

– Это Москва, мальчик, привыкай! – отчеканила она.

Молодые люди, как и я, с шоком взирали на женщину и не находили слов, а она меж тем, как ни в чем не бывало, подхватила две сумки, открыла дверь в подъезд и махнула мне головой. Я старалась не смотреть на возмущающихся помощников, молча взяла оставшиеся две сумки и последовала за крестной. Поднявшись на лифте на двенадцатый этаж, мы все равно задыхались от тяжести. Зайдя в квартиру, с облегчением сбросили тяжелую ношу и блаженно потянулись.

Я с интересом оглядывалась, топчась на пороге. Тетя Катя же разулась и ушла куда-то, но через минуту вернулась.

– Ян, ты чего застыла? Проходи.

– Зря вы так с ребятами, помогли все же, – высказалась я. Мне до сих пор не давал покоя ее поступок. Моя крестная закатила глаза и снисходительно пояснила:

– А ты, Яночка, на ус мотай и рот не разевай. Таких, как я здесь столько, что тебе и не снилось. Внимательной будь и осторожной! Урок тебе, короче, с ходу, – усмехнулась она.

– Да уж, с корабля на бал, – покачала я головой.

– Ну, а как ты хотела?! Это столица! – резюмировала иронично крестная, но уже в следующее мгновение отмахнулась. – Ладно, разуйся, хватит на пороге торчать. Иди, душ принимай. Располагайся, в общем.

Я тяжело вздохнула и разулась. Естественно, этот случай меня несколько шокировал, и я осуждала тетю, но с другой

стороны, наверное, она все же права. Правда, ребят очень жаль. Не хотела бы я оказаться на их месте...

Но последовав примеру крестной, отмахнулась от этих мыслей и прошла в гостиную. Она была совмещена с кухней, впереди располагалась огромная лоджия, где в данную минуту курила тетя Катя, задумчиво глядя вдаль. Я осмотрелась. Квартира была небольшая, но с хорошим ремонтом. Ничего вычурного: просто, чисто и со вкусом. Светлые тона во всем, хотя я не особо люблю такой стиль. Мне нужно что-то яркое, дерзкое, со всякими безделушками и мебелью с завитушками. У тети Кати же, напротив, ничего лишнего: диван, плазма и журнальный столик – все это молочного оттенка. Зеркало во всю стену – наверное, шкаф-купе, напротив – кухня в таком же цвете.

– Янусь, а ты чего стоишь – то опять? – спросила тетя Катя, возвращаясь с лоджии. – Тащи сюда сумари свои, сейчас я тебе выделю место в шкафу и положишь туда необходимые вещи. Остальные в кладовке будут стоять. Там, наверное, у тебя куча всего для общаги?

Я кивнула.

– Не пойму я Ирку. Живу одна, ты мне не в тягость. Живи, учись, я только рада. Но нет, мы же гордые! – возмущалась тетя Катя, освобождая шкаф.

– Мама она такая, – улыбнулась я, притавив свои сумки из коридора.

– Спать будешь здесь, Ян, потому что у меня другая ком-

ната рабочая. – сообщила крестная, кивнув на диван в гостиной.

– Хорошо.

– Ну, иди, душ принимай, я пока на стол накрою. Полякаем чуть-чуть.

Я усмехнулась и последовала ее совету, прихватив халат и сумочку с принадлежностями для душа.

О, это было такое блаженство – после трех суток трясучки и грязи стоять под горячими струями воды, смывать с себя пыль и усталость. Выползла я, наверное, через полчаса. Разморило меня конкретно, поэтому клонило в сон.

– Я уж думала, ты там утонула. – сообщила тетя Катя, суетясь на кухне. Пахло очень вкусно, у меня даже в животе заурчало. – Садись. Сейчас картошку доварю, и будем обедать.

Я присела за стол, передо мной тут же появилась чашечка кофе. Минут пять я наслаждалась его вкусом и, как ни странно, потихонечку засыпала.

– Янулька, просыпайся, налетай, – погладила меня по голове крестная.

Так удивительно: вроде бы не видела ее столько, а легко с ней, как будто всегда была рядом. Хотя, если так подумать, она незримо присутствовала в моей жизни. Пусть не приезжала, но звонила регулярно, подарки присылала. Они с мамой лучшие подруги еще со школы, пусть и в разных университетах учились, а все равно не забывали друг о друге. Именно тетя Катя поддерживала мою маму в период бере-

менности и после моего рождения. Если было нужно посидеть со мной, она всегда бросала все дела и мчалась к матери. Может быть, крестная и не являлась слишком добрым человеком в отношении других людей, как например, с сегодняшними ребятами, но тем, кто западал ей в душу, была предана всем сердцем. Она поздно вышла замуж, после чего переехала в Москву, но недолго ей удалось насладиться семейным счастьем. Через четыре года ее муж ушел к другой женщине, так как тетя Катя не могла иметь детей. Они с мамой стали теснее общаться – обе были одиноки. Моего приезда крестная ждала с нетерпением, наверное, все же не хватало ей ребенка.

– Спасибо, – улыбнулась я, принимаясь за курицу с картофелем. Тетя Катя не ела, попивала кофе и пристально смотрела на меня. Но я это заметила, только когда практически все съела.

– В чем дело? – спросила, смущаясь.

Она улыбнулась и покачала головой, заправила мне за ухо мокрую прядь волос и тихо ответила:

– Любуюсь тобой, Янка. Красивущая ты! Мать такая же была. Все мужики ей вслед глядели, разинув рты.

Я зарделась от ее слов и опустила голову вниз.

– Спасибо. – выдавила из себя.

– О, а чего робеешь -то ? Объективно надо себя оценивать, а то так можно и с одного комплемента улететь. Щас в универ пойдешь, ушлых, знаешь, сколько? Не успеешь глазом

моргнуть, уже в трусы полезут. Но ты смотри мне, будешь по койкам прыгать, сразу домой отправлю! – строго предупредила она. Меня же это возмутило до жути, поэтому тут же огрызнулась.

– Я и не собиралась так-то! Че к чему вообще?

– К тому, что все мы не собираемся, а потом нарисуетя принц этот, недоделанный, и ум ветром сдуло. Любовь любовью, Яночка, но она быстро проходит, а жизнь длинная... Бывает невтерпеж, ясно понятно – гормоны играют. Ты девочка красивая и надеюсь, неглупая. Ухажеров у тебя будет выше крыши, но не надо спешить и делать ошибки. Учись, становись на ноги, а с мужиками нагуляться всегда успеешь.

Я была смущена этим разговором, и в тоже время понимала, что тетя Катя права. Ее советы были созвучны с моими установками на ближайшее будущее, а они направлены исключительно на получение высшего образования. Так что я поспешила успокоить крестную.

– Неглупая, тетя Кать, не переживай, – заверила я ее. Она как -то со скептизмом кивнула и отпила кофе. Минут пять мы сидели в тишине, затем крестная перешла к делу.

– Ладно, по мере поступления будем решать проблемы. – подвела она итог недавним речам. – Завтра едем в приемную комиссию, подаем документы. У меня два свободных денька – покажу тебе Москву, а потом сама, Янусь.

– Окей! – пожала я плечами.

Дальше мы болтали о маме и бабушке. Тетя Катя интере-

совалась моими успехами в школе, подружками, мальчиками – в общем, всем. Я ничего не скрывала, да и было бы что таить. С ней было легко общаться, гораздо проще, чем с мамой. Мама – это все же не подружка, а с крестной атмосфера дружеская, понимающая. Проговорили мы до самого вечера, потом легли спать.

А утром началось полнейшее безумие. Сначала невероятнейшие пробки, потом огромная очередь в приемную комиссию. Шум, беготня, куча лиц – все что-то кричат, обсуждают, смеются. У меня глаза разбегались, и становилось страшно – это ведь только первый день работы приемной комиссии, а сколько еще будет заявлений?! Конкурс нешуточный.

Только к вечеру мы приехали домой выжатые, как лимон. Поужинали и разошлись по своим комнатам. Я посмотрела телевизор, поговорила с мамой и вскоре отрубилась.

На следующий день была прогулка по Москве. Тетя Катя долго думала, с чего начать мое знакомство с нашей столицей. В итоге решила, что с главных достопримечательностей. Ну, а мне в общем -то было все равно, лишь бы побыстрее начать. За свои восемнадцать лет я только раз выезжала за пределы родного города и то в деревню к бабушкиной сестре, поэтому для меня Москва казалась сказочной страной. Я, как замороженная, оглядывалась по сторонам, поражаясь красоте и величию этого города и в то же время тому, насколько убог Рубцовск на фоне столицы. Понимание этого вызывало у меня какое-то чувство стыда и неловкости, слов-

но и я такая же убогая, как мой город. Но крестная быстро отвлекла меня от дурацких размышлений. С ней было очень весело, она интересно рассказывала об истории тех или иных мест, разбавляя исторические справки забавными случаями из собственной жизни. Мы гуляли до самого вечера, от впечатлений и восторга у меня кружилась голова, хотя еще много всего предстояло увидеть, но я решила, что продолжу знакомство со столицей после экзаменов, которые должны были начаться через неделю.

Все это время я упорно готовилась, не выползая из-под книг и с детской площадки, где репетировала свою вариацию на фрагмент из классического и современного танца. Это было еще то представление. К концу недели меня уже знал весь двор. Соседи каждое утро следили за моими выступлениями.

И вот настал этот знаменательный день – я приехала в Химки, чтобы сдать профильный экзамен. Как ни странно, волнения я не испытывала хотя всю неделю была в диком напряжении, но у меня всегда так – сначала паникую, а в ответственный момент ноль эмоций. Но это продолжалось недолго. Как только я зашла в корпус и увидела толпу смеющихся абитуриентов, страх липкими щупальцами опутал меня. Все были уже переодеты в танцевальную форму и теперь с усмешками поглядывали на меня. Не знаю, то ли их насмешила моя слишком нарядная одежда, то ли растерянность, но меня это очень смутило, и словно ступор напал. Я заку-

сила губу, не зная, что мне делать. Спросить у кого-то, где здесь туалет, просто не могла, хотя робкой меня не назовешь. Наверно, я находилась под впечатлением от большого города и еще не адаптировалась. Поэтому нервничая все сильнее, оглядывалась по сторонам, но ничего так и не придумала. С каждой секундой время тикало, я волновалась все сильнее под насмешливыми взглядами. Внезапно в холл ворвалась девушка. Она тоже была немного растеряна, но, в отличие от меня, думала недолго. Подхватив сумку, подошла к какому-то пареньку и спросила:

– Где вы переодевались?

Я постаралась прислушаться к ответу, но болтовня окружающих не позволила этого сделать. Заметив, что шатенка двинулась куда-то, расталкивая людей, я последовала за ней. Вскоре мы вместе зашли в туалет. Она с интересом оглядела меня, я приподняла вопросительно бровь. Шатенка усмехнулась и продолжила снимать одежду. Честно говоря, ее крупногабаритное тело меня несколько шокировало. Девушкой она была симпатичной, ну, знаете, из категории тех, про кого говорят милашка. Светло – русые волосы до лопаток, губки бантиком, розовые щечки. Но фигура далеко не танцевальная. Я тоже, учитывая третий размер груди, не формат, но до этой бабищи мне было далеко. Она кстати, как и я бродила по мне оценивающим взглядом, пока мы ими не столкнулись, что вызвало у нас обоих смех.

– Я Лера. – выдавила, все еще посмеиваясь, шатенка.

– Яна. – ответила я, улыбаясь.

– Ты нездешняя?

– А что, так заметно?

– О, да! Растерянные глазищи провинциалок видно за версту, – сообщила она с усмешкой. Ее замечание смутило меня, но не обидело. В конце концов, против истины не попрешь.

– Значит, надо купить очки, – парировала я, натягивая ло-
сины.

– Некоторым уже ничего не поможет. Я тут пообщалась с народом, пока документы подавала. Дурка плачет по многим. Не понять откуда притащились, зато понтов – мама дорогая! – поделилась она впечатлениями. И это было так комично, что я вновь рассмеялась.

– А ты откуда?

– Я Москвичка! А что, не видно? – выпятив свою внушительную грудь, сообщила она театрально, я же опять приснула.

– Вот сейчас видно! А так, я думала какая-то провинциалка.

– Да я вообще простая, как сибирский валенок.

– Кстати, я из Сибири. – произнесла я с усмешкой.

– Сорри... – ответила Лера машинально, хотя было видно, что неловкости она не испытывает.

– Да ничего.

Мы уже переоделись и теперь, переговариваясь, шагали

к экзаменационному залу. Лерка оказалась той еще болтушкой. За те пять минут, что мы шли, она выведала у меня чуть ли не всю подноготную, заваливая бесконечными вопросами. А когда мы оказались около двери, у нее начался мандраж, и мне пришлось ее успокаивать. Я и сама стала волноваться, потому что результаты объявляли сразу же. Постепенно народ стал выходить, кто с лицами счастливыми, кто с грустными.

– Гельмс! – объявили в коридоре. Лерка соскочила со стула и с глазами по пять копеек уставилась на меня.

– Блин, это меня! – дрожащим голосом сообщила она.

– Успокойся. Ты все сдашь, даже не сомневайся. Давай, ни пуха! – решительно наказала я ей, она, тяжело сглотнув, кивнула, и поплелась в зал. Дверь за ней закрылась, а я закусила губу от волнения и уже не только за себя. Через десять минут Лера выскочила с радостным лицом и кинулась мне на шею.

– Янка-а, я сдала! – кричала она, смеясь, и я вместе с ней хохотала, раскачиваясь из стороны в сторону в ее объятиях, искренни радуясь. Тут дверь открылась, и объявили:

– Токарева!

Я шумно втянула воздух, отстранилась от Леры. Она шуточно перекрестила меня и подтолкнула вперед. Я кивнула и направилась в зал. Он был небольшой, по кругу зеркала, в дальнем конце комиссия из пяти человек – все, как на подбор, с постными лицами, вззирающими на меня, как на бу-

кашку. Я вздернула подбородок и вышла на середину зала.

– С чего начнете? – спросил кто-то. Я сглотнула и твердо ответила:

– С комбинации аллегро.

– Помните, что на пальцах? – предупредил меня уже другой член комиссии.

– Конечно! – вновь спокойным голосом ответила я.

– Начинайте. – раздался приказ.

Я выдохнула и начала, сконцентрировавшись только на своих движениях. Все пролетело, как в каком – то сне. Аллегро, потом экзерсис у станка, вариация на фрагмент классического балета, которую я отработывала целый год. И вот я уже стою, дышу рвано, поджилки трясутся от волнения. Смотрю на бесстрастные лица членов комиссии. Они переговариваются между собой, я же готова в обморок упасть от этой пытки, называемой ожидание.

– Поздравляем, вы прошли отбор. – сухо сообщили мне. Я кивнула и медленно вышла из зала. Тут же на меня накинулась Лера. Я не ожидала, что новая знакомая будет ждать.

– Ну, как? – спросила она с улыбкой.

И я дала себе волю: засмеялась, закивала. Лерка подхватила мой смех и мы, как две дурочки, начали прыгать и визжать до тех пор, пока нас не выгнали. На улицу мы выбежали, хохоча над этим инцидентом.

– Так, это надо отметить! – хлопнула в ладоши Лерка, когда эмоции немного схлынули.

– Рано еще праздновать, вот сдадим все, тогда и гульнем, – ответила я.

– А вдруг не сдадим?

– Типун тебе на язык. Что там не сдать-то по истории хореографии?

– Ну, пошли хоть по морожке съедим? – потянула она меня в другую сторону.

– Да я деньги только на проезд взяла, – с сожалением призналась я.

– Ну и ладно, все равно идем! У меня мама менеджер в ресторане, так что вперед. Я сегодня угощаю, а после погуляем немного. Ты же еще не везде была? – протараторила Лера, по-прежнему таща меня за собой. Мне очень хотелось прогуляться после недельного, точнее годового загруза, и я решила, что позже верну ей деньги.

– Хорошо, только я потом все равно отдам тебе деньги, – поставила я ей условие.

– Пошли уже, – отмахнулась она, и мы двинулись к автобусной остановке. В транспорте Лерка без умолку тараторила: рассказывала о себе, комментировала все, что видела. Так я не хохотала уже лет двести. Достав телефоны, мы фотографировались прямо в автобусе, корча рожицы: губки уточкой, пафосное личико, хитрые глазки. На нас косились, но было все равно. Просмотрев фото, Лерка недовольно скорчилась и сказала:

– Не буду с тобой больше фотаться, а то у меня комплекс

разовьется.

– Да, конечно, —отмахнулась я на автомате, начиная привыкать к подобным ремаркам в адрес своей эффектной внешности.

–Ой, да что «конечно»?! Смотри, как на тебя мужики косятся, – кивнула она в сторону сидевших напротив нас парней. Я посмотрела на них, и один тут же подмигнул мне, а после поднялся со своего места и направился к нам.

Мы переглянулись с Леркой и закатили глаза.

– Выкручивайся, – шепнула она мне, усмехнувшись. А я растерялась, не зная, что делать. Поэтому натянула на лицо непроницаемую маску и уставилась в окно. Парень остановился прямо надо мной и весело обратился:

– Привет, девчонки!

Я взглянула на него и приподняла бровь в ожидании дальнейших действий, но он не смутился, а продолжил;

– Давайте, знакомится.

– Зачем? – спросила я холодно.

– Ну, как зачем? Погуляем вместе, пообщаемся, крошка.

– Не хочу тебя огорчать, но парни, разъезжающие на автобусах – не наш формат! – парировала я насмешливо. Не знаю, какой бес в меня вселился, но это дурацкое «крошка» взбесило. Дебил, мачо недоделанный! С него тут же сошла удаль: улыбка сползла с лица, а в глазах загорелся злой огонек.

– Ну, и пошла на х**, сука! – выплюнул он и развернулся, чтобы уйти, но тут Лерка вслед кинула:

– Сам туда п*здуй.

Старики загалдели, а придурок обернулся и показал фак. Лерка ответила ему тем же, а после повернулась ко мне.

– Не хило ты его отбрила. Аккуратней, всяких дураков хватает.

– Пошли отсюда. – прошипела я, потому что все теперь с осуждением смотрели на нас. А бабульки начали свою извечную песню о том, что за молодежь нынче пошла. На следующей остановке мы выскочили из автобуса и вновь начали смеяться, вспоминая лица людей, а главное, этого парня.

Через пятнадцать минут подошли к кафе Де Марко. Это было заведение с очень уютной и теплой атмосферой. Стильная обстановка, напоминающая уютные кафе Венеции, хотя я ее не видела, но представляла нечто такое. Все выдержано в светлых и коричневых тонах, особенно мне понравились лестница на второй этаж и панорамные окна на первом этаже.

– Красиво. – констатировала я.

– Это еще средне. – фыркнула Лерка, как мне показалось, несколько высокомерно, и потянула меня на второй этаж. – Здесь работать будем, если не поступим.

– Иди ты! – отмахнулась я от нее.

Мы поднялись наверх. Там нас проводили за столик и предложили меню. Вскоре к нам подошла светловолосая женщина в черном брючном костюме. Она тепло улыбалась. Я сразу же поняла, что это Леркина мама. Она поприветство-

вала меня, а потом обратила внимание на дочь. А я позвонила своей маме, чтобы поделиться отличной новостью. Разговор затянулся аж на полчаса, мама никак не могла справиться с восторгом. За это время принесли наш заказ: молочные коктейли и мороженое. Так как я с утра, как обычно, ничего не ела, то с жадностью накинулась на еду. Утолив немного голод, притормозила. В ресторане мы провели где-то час. Говорили о школе, тренировках, всяких забавных случаях из жизни. С Леркой было круто: столько энергии и позитива я ни у кого еще не видела, она заряжала положительными эмоциями. Вечером мы бродили по Арбату, я позвонила тете Кате и предупредила ее, что немного задержусь.

С наступлением темноты разговоры стали откровеннее.

– У тебя мужик есть? – спросила Лерка вот так в лоб. К этой минуте мы, кажется, знали всю подноготную друг друга.

Я засмеялась.

– Нет.

– Ну, был же? – недоверчиво покосилась она.

– Нет. – посмеиваясь, ответила я.

– Гонишь! – округлила она глаза.

– Почему это? – мне стало интересно. На самом деле, она была не первым человеком, считающим, что за мной толпами парни ходят. Но в школе все знали, что со мной ничего не обломится, как не старайся, поэтому никто не хотел тратить время, когда есть девочки поговорчивее. Ну, а кроме школы и тренировок я больше никуда не ходила, поэтому была

не в курсе, какое впечатление произвожу на сильную половину человечества. Но ответ Лерки меня обескуражил.

— Потому что внешность у тебя бл*дская, на такую мужики всегда клюют! — выдала она как-то пренебрежительно, что мне даже стало стыдно за свою эту «бл*дскую внешность».

— Ну, какая есть, — пожала я плечами, скрывая смятение. Но Лерка будто почувствовала и преувеличенно бодро ткнула меня в плечо.

— Эй, ты чего? Я же шучу! Завидую; все мужики теперь твои.

— Да мне как-то не особо надо.

— Ой, да ладно.

— Я вообще-то серьезно.

— Как все запущенно. Че, прям вообще ни-ни? — лукаво поинтересовалась она.

— Ну, сказала же, — раздраженно ответила я. Почему — то мне стало неловко из-за своей невинности. Черт, как же смешно звучит-то!

— У вас там в Сибири, видать, отмороженные мужики. Даже я тебя хочу, — заявила она, как ни в чем не бывало, вызывая у меня шокированный хохот.

— Нет, а че ты ржешь? Seriously, — возмутилась она.

— Гельмс, ты меня пугаешь.

— Это ты пугаешь, Токарева. Мне бы твои данные, и я бы уже захомутила какого-нибудь олигарха.

–Ага, – скептически отозвалась я. – Знать бы, где еще эти олигархи обитают.

–Пф, кто ищет, тот всегда найдет, – фыркнула Лерка, но уже в следующее мгновение засмеялась, видимо, сообразив, что за чушь мы обсуждаем.

Некоторое время мы шли молча, а потом она задумчиво произнесла:

– На самом деле, это круто, что ты не торопишься. Я вот сейчас жалею, что со всякими придурками спала. Первый раз свой вообще не помню; отмечали Новый год в десятом классе, и все случилось. Сейчас бы иначе это дело замутила.

–О, ну, ты еще поплачь. Все, что ни делается– все к лучшему, так что не хандри, – попыталась я ее подбодрить, а то она как-то сникла.

–Точняк, – согласилась Лерка, не долго думая, и сразу же с энтузиазмом перекинулась на другую тему. – Ой, кстати, сегодня в универе видела парня, забыла тебе сказать. Та-а-кой красавчик! Офигенный. Как глянул своими глазищами, я чуть не упала. Вот знаешь, до этого момента не верила, что так бывает. А тут стою, и он мимо проходит, все девки замерли, зашептались. А он оглядел нас таким взглядом, типа к ноге, сучки, и все замерли. Ты бы видела... Высоченный, фигура атлета. Просто бог! – закатила она глаза, а потом прыснула. Я же просто задыхалась, утирая слезы. Лерка посмотрела, как я катаюсь на лавке, держась за живот, и пихнула меня в бок.

– Если увижу его, обязательно тебе покажу, будешь потом на пару со мной слюни пускать. Хотя... че пускать? Надо действовать.

– Ага. – скептически покачала я головой, а потом глянула на время. – Слушай, надо уже закругляться.

– Надо. – согласилась она, и мы пошли на остановку. Затем обменялись телефонами и разошлись каждый в свою сторону.

Следующие три дня до экзамена мы постоянно были на связи. Тетя Катя радовалась, что я уже нашла себе подругу. А Лерка с каждым днем становилась мне все ближе и роднее. Перед очередным экзаменом я даже не волновалась – к нему я тоже готовилась весь год, поэтому в своих силах была уверена. Мы с Лерой приехали пораньше, поэтому пошли на экзамен в первой группе. Я почти уже все написала, когда меня толкнула в бок какая-то блондинка и спросила шепотом:

– Слушай, подскажи этапы становления русского балета.

Я огляделась по сторонам – все сосредоточенно строчили. Посмотрев на умоляющее лицо девушки, решила помочь ей – написала ответ на листке. Взглянув еще раз вокруг, протянула записку, но тут сзади раздалось:

– Что у вас в руке?

Я тяжело сглотнула и повернулась. На меня грозно надвигался сухонький мужичок, сверля недовольным взглядом.

– Ничего. – прохрипела я, сжимая записку. Блондинка же

уткнулась в свой лист и делала вид, что не при делах. Вот ведь сука! Хотя... это я просто дура.

– Показывайте! – подошел мужчина и указал на руку. Я затряслась, но кулак разжала.

Он быстро пробежался по листочку взглядом, нахмурился еще сильнее, а потом выдал, убивая меня:

– Значит, шпаргалки прячем?!

– Нет. – выдохнула я. Меня затошнило от ужаса и словно парализовало. Я знала, что за это сразу же исключают.

– Ваша фамилия!

– т-Токарева.

Он записал себе в блокнот, затем окончательно добил меня.

– Собирайте вещи и на выход. Можете сразу же забрать документы.

Я не верила, стояла посреди зала и не знала, что делать. В меня впились сотни взглядов абитуриентов, многие из них посмеивались. Слезы обожгли глаза. Я чувствовала, как мои мечты с оглушающим звоном разбиваются. Трясущимися руками собрала вещи и на негнущихся ногах покинула аудиторию. Мужчина пошел следом за мной, проводил меня в какой-то кабинет, где мне тут же выдали документы.

Я не заметила, как оказалась на улице. Слезы текли по щекам, а я шагала, как сомнамбула, сама не ведая куда. Город стал чужим и серым, жизнь казалась разрушенной. В голове не было ни одной мысли, хотелось лечь и умереть. Телефон

разрывался, но у меня не было сил с кем-либо говорить. Я просто сидела на лавке и смотрела в одну точку, будто оглушенная. Боже, как же я скажу маме об этом провале? Она же столько средств и сил в меня вбухала. Как вернусь в Рубцовск? Что мне вообще теперь делать?

Адское разочарование скручивало меня, рвало на части. Я разве что не кричала на всю улицу. Как? Как такое возможно? Ведь я была всего в шаге от заветной мечты. У меня были хорошие результаты ЕГЭ, отличная подготовка, поэтому сомневаться в успехе не приходилось.

Так я просидела довольно долго. Эмоции постепенно утихли, в душе поселилась пустота. Одно я решила абсолютно точно – ни за что не уеду из Москвы, иначе пиши пропало. Я обязательно поступлю на следующий год, а пока буду работать. Винить в своем провале мне было некого и от этого еще горше. Приняв для себя решение, я поехала домой, готовясь к серьезному испытанию – разговору с тетей Катей. Я знаю, что мои шансы равны нулю, но я должна во что бы то ни стало уговорить ее подыграть мне и не сообщать новость маме. Не хочу, чтобы она расстраивалась, переживала, стыдилась меня.

Когда я вошла в квартиру, обомлела. Навстречу мне выскочили крестная и Лерка. Я удивленно покосилась на подругу. Но мне не дали и рта раскрыть, тетя Катя тут же начала кричать:

– Янка, ты с ума сошла?! Да ты знаешь, что мы тут всех

на уши поставили?

Она продолжала возмущаться, я же не слушала, внутри медленно расплзался ужас.

– Ты маме звонила? – спросила я дрожащим голосом.

– Нет. Сама этим займешься и сообщишь, как лоханулась. А я ведь тебе говорила! Это Москва, а не твой колхоз. Тут с тобой никто сюсюкаться не будет! Хотела добренькой побыть? А никому это на хер не нужно!

– Хватит! – оборвала я ее.

– Ты со мной еще поговори! Звони матери!

– Не буду я никому звонить, – огрызнулась я и подошла к шкафу, вытаскивая сумки.

– Что это еще за новости? – иронично поинтересовалась она.

– Такие. Я останусь в Москве! – выдавила я из себя. Руки тряслись от нервного напряжения

– Чего – чего? А где это ты собралась проживать в Москве, интересно?

Я тяжело сглотнула и посмотрела на Лерку, которая сейчас притихла. Она, словно поняв мою немую просьбу, прокашлялась и неуверенно подала голос:

– У меня.

Тетя Катя усмехнулась и покачала головой.

– Не резиновая Москва. Дур таких знаешь сколько?! На что ты собираешься жить?

– Проживу, не переживай. – зло, сквозь слезы, прокричала

я, пакуя вещи. Меня так сильно задели ее слова. Да и вообще, я была выжата, как лимон. Там, на аллее, все казалось просто, а сейчас вдруг с ужасом понимаю – мне некуда деваться, я загнана в угол. Ну, где я буду жить? Где работать? Что мне делать? Одно я знала точно – я не хочу домой. Не хочу видеть потухший взгляд мамы и бабушки. Они же столько надежд на меня возлагали. Не могу больше сдерживаться: сажусь в кресло, утыкаюсь в коленки и реву навзрыд. Я не заметила, как оказалась в объятиях тети Кати.

– Ну, все, все. Ну, ты чего, детка? Ну, не конец ведь света?! На следующий год мы с тобой обязательно поступим. Ты мне скажи, зачем документы-то забрала? Ох, надо было мне с тобой идти, я бы их там разнесла! – причитала она, успокаивая меня. К нам подсела Лерка, взяла меня за руку.

– Ян, не убивайся ты так. Хочешь, я с мамой поговорю? Возможно, поможет тебе с работой – им часто официанты требуются. Нормально все будет, Ян.

Я кивнула, а потом посмотрела на крестную и отчаянно попросила:

– Теть Кать, пожалуйста, очень тебя прошу, не говори маме. Я буду платить за квартиру, обещаю. Я...

– Прекрати! – оборвала она меня и вышла на лоджию, покурить. Я же заламывала кисти и наблюдала, как она задумчиво смотрит вдаль.

– Я поговорю с мамой, попрошу ее помочь. Сеть Де Марко большая, где-нибудь обязательно будет работа. Так что не

накручивай, все будет! А этой суке я пинка дала, сказала, что ей п*здец! Ты бы видела, как она бежала – только пятки и сверкали, –попыталась успокоить меня Лерка.

Вышло наоборот– я истерично засмеялась. Но чтобы не пугать Гельмс, сжала с благодарностью ее руку.

Вошла тетя Катя: бледная, губы поджаты, взгляд строгий. Я застыла в ожидании ее ответа. Она еще некоторое время сверлила меня взглядом, а потом вздохнула тяжело и сказала:

– Только попробуй не поступить на следующий год, придушу!

Все внутри меня оборвалось, слезы потекли из глаз, а на губах заиграла улыбка.

В эту минуту я пообещала себе, что из кожи вон вылезу, по головам пойду, но выкарабкаюсь!

ГЛАВА 3

Обманывать нехорошо. Кажется, так учили нас в детстве. Сейчас я убедилась, что прежде всего, «нехорошо» в этом случае тебе. По крайней мере, когда врешь своим близким.

Месяц назад моя жизнь превратилась в спектакль под названием «Я студентка, у меня все круто». На тот момент казалось, что проблема заключается лишь в том, чтобы уговорить тетю Катю подыграть мне, но я ошиблась. Понимание этого пришло, когда настало время поделиться «радостными» вестями с мамой.

Так я еще никогда не волновалась: язык словно прирос, меня парализовало. Но пересилив себя, сухо сообщила, что теперь я первокурсница. Только маму такой ответ не удовлетворил, она требовала подробностей вплоть до мелочей. Скрипя зубами, пришлось выдумывать велосипед. У меня было чувство, что с каждым лживым словом я отдаляюсь от мамы все дальше и дальше. Она же была такой счастливой, какой я ее никогда не видела. Столько смеха, восторга и радостных слез звучало в ее голосе, что у меня сводило внутренности от осознания моей унылой реальности. Приходилось утешать себя тем, что эта ложь во спасение. Только вот не свою ли шкуру я спасаю от позора и разочарован-

ных взглядов? Такие мысли часто терроризировали мой мозг по ночам, особенно после вечерних разговоров с мамой по скайпу, которые стали для меня и тети Кати настоящей каторгой. Чаще всего после них крестная начинала извечную песню о том, зачем она ввязалась в этот цирк. Меня и саму корежило.

На дворе царствовал еще август, но я с ужасом представляла, что будет, когда начнется учебный год. Каким-то образом придется объяснять маме, почему я не в общежитии. Это будет очень сложно. Мама человек ненавязчивый, лучше стеснит себя, но не других. Оттого она категорически противилась моему проживанию у тети Кати. Не представляю даже, как буду решать эту проблему, а ведь придется еще делиться впечатлениями об учебе, которых нет. В общем, одна проблема обрастала другой. Но на переживания вскоре не осталось времени. Гельмс, как и обещала, поговорила со своей мамой, и через некоторое время меня взяли на стажировку в один из ресторанов сети Де Марко. Санитарную книжку мне сделали за несколько дней, поэтому проблем с трудоустройством не возникло.

Признаюсь, никогда не думала, что для того чтобы стать официантом, необходимо учиться. По крайней мере, в Де Марко к этому делу подход весьма серьезный.

Во время стажировки я должна была выучить меню, включающее в себя более сотни напитков и блюд, состав которых обязана помнить, как отче наш. Разбираться с чем рекомендовать то или иное блюдо, какие соусы, напитки, овощи, закуски посоветовать к нему, в случае, если клиент сомневается в выборе. Еще в ресторане действовала система правил подачи тех или иных сортов чая, кофе, блюд и так далее. В течение месяца моя память тренировалась похлеще, чем перед экзаменом. Но я справилась: освоила все так, что от зубов отскакивало. А после успешной сдачи меню нашему менеджеру начался новый этап – знакомство с коллективом и так называемыми правилами внутреннего трудового распорядка. Их нарушение ощутимо било по зарплате.

За порядком строго следила грозная женщина Алла Ивановна – управляющая. Под ее надзором официанты не только по струнке ходили, но и дышали через раз. Позже мои коллеги, с которыми мне удалось найти общий язык, предупредили, что с Аллой Ивановной надо быть осторожной. Эта педантичная дамочка в брючном костюме и с кислой миной чувствовала себя не просто управляющей, а хозяйкой ресторана, потому как приходилась какой-то родственницей нашему директору. Так что любое слово Змеищи – как за спиной коллектив называл Аллу Ивановну, было законом неза-

висимо от того, права она или нет.

Что касается коллектива, он не далеко уехал от своей начальницы – сборище озлобленных тварей: того и гляди, сожрут. И хотя я хорохорилась, что хрен меня, кто проглотит, вскоре спеси поубавилось, как только моя стажировка подошла к концу.

С сентября я официально вступила в ряды обслуживающего персонала, и начался треш. Вот прямо с первого дня.

Когда в шесть утра прозвенел будильник, на ум пришел достаточно правдивый эквивалент известной поговорки: ученье – свет, а не ученье – чуть свет и на работу, поэтому настроение от незавидных перспектив на ближайший год опустилось ниже некуда. Погода была со мной солидарна: небо заволокло грозowymi тучами, ветер пока еще только набирал обороты и лишь слегка колыхал деревья, но грозился перерасти в ураган.

Одеваюсь потеплее, чтобы сделать зарядку на лоджии. И начинаю разминать мышцы, с остервенением и маниакальной злостью повторяя про себя, что уже через год все будет по-другому: не нужно будет изворачиваться и врать, не нужно будет подрываться ни свет ни заря на работу. Напоминание о ней приводит меня в волнение, живот неприятно скручивает, я очень боялась сделать что-то не так и потерять место.

От нервоза даже не заметила, как сделала зарядку и приняла душ. Собиралась я, словно мышка, дабы не разбудить тетю Катю – она любила поспать, но эти попытки потерпели неудачу, когда позвонила мама. На всю квартиру запела моя любимая Rihanna со своей извращенной песенкой про садомазохизм. И начались лихорадочные поиски телефона по всему залу. Rihanna продолжала горланить «Na-na-na come on», в соседней комнате послышался мучительный возглас:

– Янка, я убью тебя!

Я прикусила губу, но тут же с облегчением выдохнула, увидев свою разрывающуюся Nokia. На экране мигало «мамулечка», вызывая у меня неприятное чувство и липкий страх. Думаю, если и дальше буду так реагировать на ее звонки, то к концу года меня можно смело определять в дурку.

Эта мысль веселит и немного гасит мой страх, поэтому отвечаю на звонок, придавая своему голосу как можно больше радости:

– Мамуль, привет!

– Янка, я тебя разбудила поди? Забываю, что у нас разница во времени, – торопливо проговорила мама. Я усмехну-

лась. Как это по Токаревски: сначала что-то сделать, а потом подумать.

– Нет, мам, я уже на ногах.

– Молодца! Кто рано встает, тому что-то да перепадет. Ты как там? Я вчера допоздна провозилась с новой группой, поэтому не позвонила. Как общежитие? Или ты торопишься?

Я изо всех сил вцепилась в трубку и с колотящимся сердцем слушала торопливую речь мамы. В комнату вошла заспанная тетя Катя. Я бы посмеялась над ее видом: торчащие в разные стороны волосы, лицо, словно после хорошей попойки, да еще пижама с котятами, но сил не хватало даже на улыбку.

– Мам, я тороплюсь. Давай, вечером поговорим?

– Хорошо, донь. С первым учебным днем! Пусть тебе сопутствует успех.

– Спасибо, мамуль.

– Давай, до вечера.

– Ага. Пока.

Я сразу же нажала кнопку отбоя и повернулась к тете Кате, потягивающей кофе. На столе стояла кружка и для меня, но вранье как-то не очень способствовало аппетиту.

– Спасибо, – поблагодарила я, по инерции принимаясь за горячий, ароматный напиток, – извини, что разбудила, – смущенно добавила, делая небольшой глоток скорее для вида.

Крестная отмахнулась и вышла на лоджию, покурить. Как ни странно, я выпила весь кофе. Кинув в сумку телефон и гигиеническую помаду, попрощалась с тетей Катей, но она, по всей видимости, еще не проснулась, поэтому не обратила на меня никакого внимания.

Выйдя из подъезда, я включила музыку в телефоне и надела наушники, чтобы хоть как-то поднять себе настроение, но зажигательные треки были мне, что слону дробина. Так что на работу я прибыла в подавленном состоянии. Хмурые лица моих коллег также позитива не добавили. Ну, а дальнейшее – это просто песня.

Я пришла за тридцать минут до начала рабочего дня, как мне и сказали, но выяснилось, что к этому времени необходимо уже быть в униформе.

– Токарева, а почему ты еще не готова? – обратилась ко мне Алла Ивановна, войдя в раздевалку. Я оглянулась и только сейчас заметила, что из официантов никого не осталось. Мысленно ругнувшись, начала оправдываться:

– Извините, я не знала, что...

– Незнание законов не избавляет от ответственности. Надеюсь, о штрафах ты осведомлена. Минус пятьсот рублей за опоздание, – перебила она меня, едва шевеля тонкими губенками.

Я была в шоке. Нет, меня предупредили о штрафах и многих других вещах, но я же не опоздала, а потому надеялась на понимание со стороны Змеищи. Знаю, знаю: наивность на грани тупости, которая в очередной раз сыграла со мной злую шутку. Вот только ни хрена не смешно. Вспоминается эпизод из фильма «Триста спартанцев»: Аллочка мне, можно сказать, также заехала с размаху своей шпилькой в грудь, крича: «Это Москва! Слабакам тут не место!». Мое состояние на данный момент можно обозначить емко – полный п*здец. Отличное начало дня. Начинаю понимать своих коллег – будешь тут доволен жизнью.

Не знаю, как я сдержала слезы и переоделась, но на этом мои злоключения не закончились. Как только вышла в зал, сразу же растерялась, не понимая, что надо делать. Но пона-

блюда за ребятами, влилась в работу: начала протирать столы, расставлять цветы, пепельницы в зале для курящих. Работы было куча, я даже не заметила, как ресторан открылся, и появились первые посетители.

– Эй, ты че такая кислая? – подлетел ко мне Стасик, когда я пошла за майкросом (машина для введения заказа, отправки его повару и бармену).

– Меня оштрафовали, – тяжело вздохнув, призналась я.

– Привыкай, Янка, впереди еще много всего «веселого». Теперь ты отсюда уползешь только, когда Алка всю кровь высосет, – вставила свои пять копеек Ксюха, проходя мимо.

– Ксюх, не нагоняй жути. Иди лучше, куда шла, – распорядился Стас и помахал девушке рукой, когда она собиралась что-то сказать. Ксю на минуту задержалась, чтобы показать язык, а после скрылась в дверях подсобки. Стас, усмехнувшись, покачал головой. Между ними царила приятельская атмосфера. Мне нравилась эта парочка: рафинированная блондиночка с языком-бритвой и знойный брюнет с манерами хорошо воспитанного дэнди. Они казались небом и землей, но все же кое-что общее у них имелось – оба были помешаны на тряпках и своей внешности. Причем Стас, как мне казалось, даже в большей степени, чем Ксюша. Понача-

лу я подумала, что он гей, но вскоре меня просветили насчет метросексуалов.

– Ян, не вешай нос. Просто будь внимательней. Особенно следи за тем, чтобы не вбить один и тот же заказ дважды. С этим долбанным сенсорным экраном это зачастую происходит. Народу у нас много, поэтому нужно глядеть в оба, а то поторопишься и будешь потом со слезами жевать все, что назаказывала лишнего.

Я смотрела на него с недоверчивой улыбкой. Но вскоре поняла, что он имел в виду.

После полудня ресторан был полностью забит. Не было практически ни одного свободного столика, кроме нескольких, которые являлись резервными для постоянных и, конечно же, богатых клиентов. Они могли и не прийти, но столики должны были пустовать. Сегодня пустующих оказалось два. Впрочем, этот вопрос не особо меня волновал. С постоянными клиентами работали так называемые «свои» официанты, к которым данные небожители привыкли. Честно сказать, из-за этого на нас «неизбранных» ложилась дополнительная работа: нужно было брать лишние столики, так как обслуживание дорогих гостей могло затянуться, как, например, сейчас.

Мне приходилось разрываться на части, бегая с первого этажа на второй, пока Ксюша мило улыбаясь, беседовала с толстым армянином, описывающим в деталях мишку, который должен украшать его латте. Услышав этот бред, я едва истерично не захохотала, но когда посмотрела на мужчину, гнев немного поутих. Армянин и сам был похож на огромного мишку с милой улыбкой, но все равно причуды богатых людей мне вряд ли удастся понять.

Эта мысль отрезвила, и я вновь почувствовала злость. На мне висело порядка двадцати столиков – куча заказов, все с пометками и особыми условиями, почти всем посетителям нужно было что-то подать в определенное время и обязательно с чем-то конкретным. Моя голова разрывалась на куски, ноги болели от бесконечной беготни туда-сюда, а руки тряслись от напряжения и волнения. Все же мне было еще очень тяжело принимать заказы и вести себя естественно. Почему-то я испытывала стыд и неловкость за свою работу. Пусть и выросла в бедной семье, но обслуживать кого-то в мои планы не входило. Но, как говорится, мы предполагаем, Бог располагает.

По всей видимости, меня решили спустить с небес на землю и хорошенько надавить на горло самолюбия. Надо признать, получается шикарно. Чувствую себя разбитой, выжа-

той, как лимон и жалкой на фоне всех этих разряженных, пафосных людишек, с кислой миной делающих заказ. Понимаю с горечью, что я слабая, ничего из себя не представляющая. Прошло всего полдня, а я стала такой же, как большинство сотрудников ресторана – злая на весь мир, недовольная, готовая взорваться в любую минуту. И эта минута наступила, когда спустившись, я обнаружила, что вместо одного салата «Греческий» мне приготовили два.

– Я один вообще-то отбивала, – возмутилась я.

Повар посмотрел на меня, как на идиотку и, ничего не говоря, ткнула прямо в бумажку с заказом, где было четко указано, что я заказала два салата. Нервно сглатываю, когда, словно почувствовав, что запахло жареным, появилась Алла Ивановна.

– Что тут у нас? Лишний заказ? – поинтересовалась она весело, как будто это было смешно. Ей, похоже, доставляли удовольствие чужие проблемы. Эта сука была самым настоящим энергетическим вампиром. Ее настроение росло в геометрической прогрессии от понижения его у окружающих.

– Лена, запиши на счет Токаревой четыреста девяносто рублей, – передала она по рации нашему менеджеру, а после обратилась ко мне. – А ты чего стоишь-то? Беги заказ выполняй, заждались уже люди. Позже народ схлынет, схо-

дишь, пообедаешь, салатик покушаешь, – пропела она сладким голоском, от которого меня передернуло. Краска прилила к лицу, а в груди все перевернулось от унижения и стыда. Хотелось сбежать, забиться в дальний угол и реветь, пока обессиленно не уснешь. Но я проглотила слезы, мелькнувшие в глазах, и вздернула подбородок выше. Спокойно забрала поднос под насмешливым взглядом Змеищи, а после пошла на второй этаж, сдерживаясь, чтобы не зарыдать. В голове только и крутилась мысль о том, что меня штрафовали за день на тысячу рублей, а чаевых даже и пятисот не набралось.

Поднимаюсь по лестнице, а слезы все же застилают глаза, длинный темно-коричневый фартук мешает быстро передвигаться, я спотыкаюсь. Наверняка бы упала, но тут кто-то придерживает поднос. Встречаюсь с обеспокоенным взглядом Стаса и чувствую, что вот сейчас точно расплачусь. Он быстро забирает поднос и тоном, не терпящим возражений, произносит:

– Иди, передохни. Скажешь Алле, что я взял твои столики, пока ты обедаешь. Майкрос давай!

– Не надо. Все нормально, – смутилась я, удивленная и тронутая его пониманием. Он раздраженно втянул воздух.

– Ян, просто дай майкрос и ступай.

Не знаю, что именно, но что-то в его тоне заставило меня протянуть ему машинку. Он молча взял ее и уже собирался уйти, но вдруг сказал:

– Обязательно съешь эту жаренку, ты ее заработала, так что насладись моментом!

Я хохотнула сквозь слезы и пошла вниз.

По дороге сказала Алле, что иду обедать, в ответ та лишь кивнула.

В подсобке достала из холодильника свой салат, поставила на стол шедевр из помидор, сыра, маслин и какой-то зелени. И меня прорвало. Задышавшись от слез, медленно опустилась на стул и начала рыдать навзрыд. Вступать во взрослую жизнь оказалось тяжелее, чем я думала. Материальный мир не делает скидок на возраст и неопытность, он живет по жестоким законам. И выживает в нем лишь тот, кто умеет хитрить, не показывать слабостей, держать удар и быстро учиться на ошибках. Остальных же в два счета ломают, подминая под себя.

Знаете, я ведь уже вроде как попрощалась с детством, но

в реальности это происходит только сейчас. Когда ни сделав и шагу, меня уже сбили с ног. Но я буду не я, если сдамся так легко.

Поэтому утерев слезы, решительно пододвинула к себе тарелку и начала сосредоточено жевать овощи, не чувствуя вкуса. Да и плевать! Пора учиться делать невозмутимую рожу, когда больно, неприятно и невкусно. Хочешь жить – умей вертеться! Так всегда говорит мама. И эта истина теперь мною прочувствована, а не просто принята к сведению. Она не последняя в моей жизни, мне еще много раз придется обжечься и пораниться, прежде чем я наберусь опыта, как жить в этом мире. Но с каждым разом я буду становиться все жестче, равнодушной и безжалостней, а как следствие, сильнее. Ведь именно в этом заключается сила.

С таким воинственным настроем я вышла в зал. Стас подмигнул мне, я благодарно улыбнулась и принялась за работу. До конца смены оставалось несколько часов, и они прошли спокойно. Я была внимательна и осторожна, но настроение от этого не улучшилось. Более того, увидев, сколько заработали чаевых ребята в отличие от меня, вновь стало обидно. Я работала не хуже остальных, но мои заработки утверждали об обратном.

Плюнув на невеселые размышления, быстро переоделась, горя лишь одним желанием – покинуть этот гадюшник. Моральных и физических сил не осталось – меня действительно выжали до нитки. Окунуться в прелести взрослой жизни я оказалась не готова. Собравшись, побежала на выход. Мне срочно нужен был свежий воздух. У черного входа происходила разгрузка продуктов. Я чуть не взорвалась от злости, не зная, что делать.

– Пошли через главный вход, – махнула мне Ксюха.

Я последовала за ней, по пути застегивая кофту. Шла быстро и совершенно не смотрела на дорогу, пока не столкнулась с кем-то да так, что отлетела на приличное расстояние. Боль в плече оказалась настолько ощутимой, что слезы обожгли глаза и затуманили взгляд. Пытаясь их скрыть, я опустила голову вниз, и зло прошипела, пробегая мимо толкнувшего меня мужика:

– Смотри на дорогу, придурок!

– Сама смотри, овечка полоротая! – последовал раздраженный ответ. Я обернулась, чтобы посмотреть на этого ухаля, но дверь за мной уже захлопнулась, а за стеклом никого не было видно. Махнув на инцидент, догнала Ксюшу.

– А где Стасик? – спросила я, оглядываясь в поисках моего спасителя.

– Он сегодня в две смены, – ответила Ксю, закуривая сигарету.

– А так можно? – удивилась я.

– Конечно, если есть желание торчать в этой дурке шестнадцать часов. Лично я – пас, мне никакие деньги не компенсируют нервные клетки.

Я усмехнулась, мысленно соглашаясь, хотя идея дополнительного заработка показалась мне не такой уж и плохой. Все равно полдня нечем заняться. Но для начала нужно немного привыкнуть, а уже после в омут с головой. День был настолько напряженным, что меня даже передернуло от перспективы задержаться еще на восемь часов. В ресторане было две смены: одна – с семи до трех часов дня, другая – с трех часов до одиннадцати. В течение недели приходилось работать в обе смены. Ребята говорили, что в вечернюю лучше – чаевых больше. Завтра узнаю, обманули или нет.

Некоторое время мы с Ксюшей шли молча. Она с наслаждением курила, а я просто смотрела вдаль. Кроме усталости и ощущения, что жизнь проходит мимо меня, не было

никаких чувств. Я с горечью представляла, как сегодня позвонит Лерка и будет с энтузиазмом делиться впечатлениями. Безусловно, я за нее радуюсь и в то же время жутко завидую.

– Эй, ты чего приуныла? Решаешь – бежать или нет из нашего ада? – подмигнула Ксю, слегка ткнув меня локтем.

– У меня выбор невелик, поэтому придется привыкать. А привыкнуться можно со всем, – философски заметила я, тяжело вздохнув. Ксюха согласно кивнула. Я думала, что она начнет расспрашивать о личных делах, но напарница не сказала ни слова. Мы вновь на несколько минут замолчали, пока не дошли до перекрестка, где обычно расходились.

– Ну, до завтра. Ты ведь в первую смену будешь? – спросила она.

– Нет, я теперь до конца недели во вторую, – я скорчила недовольную рожицу, потому как перспектива терять полдня, а после идти на работу – совсем не радовала.

– О, со Стасиком в паре. Думаю, он будет рад, – недвусмысленно усмехнулась она.

– Даже так...

– Ну, я раньше как-то не замечала за ним признаков филантропства.

– Чудесно, – сыронизировала я, тяжело вздохнув. Новость не стала приятной неожиданностью, ибо сулила проблемы и осложнения, которых и без того хватало. Конечно, самолюбие тешило, что мной заинтересовался симпатичный парень, но я понимала, что лучше пусть Стасик будет филантропом, чем первой жертвой моей «бл*дской» внешности, ибо вот сейчас это совсем ни к чему. Да и вообще ни к чему – Беляев мне не нравился. Видимо, Ксюха все поняла по моему лицу, поэтому решила высказаться:

– Между прочим, Стас очень даже ничего. Если бы я не была замужем, то уже давно бы с ним закрутила.

– «Ничего» – это не мой формат, – отозвалась я, понимая, насколько пафосно это прозвучало. Но у меня было слишком дерьмовое настроение, чтобы с юмором отнестись к этим попыткам втюхать мне Беляева. Спрашивается вообще – нафига? Самой нравится, так крути, я-то тут при чем? Стас, конечно, симпатичный, но совершенно не в моем вкусе. Не привлекают меня сладкие мальчики или как их все называют – метросексуалы. Я девушка простая, мне никаких «сексуалов», а уж тем более «метро», не надо. Мне, пожалуйста, обычного мужика без заикленности на себе любимом. Тер-

петь не могу мужское самолюбование.

—О, так ты, значит, с прицелом на хороший кошелек, — усмехнувшись, сделала Ксю вывод. Я же едва не застонала.

— Нет. Мне просто сейчас не до этого, — поспешила опровергнуть ее теорию. Не хватало еще, чтобы на работе ходили непонятные сплетни обо мне.

— А «это» нас не спрашивает. Просто появляется тот, от которого крышу сносит напрочь, и тогда уже становится не до всего остального, — резюмировала она. Затем отмахнулась и весело попрощалась. — Ладно, пошла я, хватит разглагольствовать! Надо своему крышесносу ужин готовить, а то точно без нее останусь.

Я усмехнулась, и помахав на прощание, пошла в свою сторону.

Дорога до дома заняла больше получаса, что показалось мне настоящим кошмаром. За это время можно весь Рубцовск объехать.

Войдя в квартиру, быстро переоделась и сразу же без сил упала на диван. Тетя Катя работала, поэтому я могла посидеть в тишине и покое. Делится впечатлениями о работе не

было желания. Да и что рассказать? Что я пробежала восемь часов взад-вперед, обслуживая недовольных людей, но при этом ничего не заработала?

От столь «продуктивного» дня хочется забраться под теплое одеяло и больше из-под него не выбираться. Закрывать глаза и просто исчезнуть хотя бы на пару секунд из удушающей реальности. Но я всего лишь беру пульт от телевизора и начинаю переключать каналы, чтобы придать себе занятой вид на случай, если из комнаты выйдет тетя Катя. Увы, мои усилия оказались напрасны. Позвонила мама.

– Алло, – ответила я убитым голосом.

– Янка, привет! Ты уже в общежитии? – в лоб спросила она. По всей видимости, меня решили добить. Шумно втягиваю воздух и махнув на все, признаюсь:

– С общежитием я в пролете, мам.

На несколько минут повисла тишина, а потом мамин голос трансформировался в строгий и холодный.

– В смысле?

Устало прикрыв глаза рукой, начинаю заранее подготов-

ленную речь.

– Я не успела на заселение и мест не осталось. Сказали, что только на следующий год теперь можно подать заявку.

– Что значит – не успела на заселение? А чем ты занята была, интересно? Где шарохалась? – обрушилась мать, а у меня от ее напора просто сорвало краны. Я подошла к черте, называемой «предел», и повысила голос в ответ:

– Я заблудилась, а не «шарохалась»! Это столица, а не наша деревня!

– Вот именно, что столица! Жить ты где собираешься?

– Ой, не придуривайся, мам! У тете Кати, где же еще? Она не против.

– Естественно, не против! Что она тебе еще скажет? Ты сама должна понимать, что человека стесняешь! Когда ты думать о ком-то будешь?! Эгоистка!

– Я не эгоистка, просто так получилось...

– У нормальных людей просто так ничего не получается! У тебя же вечно все через жопу. Нельзя было дорогу спросить или что? Где-то ты бойкая, а тут что? За месяц в овечку превратилась?

Это сравнение с овцой – уже второе за сегодняшний день взбесило меня так, что я перестала выбирать выражения.

– Представь себе! Че ты ко мне прикопалась? Ну, не заселилась и не заселилась. Никто не умер!

– У тебя совесть вообще есть?

– Лучше бы у тебя она была, когда с женатиком связалась! – вырвалось у меня сквозь слезы, но я тут же испуганно замерла.

– Так, ну-ка отдай трубку, немедленно! Иди, умойся, – раздался надо мной властный голос. Я не глядя, передала трубку крестной и убежала в ванную, где меня захлестнула истерика. Я плакала навзрыд, выплескивая в слезах свое разочарование, обиды, боль, страх, и сожаление – такого наговорила маме. Мне не хотелось ее обижать и бить по самому больному. Было очень плохо. Просто невыносимо. Месяц бесконечного вранья и напряжения вымотали меня. К такому я не была готова, а потому психологически не выдерживала, но и для признания у меня кишка была тонка.

Не знаю, сколько я просидела в ванной, жалея себя, но успокоившись, поняла, что тетя Катя закончила разговор с мамой. Мне было стыдно за свои слова, а потому выходить из своего убежища не хотелось. Как я посмотрю крестной в глаза, как оправдаю свою вспышку, учитывая все обстоятельства? Но выбора не было. Набравшись смелости, поти-

хонечку открыла дверь и, осторожно ступая, вернулась в зал. Тетя Катя сидела в кресле, попивая вино. Увидев меня, застывшую на пороге, слегка склонила голову набок, сделала небольшой глоток и спокойно сказала:

– Ну, рассказывай. Что еще случилось?

Я молчала, опустив голову вниз.

– Ян, ты завязывай из себя невинную овечку корчить, тебе не идет.

Господи, они что сегодня, сговорились все?

Я резко подняла голову и с вызовом посмотрела на тетю.

– А так идет? – иронично поинтересовалась.

– Вай, ты посмотри на нее, Звезда Звездовна Звездецкая! – театрально воскликнула она и тут же сладким голосом жестко добавила. – Передо мной характер не надо показывать, дорогуша. Ты его лучше в другом месте демонстрируй, да смотри, чтобы крылышки не обломали.

Я прикусила губу, чтобы сдержать предательскую дрожь.

Краска прилила к щекам. Все сказанное было абсолютной правдой. Коротко мое поведение можно было охарактеризовать так: «С родными Лев Толстой, а с другими х** простой!». Сил не осталось даже на злость или обиду. Я просто села в кресло и невидящим взглядом уставилась в одну точку за спиной тети Кати. Некоторое время крестная молчала, я чувствовала ее взгляд на себе. Затем послышался тяжелый вздох. Она встала и подошла ко мне, села на корточки и убрала прядь моих волос, прилипших к мокрой щеке. Я вздрогнула от ее прикосновения, хотела отстраниться, но она не позволила. Притянула меня к себе, крепко обняла. И меня прорвало: я со слезами рассказывала о сегодняшнем дне, обо всех неудачах, унижении, даже о мужике, обозвавшем меня овцой полоротой.

Тетя Катя в попытках успокоить меня, предлагала подыскать другую работу, но я понимала, что везде свои трудности, и если я буду постоянно от них убегать, то так и останусь на низшей ступени социальной лестницы, а мне это претит. Я – спортсменка, с детства адаптирована к борьбе, да и упрямства с гордостью мне не занимать. Так что, пусть звучит смешно, но черт возьми, этот город я таки покорю не мытьем, так катаньем. Поэтому немного придя в себя, отрицательно покачала головой.

– Тогда, Янка, нужно собраться и начать работать в полную силу. Ты можешь мечтать о чем угодно, но не нужно за-

бывать о реальности. Чтобы достичь цели, нужно быть лучшей там, где ты сейчас. Залог успеха в стремлении и работе над собой, а не в мечтах о лучшей доле. Выполняй свою работу безупречно: улыбайся, будь вежливой и услужливой.

– Я не собираюсь лизать задницу всяким уродам!

– А это твоя работа. Свои обязанности надо четко понимать. Если ты настолько гордая, то иди в другое место. Только поверь мне, пока ты никто, тебе все равно придется «лизать задницу». Просто научись, входя в ресторан, отключаться: на работе ты не Яна Токарева, а просто официантка. От тебя ждут улыбок, предупредительности и не навязчивости.

– От того, что я буду улыбаться этим свиньями, моя жизнь не станет лучше.

– Не станет, – согласилась тетя Катя, – Но ты привыкнешь выполнять свою работу без эмоций, как машина. Это сведет ошибки и промахи к минимуму, а следовательно, повысит твой доход. Подумай, чего ты хочешь. А потом реши, как тебе себя вести дальше. И самое главное, позвони матери. Чрезмерная гордость еще никому счастья не принесла.

Я кивнула, крестная поднялась, поцеловала меня в макушку и, прихватив бокал, оставила одну в состоянии отре-

шенности и глубокой задумчивости, хотя мыслей было ноль. Я просто сидела себе, смотрела в окно. Мне звонила Лера, но я не хотела ни с кем разговаривать, даже с ней. Точнее сказать, с ней в особенности. Общение с мамой и Леркой стало для меня каторгой, потому что напоминало о неудачи. Я корила себя за малодушие и старалась не показывать, что мне в тягость их общество. Можно было, конечно, не теревить себе душу и порвать отношения с Лерой, но это глупо и мерзко. Я еще не настолько мелочна и завистлива.

Ближе к ночи, окончательно успокоившись, позвонила маме и попросила прощение. Мама заверила меня, что все нормально, но я знала, как сильно ее обидела. Мне было стыдно за свое хамство. Что ни говори, а импульсивность – мое проклятие.

Последующие дни прошли спокойно. Я обдумала все слова, что сказала мне тетя Катя и согласилась с ней. Действительно, не стоит смешивать работу и личное. Я должна зарабатывать деньги, а не показывать свое я. Только вот на деле это оказалось сложнее, чем представлялось.

Люди в Москве радужностью не отличались: хмурые, раздраженные, с пафосными выражениями лиц, вечно куда-то спешащие и требующие свой заказ немедленно. Они убийными дозами закачивали в меня негатив. Но в какой-то мо-

мент я начала их понимать. В этой бесконечной битве за материальные средства мы-мелкие рыбешки огребаем больше всех, а получаем меньше остальных. Наверно, мы и должны быть злыми, недовольными жизнью, если не научились довольствоваться тем, что имеем. Единственное, чего я не понимала – чем недовольны богатеи? Ладно, среднячок, у них есть причины, но эти-то с чего бесятся? Наверно, правильно говорят – с жиру.

Но все это размышления о том, что меня интересовать не должно. В такие моменты я вновь напоминала себе, что пришла на работу за деньгами, и именно на их зарработке нужно было сконцентрироваться. Такую задачу я поставила себе. Поэтому со всем присущим мне энтузиазмом кинулась ее выполнять. Улыбка не сходила с моих губ: вежливая, приторная, до невозможности предупредительная.

Каждое утро я натягивала безликую маску на лицо и старалась отключать эмоции – это требовало огромных усилий, но у меня немного получалось. И хорошие чаевые не заставили себя ждать. В какой-то момент мне даже понравилось. Я начала общаться с посетителями, на меня стали обращать внимание многие мужчины, несмотря на то, что наша униформа представляла из себя нечто ужасное: темно-коричневая рубашка, которая должна была быть застег-

нута под самое горло, черные брюки и сверху фартук до щиколоток в тон рубашке. Также устав о дресс-коде гласил: никаких длинных ногтей, яркого лака, украшений и распущенных волос. Допускался дневной макияж. И на том спасибо, хоть можно было замаскировать тональным кремом веснушки на носу, которые ужасно раздражали. Впрочем, внешний вид меня не особо волновал. Некоторым женщинам я даже в уродском прикиде не нравилась, а мне это было невыгодно. Мужское внимание, безусловно, поднимало самооценку, но чаевые были важнее.

Спустя десять дней деньги стали главной движущей силой. Я считала каждую заработанную копейку. Да и как иначе в моем положении? Поэтому спустившись к бару и увидев два одинаковых коктейля – каждый по шестьсот рублей, меня чуть не хватил удар. Это могло означать только одно – я вновь забила лишний заказ. Только вот оплачивать его у меня не было никакого желания. Но и как этого избежать, я не имела представления.

И тем не менее, со спокойной улыбкой взяла оба бокала и понесла наверх, лихорадочно думая, что мне с ними делать. Но увидев за столиком парня и девушку, которые, по всей видимости, были совсем недавно знакомы, разве что не

запрыгала от радости. Я не психолог, но это и не требовалось для того, чтобы заметить, как парень лезет из кожи вон, дабы произвести впечатление на девушку: в позе показная небрежность, на лице скука хотя глазами уже десять раз помимел бедняжку, а на губах играет легкая усмешка. Ну, просто мачо. Девушка жеманничала, строила свои глазки с нарощенными ресницами, и мачо, похоже, плыл конкретно. На свой страх и риск я решила проверить, осталась ли в его голове хоть капля разума или все же страсть превращает мужчин в дураков. Я понимала, что рискую потерять работу и подвести Леркину маму, но в то же время мне не хотелось, чтобы моя зарплата ушла в минус еще на шестьсот рублей.

Несколько шагов преодолеть оказалось сложно. Меня рвало на части: рискнуть или выплатить очередной штраф и быть спокойной ? Или все же рискнуть? Да? Нет? Да... Нет? Да.

Подхожу к столику, ставлю заказ, забираю грязную посуду и, развернувшись, быстрым шагом иду в сторону, где меньше всего посетителей. По пути выливаю коктейль в грязные чашки, а следом начинается час ада. Я бегала, выполняла заказы, но все это было как в тумане. Единственное, что меня волновало – это влюбленная парочка. Я молилась, чтобы они поскорее попросили счет, тем самым вынесли мне приговор. В то же время боялась этого больше всего на свете.

И вот проходя мимо их столика в очередной раз, я услышала заветные слова:

– Принесите счет, – уверенно сказал парень, все еще пребывая в роли хозяина жизни. И это радовало.

Продолжай в том же духе, мальчик, не останавливайся! – мысленно просила я, неся заветный чек, в котором вместо счета за один коктейль стояла цена за два.

Сердце колотилось, как сумасшедшее, а руки дрожали, словно у алкоголички, когда я подошла к столику и протянула кожаную книжечку, продолжая при этом улыбаться. Счет времени пошел на секунды. Казалось, что я замечаю даже колебание воздуха. Парочка продолжала весело болтать. Я отошла на небольшое расстояние, чтобы следить за парнем, который потянулся к карману и достал кошелек. Я застыла, адреналин в крови зашкаливал, но к страху примешивался азарт. И вот легким движением руки парень открывает книжечку, я на мгновение замираю, но «мачо», как я и предполагала, мельком заглядывает в счет, небрежно кидает нужную сумму с учетом чаевых, а после помогает своей девушке собраться. Когда они улыбаясь друг другу, покидают ресторан, я не выдерживаю и расплываюсь в довольной улыбке.

Терзала ли меня совесть? Ничуть! Более того, я была собой довольна. Скажете мерзко и отвратительно? Да, пожалуйста! Значит, вы еще не усвоили основной закон материального мира, а он гласит: хочешь жить – умей вертеться! Конечно, у каждого из нас есть предел, за который мы никогда не выйдем, но сейчас для меня это был не он, далеко не он. Я даже не испытывала чувства вины. Хотя скорее просто убеждала себя, что поступаю верно. Сразу вспомнился аналогичный поступок в отношении меня. Провал на экзамене меня озлобил, а взрослая жизнь ожесточила. Может, я слабая, что так легко прогнулась под этот мир, но рано или поздно это происходит с каждым.

Эти размышления спустили с небес на землю. И вот радости как не бывало. После часового пребывания в состоянии тревоги и дикого страха, я чувствовала себя разбитой и вымотанной, поэтому отпросилась у Аллы передохнуть. Отношения с коллективом у меня не стали лучше, скорее наоборот, так как мои чаевые вызывали у многих зависть и злость. Но мне на это было плевать, в друзьях я не нуждалась, как и в ухажерах, в которые с недавних пор записался Стас.

Все-таки Ксюха оказалась права: филантроп из Беляв никакой, хоть он всячески подбадривал меня, помогал и прикрывал. Поначалу мне это импонировало и очень облегчало

жизнь, но со временем стало напрягать. Наивности у меня поубавилось, зато прибавилось понимания, что всякая помощь в основном оказывается не за спасибо. Конечно, я не обязана была отвечать взаимностью, но осложнений в отношениях со Стасом не хотелось, мне ведь еще целый год работать в ресторане. Поэтому я старалась делать вид, что не замечаю его притязаний, дабы избежать неловкости и расстановки точек над «i». Эта тактика поведения срабатывала вплоть до сегодняшнего вечера. Но, как говорится, ничто не вечно.

Когда рабочий день подошел к концу, Беляев вызвался проводить меня, и я растерялась, не зная, как отказать, не обидев при этом. Хотя понимала, что лучше не давать ложных надежд. Но пути к отступлению без натуги и неловкости были профуканы, так что оставалось надеяться, что Стас не расценит променад до моего дома, как сигнал к более близкому общению. В конце концов, в столь поздний час мало какая девушка откажется от сопровождения. Этот довод был весьма сомнительным, но я решила не грузиться почему зря. Слишком устала.

Мы шли молча, у меня не было сил и желания разговаривать, но меня это не тяготило. Да и с какой стати? Провожать меня Стас вызвался сам, поэтому и развлекает пусть себя сам. Чем он и занялся спустя несколько минут.

– Устала? – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес парень, оглядев меня.

– Есть немного, – кивнула я, тяжело вздохнув. – Не люблю вторую смену. Начинает казаться, будто весь день отпахала.

– О, завтра посмотришь, что значит «весь день отпахала». Я когда только начал работать после одной-то смены ели ноги волочил, а ты хочешь сразу в две. Отдыхать тоже нужно, всех денег не заработаешь. Ты от выходных, надеюсь, не отказалась?

– Мне все равно полдня нечего делать, лучше уж работать. А отдохнуть всегда успею, – отмахнулась я и поежилась. Сентябрь подходил к концу, вечера стали холодными, а я все еще ходила в тонкой кофте. Стас покачал головой, а затем снял кожаную куртку и накинул мне на плечи. Меня сразу же окутало тепло и резкий запах мужского парфюма. Я немного согрелась, обдумывая происходящее. Стас не сводил с меня пристального взгляда своих карих глаз. Мне все это не нравилось, хоть и было любопытно.

– Спасибо! – выдавила я, улыбнувшись краешком губ, а затем нехотя сняла предложенную вещь и протянула Стасу со словами. – Не нужно, а то простынешь в одной футболке. Работать за двоих мне не хочется.

Опыта общения с мужчинами у меня не было, поэтому я не знала, что еще сказать. Главное – соблюдать дистанцию. Стас, кажется, это понял. Нахмурился, забрал куртку и вновь накинул мне на плечи.

– Какая ты заботливая. Мне это нравится, – усмехнулся он и погладил мои плечи.

– Заботливый из нас скорее ты, – парировала я как можно непринуждённой. Хотя его руки, все еще лежащие на моих плечах, нервировали.

– Ну, я надеюсь, что ты это оценишь и согласишься со мной встретиться в неформальной обстановке. Например, в это воскресенье? – подмигнул он, заглядывая мне в глаза.

Я же едва удержалась от мата. Вот тебе и «не расценит, как сигнал». Мечтай, Яночка. Надо же, прямо закон подлости какой-то: магнетизма хоть по флаконам разливай, а притягивается все не то. И что теперь с этим «не то» делать – ума не приложу.

А Стас продолжал улыбаться, пока я пыталась сообразить, как вежливо отделаться от него, но идей было ноль.

Благо, мы подходили к метро. Это давало мне хоть ка-

кую-то передышку, чтобы заставить утомленный мозг собраться с мыслями.

– Я еще не знаю, что буду делать в воскресенье, – нашла-таки с ответом, когда мы сели в электричку. – Давай, я тебе ближе к выходным дам ответ? – уклончиво добавила, следя за реакцией Беяева.

– Договорились, – кивнул он с той же улыбочкой, вызывая у меня раздражение.

Так и хотелось спросить: «Неужели не ясно, что ты на хер не нужен?».

Всю оставшуюся дорогу мы говорили о работе, но меня и это напрягало.

Только, когда подошли к моему дому, смогла облегченно выдохнуть. Я чувствовала себя неловко, прощаясь, а когда Стас наклонился и поцеловал меня в щеку, чуть не зарычала от досады, мысленно обласкав всяко-разно и себя за бездействие, и Беяева за приткось. Резко отстранившись, отдала куртку и, холодно сказав «пока», зашла в подъезд, не оборачиваясь. Мне оставалось надеяться, что мое поведение будет принято к сведению.

В квартиру я ворвалась взвинченная и злая. Это сразу же было замечено тетей Катей.

– Ты чего недовольная такая? – спросила она, когда я вошла в зал.

– Да ниче!– вырвалось у меня от досады. Сев в кресло, я со стоном наслаждения вытянула уставшие ноги, а потом перевела взгляд на крестную и уже спокойней спросила.– Как отвязаться от навязчивого ухажера?

Она на секунду оторвалась от своего сериала, ничуть не удивленная моим вопросом, и не раздумывая, ответила:

– Завести ненавязчивого.

Я усмехнулась и продолжила отвлекать ее от просмотра:

– Это проблематично. Вы же не разрешаете с мамой .

– Верно. Никаких мужиков, а то плакала твоя учеба. Но можешь сделать вид, что ухажер у тебя имеется.

– Все знают, что я одна, – призналась я с сожалением.

– Ой, Янка, вот учу тебя, учу, а ты как была дурилкой, так и помрешь. Глупо все рассказывать о себе. Что там хоть за

ухажер—то нарисовался? — окончательно потеряв интерес к сериалу, переключила она все внимание на меня.

— Да Стас этот.

— О, хуже служебных романов, только роман с женатиком! — глубокомысленно изрекла крестная и направившись на кухню, спросила.— Кушать будешь?

— Поздно уже, — устало откликнулась я, открыв один глаз.

— Иди, поешь, а то исхудает, сиськи обвиснут.

Я засмеялась. Тетя Катя улыбнулась и продолжила меня уговаривать.

— Чуть-чуть совсем положу.

— Ну, давай, — согласилась я, поднимаясь с кресла и еле передвигая ногами, подошла к столу. — Что все-таки делать-то? — тяжело вздохнула, усаживаясь. Передо мной тут же возникла тарелка с салатом и небольшой отбивной. Тетя Катя села напротив и пожала плечами.

— Не знаю, игнорируй. Дойдет поди. А нет— пошли на хер.

Я согласно кивнула, принимаясь за еду.

– Чего сотовый не берешь с собой? Лерка уже весь телефон разбила, да и мать тоже переживает, что ходишь допоздна, – поинтересовалась крестная.

– Зачем он мне на работе нужен? – пробубнила я, жуя.

– Что-то ты с Леркой ни разу за эти три недели не виделась, – осторожно заметила тетя Катя. Я сделала вид, что вопрос несколько меня не смутил.

– У меня нет времени. Да и мы созваниваемся каждый день, – коротко ответила, отставляя тарелку. Мне не хотелось развивать эту тему.

Как ни противно признавать, но я завидовала подруге по-черному. Каждый ее день был насыщен событиями, новыми знакомствами, впечатлениями и знаниями, которыми она спешила со мной поделиться. Мне же рассказывать ей было абсолютно нечего, кроме сплетен и склок, которыми была богата моя рабочая жизнь. Точнее – существование. Подобное положение дел вызывало у меня чувство собственной ущербности. Каждый раз после разговора с Гельмс на душе оставался неприятный осадок от понимания, какой могла быть моя жизнь, если бы я не была, как правильно вырази-

лась крестная «дурилкой».

Спать я легла с очередной порцией безнадежных мыслей, но усталость не позволила долго заморачиваться, и я уснула.

А утро, как всегда, оказалось мучительным и торопливым. Не выспавшаяся, голодная и злая спешу на проклятую работу, матерясь про себя из-за отвратительной погоды, превращающей меня в чудище. Как назло, когда вышла из дома, пошел дождь. Пока добралась до ресторана, промокла насквозь.

Не успела войти, как Алла огорошила меня тем, что Ксю заболела, и мне придется взять ее столики.

Чертыхаясь, влетела в раздевалку, где в считанные минуты сорвала с себя мокрую одежду и натянула форму. Наш повар по салатам додумалась прихватить с собой фен, к которому теперь выстроилась вереница желающих. Я присоединилась к ней, благо, у многих были короткие волосы, так что моя очередь подошла быстро, но времени оставалось всего несколько минут. Торопливо высушив волосы, я стянула их в шишку и подошла к зеркалу. Лучше бы не подходила. От то-

нального крема не осталось и следа, наэлектризованные экстремальной сушкой волосы торчат в разные стороны, на щеках румянец, словно мне по ним нахлестали, а глаза горят от злости и раздражения.

– Ты прекрасна, – словно издеваясь, тихо сообщает мне Стас, проходя мимо. В ответ корчу скептическую рожу, а после, тяжело вздохнув, принимаюсь за работу.

Тогда, я еще не знала, что через несколько часов такой обычный день станет одним из самых важных в моей жизни. Я суежилась и не подозревала, что всего мгновение отделяет меня от встречи, которая восемнадцать лет со дня моего рождения превратит в простое «до него».

Для меня это было всего лишь двадцать третье сентября – очередной поганый день, даже через чур поганый: дополнительные десять столиков – это колоссальная нагрузка, и я не успевала вовремя выполнять заказы, а потому на меня со всех сторон сыпалось: «Девушка, а нельзя ли побыстрее?!», «Долго я еще буду ждать, когда вы соизволите меня обслужить?», «Обслуживание сегодня кошмарное!». Я была на взводе, голова шла кругом от обилия заказов и пометок.

– Яна, работай живее. Ксюша успевала за двоих без осо-

бых трудностей, – подлила масла в огонь Змеища.

Схватив поднос с кофе, едва сдерживаюсь, чтобы не съездить им по башке этой суке, но от столь кровожадных планов меня отвлекает бегущая навстречу Любка.

– Иди быстрее, второй столик появился, – бросила она, не останавливаясь.

К слову, второй столик из резервных. Правда, сколько здесь работаю, еще ни разу не видела, чтобы он был занят, а может, просто не замечала– его ведь Ксю обслуживает. Теперь вот мне выпала честь. Надеюсь, никаких мишек на латте не потребуют.

С этими мыслями приближаюсь ко второму столику и, присвистнув, прихожу к выводу: такого мужчину я бы сразу заметила. И не оттого, что он богат, богатых здесь хватает, не потому, что красив. Просто смотрю на него и теряюсь, понимая, что все вокруг меняется, расцветает. Наконец-то, я встретила его – человека довольного жизнью. Не могу глаз отвести от этого смеющегося лица. Смех негромкий, но искренний, как и обалденная улыбка, начинающаяся от самых уголков глаз лучиками, превращающая мужчину в беззаботного мальчишку. Он похож на сорванца хоть и в элегантном костюме. Кожа почти черная от загара, отчего зубы разве

что не ослепляют своей белизной. Теперь понятно, почему я его раньше не видела— отдыхал человек. Короткие пепельные волосы, выгоревшие на солнце прядями, будто мелированные, а глаза просто завораживают: ярко-голубые, невероятно-насыщенного оттенка, в обрамлении длинных черных ресниц. Брови, кстати, тоже черные, несмотря на то, что сам мужчина светлый. Сочетание шикарное. Да и вообще, мужик потрясный. Как сказала бы Лерка: «Я бы ему дала!». От этой мысли становится смешно и стыдно. Кое-как взяв себя в руки, тяжело сглатываю и подхожу к мужчине. Слышу его голос: чёткий, уверенный, богатый обертонами. Этот голос не имеет ничего общего с сексом, но отчего-то проскакивает мысль, а как он звучит, когда шепчет что-то сексуальное? Краска в очередной раз приливает к лицу, и я сама себе удивляюсь. Что за хрень со мной творится? Вроде головой не билась.

Тем временем, мужчина продолжает что-то весело рассказывать, слегка придерживая черный смартфон у уха, я же не могу сдвинуться с места. Замираю в паре шагов от него и не дышу, сердце работает с перебоями. Ладони вспотели, а язык, такое ощущение, примерз. Волнуюсь так, как в первый рабочий день не волновалась. У меня мало времени, но как не уговариваю себя, не могу выдавить ни звука. Словно услышав мои метания, мужчина слегка поворачивается в мою сторону, его взгляд мимолетно пробегает, не задержи-

ваясь, но мне все равно хватает, чтобы покрыться мурашками. Прикрыв рукой динамик телефона, красавчик коротко бросает:

– Как обычно.

Он возвращается к разговору и больше не обращает на меня внимания, я же стою в растерянности.

Отлично! Знать бы, что означает ваше «как обычно».

Можно было, конечно, спуститься и поинтересоваться у Аллы, что предпочитает данный клиент, но умная мысль, как известно, приходит опосля. Я продолжаю стоять и сверлить взглядом широкие плечи, упакованные в дорогую рубашку бледно-голубого цвета. Рядом на стуле небрежно лежит светло-серый пиджак. Стильный, холеный мужик, но без всех этих метросексуальных штучек. На вид ему тридцать, может даже больше – сложно сказать. Забыв о страхе, плююсь на него, фиксирую детали, пока не сталкиваюсь с недоуменным взглядом голубых глаз. Я и не заметила, как объект моего пристального внимания закончил разговор и повернулся ко мне. Резко опускаю глаза в пол, краснея. Становится невыносимо жарко.

Чувствую себя идиоткой. Чтобы скрыть неловкость, достаю из кармана майкрос, руки дрожат под пристальным взглядом. Уговариваю себя успокоиться и заняться делом. Плюнув на смущение, все равно уже выставила себя душой, приподнимаю голову и натыкаюсь на взгляд мужчины, едва сдерживающим смех. Опять мои глаза теряются в его, на несколько секунд ступор. Усилием воли заставляю себя улыбнуться и хрипло произношу:

– Прошу прощение, я новенькая. Не могли бы вы уточнить свой заказ.

Мой идеальный мужчина почему-то не торопится с ответом, а внимательно меня изучает, как-то оценивающе. Мне становится не по себе. Особенно, когда он сдержанно улыбнувшись, заключает:

– «Новенькая», значит... Вижу, тебя обучили вежливости за несколько недель. За «придурка» не хочешь извиниться?

Чего-чего? О чем это он?

– Простите? – ошарашенно выдыхаю, ничего не понимая.

– Так-то лучше, – усмехнувшись, кивает он, нарочно игнорируя вопросительную интонацию. И тут меня осеняет –

так это тот «придурок», с которым я столкнулась в дверях. Видимо, догадка отразилась на моем лице, потому что мужчина снисходительно поинтересовался:

– Вспомнила?

– Вспомнила, – съязвила я и улыбнувшись, ехидно уточнила. – А вы за «овцу» извиниться не желаете?

– Не особо. Ты меня спровоцировала, – невозмутимо парировал он, но в его хитрющих глазах читался вызов, который я без лишних раздумий приняла. Во мне родилось идиотское желание быть дерзкой и непредсказуемой. Интуиция подсказывала, что только так смогу заинтересовать этого мужчину, врезаться в его память, чего мне вдруг нестерпимо захотелось.

Преодолевая смущение, я чуть поддалась вперед и почувствовала сдержанный, строгий аромат, который тут же вскружил мне голову, как и его обладатель. Сглотнув ком в горле, окончательно задавила робость и насмешливо заметила :

–Звучит, как оправдание.

Мужчина высокомерно приподнял бровь и мазнул странным до дрожи взглядом, но я не спасовала. Нагло заглянула ему в глаза и потеряв всякую субординацию, мысленно про-

щаяся с работой, тихонько поинтересовалась:

– Не боитесь, что в тарелке окажется что-то не то?

В ответ раздается короткий смешок.

– Пожалуй, овечка явно не про тебя.

– А что насчет полоротой? – продолжаю в том же духе на свой страх и риск.

– А что насчет моего заказа? – уточнил так, что у меня возникло чувство, будто мне дали отрезвляющую оплеуху, чтоб не зарывалась.

Я теряюсь под взглядом – вмиг ставшим холодным. В секунды перестраиваюсь и принимаю деловой вид, хоть в душе и поднимает голову какая-то непонятная обида. Натягиваю маску «мне все равно», но она трещит по швам, голос предательски дрожит.

– Что закажите?

– Двойной эспresso. Не забудь, из зерен робуста! Стейк, овощи на гриле и какой-нибудь десерт.

– «Какой-нибудь» – это какой? – раздраженно спрашиваю, задетая прохладным тоном.

– Без разницы. На твое усмотрение, – следует интересный ответ.

Отлично, теперь буду еще переживать, угодила ли я ему в выборе десерта.

– Ладно. Ваш заказ: двойной эспresso, стейк... Какой прожарки?

– Прожаренный.

– Ага. Хлеб?

– Нет.

– Далее: овощи на гриле и тирамиссу.

– Тирамиссу? Тебе нравится? – звучит провокационный вопрос, сбивающий меня с толку и превращающий все мои усилия сохранить спокойствие в ничто. Стараюсь не смотреть на этого садиста, издевающегося надо мной, а он сто-процентно издевается, но взгляд все равно возвращается к его бесстрастному лицу.

Он сидит, облокотившись на стол, приложив указатель-

ный палец к четко-очерченным губам красивой формы. Глаза поблескивают весельем, но выражение лица абсолютно серьезное.

– Я его не пробовала. Просто звучит прикольно – Т И Р А М И С С У , – пожав плечами, театрально произношу я, чтобы вновь пробить брешь отстраненности этого мужчины. Поэтому, когда на его лице проскальзывает тень улыбки, я разве что не прыгаю от радости. Но сдерживаю себя, сохраняю невозмутимость и делаю последние пометки, даже не глядя в майкрос:

– Что-то еще?

– Нет. Хватит, – сказал, как отрезал.

Мне почему-то показалось, что это в какой-то мере относилось к болтовне со мной. Ну что ж, пожалуй, соглашусь с ним – реально хватит.

Смотрю в зал и такое ощущение, будто прошли годы с того момента, как я подошла к столику номер два. Увидела этого мужчину, и что-то изменилось, перестало быть прежним. Странное чувство, непонятное. Знаю, что теперь для меня он будет особенным, он уже особенный.

И поэтому так не хочется уходить, но недовольные лица

моих коллег красноречивее всех слов говорят мне о том, что я и так слишком долго обслуживаю одного клиента. Тяжело вздыхаю и ставлю точку в нашей «беседе».

– Заказ будет готов в течение получаса.

Блондин уже даже не смотрит на меня, просто кивает и набирает чей-то номер. И становится как-то обидно. Хотя с чего бы ему иначе реагировать на меня. Кто я и чем могу заинтересовать? Да и надо ли? И вообще о чем я думаю?

С таким мысленным раздраем отхожу от второго столика и включаюсь в работу. Но сосредоточиться никак не получается, все время возвращаюсь взглядом к этому мужчине. Он по-прежнему разговаривает по телефону, только теперь выражение лица сосредоточенное, хмурое, между бровей пролегла складка, придавая ему зловещий, угрожающий вид. Таким он мне нравится не меньше, если не больше. Мы – девочки ведь любим brutальных мужчин.

Чей-то окрик отвлекает меня от созерцания. Я возвращаюсь в реальность, смотрю на часы и торопливо иду вниз – полчаса уже прошло. Подхожу к бару, чтобы забрать заказ и чувствую, как меня начинает тошнить. Бариста протягивает три двойных эспresso.

Доболталась, Яночка. Домечталась!

Разглядываю три чашки, закусив губу, прикидывая, сколько это стоит. Тошнота усиливается. Бариста недоуменно следит за моей нерешительностью. У меня пара секунд, чтобы выбрать. Обмануть или заплатить? Обмануть? Да? Нет?

ГЛАВА 4

Смотрю на три маленькие и аккуратненькие чашечки, а перед глазами красивое лицо. И я понимаю, что не могу надурить, да и не получится – такие мужчины, как этот, знают счет своим деньгам. Им уже не нужно никому ничего доказывать, они давно это сделали. Уверенна, обмани я его, мне это просто так с рук не сойдет. Но дело не только в этом. Перед ним не хотелось выставить себя в неприглядном свете, поэтому скрипя сердцем, признаюсь:

– Две чашки на мой счет запиши. Я лишние отбила.

Бариста закатывает глаза и со вздохом тянется к журналу с нашими «косяками». А позади меня раздается голос, от которого у меня тут же подкашиваются коленки.

– Девушка, мне срочно нужен стационарный телефон. Откуда я могу позвонить? – обращается нарушитель моего покоя к нашему кассиру. Она кивает и протягивает ему телефонную трубку. Я же, как можно медленнее ставлю его кофе и бокал с дистиллированной водой на поднос, боясь по-

вернуться. Хотя красавчик наверняка не обратил внимания на разыгравшуюся сцену между мной и баристой. И все же, втянув воздух, разворачиваюсь и торопливо иду наверх, опустив глаза в пол.

Руки немного дрожат, а сердце в груди колотится, как сумасшедшее. Мне это состояние совершенно не нравится – чувствую себя ужасно. Мысли об очередном штрафе не дают покоя. Я механически принимаю и разношу заказы. Все плывет, как в тумане. Я даже не заметила того, как причина всего этого хаоса в моей душе и голове вернулась за свой столик. Впрочем, следующие полчаса мне было совершенно не до мечтаний и тайных вздыханий. Я через силу заставила себя сосредоточиться на работе, как вдруг вздрогнула, услышав обезличенное «девушка». Этот голос теперь не спутаешь ни с каким другим. Поворачиваюсь в сторону второго столика и, натянув предупредительную улыбочку, направляюсь к нему. Пока иду, сердце работает с перебоями. Я чувствую себя скованно из-за задумчивого взгляда, лениво скользящего по мне. Мужчина хоть и смотрит на меня, но создается такое впечатление, что в упор не видит, находясь где-то далеко в своих мыслях. Но я все равно нервничаю, мышцы словно парализует в тех частях моего тела, по которым проходит его взгляд. Пытаюсь успокоиться, дышу глубоко, но тщетно.

– Да? – останавливаюсь от мужчины в нескольких шагах. Голос вроде бы звучит ровно. По крайней мере, мне бы этого хотелось. Только вот глаза предательски бегают – не могу сконцентрировать внимание на чем-то одном. А когда вижу, что к рекомендованному мной десерту блондин практически не притронулся, становится совсем не по себе.

– Счет принеси, – сухо отдает он распоряжение, нетерпеливо постукивая длинными пальцами по краю стола. На меня он больше не смотрит, сосредоточившись на телефоне.

– Хорошо, – я киваю, спеша поскорее уйти, но сделав несколько шагов, останавливаюсь. – Десерт вам не понравился?—вырывается у меня.

Не знаю, какой черт дернул задать этот вопрос, но отчего-то стало важно получить ответ, словно я была обязана угодить. Мужчина поднимает голову, и вот я уже жалею, что вообще заикнулась об этом дурацком десерте, особенно, когда блондин расплывается в снисходительной улыбке. Такая улыбочка обычно красуется на лицах взрослых, когда ребенок выдал какую-нибудь милейшую глупость. Чувствую себя дурой.

– Не моё, – со слегка привередливой усмешкой сообщил он.

Его взгляд как-то двусмысленно прошелся по мне. Я забыла, как дышать, покраснела и не знала, что думать. Он сейчас серьезно или прикалывается надо мной? Может, заметил мои поглядывания в свою сторону и решил поугарать над дуручкой? И точно.

—Шоколад не люблю, – дразнит он меня, останавливаясь взглядом на моих волосах. Я каменею, заметив смешинки в этих невероятных глазах. А он даже не скрывает, что тащится от моего замешательства и смущения. Меня это, конечно же, задевает. Нормальный вообще дядя? Как будто я ему себя предлагала.

Вот ведь придурок! Шоколад он не любит....

– Ну, и пошел к черту, – буркнула обиженно, но тут же спохватилась и прикусила язык. Господи, совсем шибанулась!

– Что?– нахмурился блондинистый гад, слава богу, не слышав мои бредни.

—Не, ниче, – отмахиваюсь, натянуто улыбнувшись и в то же время вздыхая с облегчением.

–«Ниче»?– уточняет он со смешком, вгоняя меня в краску стыда.

–Н И Ч Е Г О, – чеканю, пылая от смущения. – Что-то еще?

– Счет неси уже, – бросает эта красивая сволочь с таким видом, словно я его жутко утомила.

Меня это возмутило до трясучки. Так и хотелось сказать– ага, бегу уже, волосы назад. Тоже мне -король доморощенный выискался! Хотя есть в нем что-то эдакое, не связанное ни с внешностью, ни с материальным благосостоянием. Порода, короче. И пожалуй, стоит признать, хоть и бесит меня этот высокомерный придурок, а все равно– притягательней мужчины не видела.

Через десять минут, расплатившись по счету, он покидает наше кафе. Я украдкой смотрю ему вслед, пока он спус-

кается по лестнице. Хорош, ничего не скажешь: рост -выше среднего, фигура атлетическая, походка энергичная, уверенная. Само совершенство, если б не барские замашки.

Недосовершенство подходит к двери и вдруг оборачивается, затем сразу же, словно заранее зная, что смотрю, становится со мной взглядом. Я застываю, краска приливает к щекам, руки, в которых зажата кожаная книжечка с деньгами, дрожат. Мужчина, удовлетворенный моей реакцией, усмехается, и весело подмигнув, выходит из ресторана. Я же тяжело сглатываю, раздраженно запихиваю в карман книжечку и начинаю с остервенением убирать со стола.

Не знаю, чего я ждала, но определенно чего-то. А сейчас какое-то опустошение накатило, как будто, солнце скрылось, и стало холодно, неуютно. Присутствие этого мужчины хотя бы на полчаса скрасило мою унылую реальность. Наше с ним легкое противостояние завело меня, заинтриговало, вызвало бурю эмоций. Познав это неизведанное для меня чувство азарта, предвкушения чего-то, что не случилось, я ощущаю горькое послевкусие разочарования и скуки. И как теперь дожить до конца смены? Мне определенно нужна передышка.

Интересно, сколько красавчик оставил чаевых и сделал ли это вообще? Руки чешутся заглянуть в кожаную книжечку, но удовлетворить свое любопытство позволено только на

кассе – очередное правило. Лечу на всех парусах вниз, прихватив грязную посуду и приняв парочку заказов. Расправившись со всеми делами, подхожу к кассе и едва не схожу с ума от нетерпения, пока Любка рассчитывает других посетителей.

Черт, давай же быстрее, курица ты заторможенная! – мысленно тороплю ее, пританцовывая на месте. Молюсь, чтобы не подошла Змеища, а то обломает всю малину. Любка-то хоть ничего и не говорит, но уже поглядывает удивленно. Она молча берет счет и отбивает. А затем присвистывает:

– Поздравляю, Токорева! Побила Беляевский рекорд.

Я обомлела. Стоит пояснить, у нас-официантов в работе есть мотивирующий момент – кто больше чаевых получит, как за один раз, так и за весь день. Пока лидерство было у Беляева в обеих категориях, но, кажется, все изменилось. Елы-палы! Это что же получается? Блондинчик мне чаевых оставил больше трех тысяч?

От такой новости у меня чуть эйфорический припадок не

случился. Ну, что за мужчина?! За час перевернул все в моей душе с ног на голову. И даже исчезнуть сумел красиво. А может, он просто про сдачу забыл, а я идиотка радуюсь? — подкидывает ложку дегтя внутренний голосок. Я морщусь и отмахиваюсь — такие мужчины, как он, ничего не забывают, а уж тем более, когда это касается материального вопроса. По крайней мере, я на это очень надеюсь.

Последующие часы прошли легко. Мое настроение было лучше некуда, и ничто уже не могло его испортить. Хотелось смеяться и танцевать, чего я, кстати, уже давно не делала. А еще мне хотелось вновь увидеть этого мужчину, чтобы просто спросить его имя и поблагодарить за... За чаевые? Нет. За то, что вернул мне состояние какой-то беззаботности и забытой беспричинной радости, как будто и проблем в моей жизни нет, и не было.

Вот так и пролетела смена на позитивной волне. Коллеги смотрели на меня: кто удивленно, кто скептически. Алла, заметив мое состояние, пару раз со снисходительной улыбочкой напоминала, что у меня сегодня штраф в размере семисот рублей, пытаюсь тем самым испортить настроение. Но мне было глубоко фиолетово. Так и хотелось показать ей «fuck», да приправить смачными словами: «Выкуси зараза, я

на фрилансе! На антивирусе имени...» Увы, имени не знаю, а хочется, страшно как!

Пока переодеваюсь, гадаю, каким именем его могли назвать родители. Если отталкиваться от того, что на вид ему лет тридцать или чуть больше, то в те времена чаще называли мальчиков либо Эдуардами, либо Сержами, либо Сашками.

Вот, кстати, Александр ему очень даже подходит – звучное такое, само за себя говорящее: победитель, завоеватель, в общем, мужик с большой буквы.

Мне становится смешно. Боже, какая дребедень! Впрочем, ничего удивительного: отпахав две смены и не такое в голову может прийти. А его имя я обязательно узнаю. У меня теперь особый интерес – вдруг все же угадала. Вероятность, конечно, мала, но чем черт не шутит. Если да – повеселюсь. Может, даже в экстрасенсорику ударюсь, а то вдруг у меня талант пропадает, а я тут столы тру да реверансы каждому вошедшему отпускаю вместе с предупредительными улыбочками.

Удивительно, но за всеми этими глупостями, я совсем не заметила как оказалась на улице. Правда, окликнувший меня, Стас вернул с небес на землю. Хорошего понемногу, как говорится. Тяжело вздохнув, останавливаюсь и скривившись, наблюдаю, как Беляев жизнерадостно летит ко мне на всех парусах. Чтоб его... привязался же!

– Янка, а ты че не подождала-то, поздно ведь уже? – пыхтит он, останавливаясь рядом.

А вот догадайся с трех раз, балбес. Забавно было бы, глянуть на его физиономию, скажи я это вслух. Однако ты, Яночка, вошла в раш, пора бы и придержать коней. Но моя вредная натура не внимает голосу разума, поэтому язвительно произношу:

– А ты, как погляжу, в телохранители ко мне записался.

Беляев оторопел, не зная, что сказать, но тут же нацепил непроницаемую маску. Поправил свои, намазанные гелем, волосы, хотя прическа была идеальной. Этот жест в очеред-

ной раз убеждал, что все эти «недоголубки» меня не привлекают. С мужчиной женщина должна чувствовать себя защищенной и уверенной. А какая уж тут уверенность, когда у него маникюр лучше моего?

– А ты против? – улыбнулся Стасон, по всей видимости, соблазнительно, приобняв меня за плечи. Только этого не хватало, а ведь какой хороший день был!

Осторожно высвобождаюсь из навязанных объятий и не сдерживая раздражения, приторным голосом цежу:

– Нет, не против, если ты будешь выполнять свои «обязанности» молча.

Беляев побледнел и остановился. Похоже, мой ответ был из разряда тех самых трезвящих оплеух, и парню это не понравилось. Я, честно, и сама не в восторге от собственной грубости. Без поддержки Стаса в гадюшнике будет совсем не просто. А с другой стороны, я же ему ясно дала понять еще вначале, что ничего не получится, так что сам виноват!

Но каково же было мое удивление, когда Беляев вновь догнал меня и поплелся рядом. Я почувствовала себя неловко. Всю дорогу до дома мы молчали. Я мучилась, не зная, как исправить свою оплошность и вернуть в наши отношения непринужденность. Стас задумчиво шел рядом, не пытаясь мне помочь. Когда мы остановились у подъезда, я лихорадочно пыталась подобрать слова, но Беляев опередил.

– Ян, не грузись! Давай, в следующие выходные сходим куда-нибудь? Просто проведем хорошо время.

Беляевское предложение озадачивает: то ли Стасик дурак, каких свет не видывал, то ли хороший психолог, потому что, испытывая чувство вины, я не смогла отказать. Беляев воспринял мое согласие, как самом собой разумеющееся, что меня покорило, и попрощавшись, ушел. Оставалось утешиться, что хоть с поцелуями не полез, да только не утешало ни хрена.

Поэтому до квартиры я добралась вся в сомнениях и невеселых думах, но твердо решив, что на этом «свидании» расставляю все точки над «i», раз до человека не доходит.

Дома никого не оказалось. На кухонном столе меня ждала записка с таким содержанием: «Янка, ужин в холодильнике. Не забудь покушать! Звонила Лерка, просила перезвонить. Меня не жди, приеду завтра. Целую.»

Хм... В загул, значит, тетя ушла. Молодец. А как же главное правило воспитания – личный пример?

Усмехнувшись, иду в душ, напевая какую-то ерунду. Хорошее настроение вновь возвращается. Игнорирую просьбу «не забудь покушать!», наливаю себе кофе, и прихватив парочку конфет, выхожу на лоджию. Вдыхаю прохладный сентябрьский воздух и сильнее кутаюсь в махровый халат. Несмотря на то, что весь день лил дождь, небо чистое, звездное, а ночь тихая, только шум с дороги нарушает эту тишину. А мне так хорошо сидеть в плетеном кресле, пить горячий кофе и мечтать об идеальном мужчине. Вспоминать его улыбку, прокручивать в памяти нашу встречу и представлять еще кучу таких пересечений. Интересно, чем сейчас занята красивая сволочь? Наверное, обо мне думает.

Становится смешно. Мечтать не вредно, верно?

От прогрессирующего кретинизма меня спасает телефонный звонок. Не глядя, отвечаю.

– Да?

– Алоха, передовикам– труженикам! – раздается голос по-други. Я невольно начинаю улыбаться и понимаю, что ужасно соскучилась.

– И тебе не хворать, Гельмс.

– Захвораешь у меня ты, Токарева, если еще раз потеряешься!

– Ага, я тоже соскучилась.

– Да неужели?! О, сердце, успокойся и не рвись!

– Ну, не обижайся, Лерунь. Замоталась я, еле живая с работы приползаю, – начала я оправдываться.

– Ладно уж, прощаю на первый раз, – помиловала Лерка. – Рассказывай, как живешь, мать. Как работа? Что нового?

Я тяжело вздохнула и выборочно рассказала про свою трудовую деятельность, умолчав об унижительных моментах. И без того чувствовала себя неудачницей, поэтому самолюбие не позволяло говорить на неприятные темы. Пока рассказывала, вновь накатила горечь. Пришло осознание насколько однообразна и скучна моя жизнь. А послушав Лерку, так и вовсе пожалела, что ответила на звонок. Наверное, я все же мелочная и завистливая. Слушая подругу, мое настроение падало все ниже и ниже, а ведь я должна радоваться за нее. Но меня почему-то не покидало ощущение какой-то негласной конкуренции. Вроде бы Лерка и не рисовалась, но в ее голосе скользили снисходительные нотки, словно я найденыш какой-то, что вызывало мерзкое чувство.

Когда она начала рассказывать про какого-то парня, по которому весь универ с ума сходит, меня словно клинануло, и

я тоже решила поделиться своими «амурными» делами, точнее фантазиями. Уж больно хотелось приукрасить свое унылое житие-бытие.

– А ко мне тут, представляешь, подкатил один экземпляр из постоянных клиентов, – начала я.

– О, как! И? Что за хрен, на чем ездит? —сделала она очередное снисходительное замечание, вызывая у меня злость, подстегивая к дальнейшему вранью. Моему уязвленному самолюбию необходимо было хоть как-то придать себе большей значимости в глазах подруги.

– Не знаю, не обратила внимания. Ну, приличный такой мужик: при деньгах, красавчик и нестарый.

– Какое везение, – сыронизировала Гельмс, раздражая меня еще сильнее. Я уже собиралась послать ее куда подальше, как раздался более-менее заинтересованный вопрос:

–Ну? И как все закрутилось?

Я удовлетворенно хмыкнула: что-что, а о мужиках потрепаться для Гельмс – святое дело, ну, а я, как хорошая подру-

га, должна иногда разделять ее пристрастия. Так почему бы и не сейчас, верно? Вот и начала трепаться в пределах разумного, конечно же, а именно: что это «экземпляр» все время следил за мной, а никак не наоборот. В моем рассказе не было с его стороны уничижительных фразочек, насмешливых взглядов и похабных намеков. Только флирт и заинтересованность. Дальше я не рискнула преувеличивать. Для Лерки и этого оказалось достаточно, чтобы она уже накрутила себе не бог весть что.

– Ну, а ты что? – не унималась она.

– Да ничего. А что я? Себя что ли предложить должна была? – смеюсь, качая головой. Теперь уже снисходительность исходит от меня.

– А почему бы и нет? В качестве десерта, например, – хотнула Лерка, мне же кофе не в то горло попал, вызывая кашель.

Вот я бестолочь наивная, всерьез ведь над десертом голову ломала, а этот гад белобрысый, оказывается, индугенцию мне давал на разврат. Ну-ну, как же? Пищу от восторга. Тирамиссу придурку полный рот, чтоб подавился!

-Он шоколад не любит, – прохрипела я, откашливаясь.

-В смысле?

-Да так...

-Токарева, что значит «да так»? Хорошие мужики, знаешь ли, на дороге не валяются, поэтому каждая мелочь важна.

- Ну то, что он хороший – это еще вопрос.

- Смотри что в это понятие вкладывать, – возразила Гельмс и начала меня поучать. – Ты в курсе вообще, на что девочки идут, чтоб подцепить такого вот принца? Тайны мадридского двора просто в сторонке курят на фоне их охотничьих интриг. А у тебя вот он– готовенький. Да за такое везение многие бы душу продали.

-Ага, особенно за такое, как у меня, – усмехнулась я невестело, возвращаясь к своим баранам то бишь провалу на экзамене.

-Ой, опять ты начинаешь, – протянула Лерка.– Может, у тебя как раз тот случай, когда проблема вовсе не проблема, а счастливый лотерейный билет.

– Неужели? Что-то я про такие случаи первый раз слышу.

– Здравствуйте! А как же Иван-царевич, которому лягушка в невесты досталась? Тоже сначала та-ак горевал...

– Иди ты на хрен! – отозвалась я со смешком.

– О, Ян Владимировна, я всеми частями тела за, только вот где его взять-то бесхозный? – горестно вздохнула Лерка, вызывая у меня хохот.

– Приезжайте ко мне на работу, Валерия Юрьевна, у меня как раз там один «бесхозный» вариант отирается, – просмеявшись, успокаиваю ее.

– Что еще за «вариантик»? – заинтересовалась она тут же.

— Стас – коллега мой. Помнишь, я тебе про него рассказывала?

— А... Этот, - без прежнего энтузиазма протянула Гельмс, вызывая у меня улыбку. – Он все не уймется никак?

– Что ты! Позвал меня на следующих выходных сходить куда-нибудь, — теперь была моя очередь горестно вздыхать.

– Ну, сходи, с тебя не убудет. Пусть Москву тебе покажет заодно потренируешься на нем, – подколола Гельмс, я же поежилась и зашла в квартиру. – Я тебе вообще че звоню-то, Ян, – переключилась Лерка, не дождавшись от меня возражений, – у нас посвящение в студенты в среду. Неофициальная часть в клубе будет. Пошли, потусим?

– Не знаю. Меня тетя Катя вряд ли отпустит.

– О, господи! Ну, скажи, что поможешь мне отработать некоторые элементы, – предложила Лерка.

Идея была крайне соблазнительной, ночная жизнь Рубцовска обошла меня стороной, поэтому я была не прочь наверстать упущенное, но обманывать тетю Катю жуть как не хотелось. Да только с ней договориться не получится, даже пытаться не стоит, а желание «расширить кругозор» все же было сильнее угрызений совести.

– Ладно, только нужно будет купить что-нибудь, а то пойти не в чем, – сдалась я, не долго думая и чтобы не переду-

мать, переключилась на волнующий меня вопрос.— Кстати, давно хотела спросить. Мне нужно где-то тренироваться. У вас нельзя как-нибудь договориться насчет зала? Или посоветуй, куда можно обратиться.

— Я тебе студень достану, не переживай. Там по вечерам зал всегда пустой. А в среду приезжай ко мне. Возьми отгул или че там. Провырнемся по магазинам, соберемся, а потом в клубец махнем.

— А где ты студенческий возьмешь? —никак не могла я поверить, что проблема так легко разрешилась.

— Ой, да скажу, что потеряла. Мне новый сделают и все.

— А не влетит?

— Прямо.

— Понятно. А ты что, на официальную часть не пой-

дешь? – удивилась я, сообразив, что Лерка собралась провести среду со мной.

– Нафига? Че я, самостоятельность местных придурков не видела? – отмахнулась Лерка, меня же такое отношение к людям несколько покорило. Но я решила не заикливаться на этом.

– Ладно, я спать буду ложиться, завтра рано вставать. Во вторник созвонимся, – попрощалась я.

– Ага, давай. И разберись со своим гаремом, – дала она напутствие напоследок.

Последующие дни до среды, казалось, длились целую вечность. Тетя Катя, узнав, что я собираюсь к Лере, обрадовалась, поэтому отпустила без проблем. На работе тоже удалось договориться, чтобы меня подменили. Дни проходили в привычном ритме – ни минуты покоя. Все это время я ждала моего «придурка», но он так и не появился. От этого становилось как-то грустно. Спасала только мысль о предстоящем походе в клуб да, как ни странно, о свидании в субботу. Все

же это мое первое свидание, любопытно, как не крути.

И вот наступила долгожданная среда. Волнуясь и предвкушая, я поехала в центр, где договорилась встретиться с Леркой. Мы потратили несколько часов прежде, чем выбрали наряды на вечер. Мой взгляд остановился на красном платье без бретелек, но я не сразу решила его приобрести. Мама не одобряла красный цвет в моем гардеробе. Всегда говорила, что он превращает меня в вульгарную девку. А уж пристойный вид – это наше все, поэтому даже речи быть не могло, чтобы купить непотребство, сидящее на мне, как влитое и едва прикрывающее резинку чулок, на которых настояла Лера, а я-дурочка повелась, хотя ни разу не носила их. И вот сейчас, стоя возле зеркала у Гельмс дома, обреченно вздыхала. Чулки эти просто убивали. Пояса для них не было, да и под это платье не оденешь. А ведь главным моим желанием было танцевать. И как теперь? Беда, беда...

И ведь вариантов-то больше никаких: колготки не оденешь, без колготок – вообще кошмар. На хрена, спрашивается, купила эту тряпку в облипочку? А вот проснулось нечто такое... гаденькое, охочее до внимания. Как увидела себя в примерочной такую сексуальную, дерзкую, вызывающую, и повело от собственной вседозволенности, как от бутылки шампанского, закипело в крови жадой липких взглядов и мужского раболепия. Задуматься бы пресловутая ли то женская сущность или душевное уродство, но разве в восемна-

дцать о таком думают? Поэтому всего лишь оправдываю себя тем, что идем в клуб, а не в театр. Да и наряд, дополненный косухой из кождама и ботильонами, не выглядит столь кричаще. Успокоенная этими мыслишками и подбадривающими комментариями Гельмс, отмечаю последние сомнения и с энтузиазмом принимаюсь за макияж.

Чуть позже к нам подъехали Леркины одноклассницы, привезли с собой несколько бутылок мартини, и процесс сборов пошел веселее. Девчонки оказались веселыми и компанейскими, я сразу же вписалась в их компанию и уже через полчаса чувствовала себя, как рыба в воде. Мы много пили, делились забавными случаями из жизни, смеясь до слез. Кто-то включил музыку, и мы с визгом стали танцевать да подпевать. К полуночи вся наша развеселая, пьяная компания расселась по такси и поехала в клуб, где должна была пройти неофициальная часть посвящения в студенты. Но вскоре мы, даже будучи пьяными, пришли в ужас: контингент оставлял желать лучшего – вокруг были только одни первокурсники, которые словно вырвались из зоопарка. Эти натрескавшиеся уроды не давали спокойно ни потанцевать, ни поболтать, ни даже просто упиться вусмерть, что я пыталась сделать после очередного штурма какой-то наглой свиньи.

– Токарева, собирай шмотье. Сваливаем с этого..., -Лерка пьяным взглядом обвела здешнее сборище, и не найдя подходящее слово, махнула рукой. Впрочем, я и так ее поняла, и была рада перспективе покинуть сей дурдом, но это оказалось не так просто. Пошатываясь, я попыталась встать, но меня неизменно тянуло назад. Гельмс схватила меня за руку и потянула на себя, но через минуту мы уже обе валялись на диване и хохотали, как припадошные.

Кое-как поднявшись, забрали куртки и поплыли по пьяному морю людей, спотыкаясь на каждом метре, поэтому когда сели в такси, в котором нас уже ждали остальные девчонки, выдохнули с облегчением. По дороге я узнала, что мы направляемся в какой-то очень крутой клуб. Чей-то знакомый работал там, поэтому проблем с охраной не должно было возникнуть. Будучи в состоянии очень далеко от адекватного, меня совершенно не интересовало, в какое заведение мы едем и зачем. Я все еще хотела танцевать, а на остальное мне было пофиг. В тепле меня развезло и начало клонить в сон, но мы быстро подъехали к вышеупомянутому клубу, и я просто не успела упасть в объятия Морфея. А когда увидела очередь у входа, и вовсе слегка протрезвела.

Мы вышли из машины, ветер обжег холодом мою разгоряченную кожу, вызывая мурашки. Я поежилась и обхватила себя руками. От такой холодищи желание попасть внутрь стало нестерпимым. Пока одна из девушек пыталась дозвониться до того самого знакомого, мы курили(мое очередное открытие), пританцовывали, спасаясь от холода, шутили и громко смеялись. Время тикало, а очередь, казалось, стояла на месте. Некоторые люди уезжали разочарованными, другие, на правах vip-клиентов, проходили без очереди. Ну, а третьи, вроде нас, как суслики выглядывали из толпы, сверля охрану ошалевшими взглядами, оценивая свои шансы.

Через час бесплодных попыток дозвонится обещанному знакомому, наша компания сникла. Я так продрогла, что мне уже было все равно, где быть, лишь бы в тепле. Сознание немного прояснилось, и я перевела взгляд на парковку, любясь подъехавшими шикарными авто: красной, спортивной Audi и мощным, черно-белым Range Rover. Живут же люди—вздыхаю тоскливо.

Делать было все равно нечего, поэтому я рассматривала прибывшую элиту. Из ауди вышли высокая блондинка с лысым, крупногабаритным, но нетолстым мужчиной. Он был намного ниже своей спутницы, но его это, похоже, несколько не смущало. Впрочем, если с нее снять ее копытца на вы-

соченной шпильке, то наверное, разница в росте будет минимальной. Хотя какая вообще разница? Куда больше меня интересовал их прикид. Одеты они были кричаще, но крик этот был не об отсутствии вкуса, а о наличии больших денег и желании их показать: питоновая кожа, значки известных лейблов, блеск драгоценных камней и конечно же, меха – в общем, РЕТА(1) плакала горькими слезами. Для меня – девочки из глухой провинции, привыкшей, что мех носят только в сорокаградусный мороз, такая демонстрация благосостояния была подобна забываемому шоу, от которого невозможно было оторваться. Я восхищенным взглядом пожирала каждую продуманную деталь в образе женщины и отчаянно завидовала. Да и какая бы девушка не хотела выглядеть, как звезда на красной дорожке? Возможно, и существуют такие исключительные индивиды, но с моей патологической тягой к выпендрежу мне этого совершенно не понять. Зато, я как никто понимала объектов моего пристального внимания – почему бы и не щегольнуть, если есть чем?!

Парочка не торопилась уходить и, посмотрев в сторону подъехавшего вслед за ними внедорожника, что-то сказали друг другу. Я тоже перевела взгляд на Range Rover и застыла. Дверь открылась, и из машины, не поверите, вышел никто иной, как мой белобрысый придурок. Я словно парализованная стояла с открытым ртом и пялилась на него, как дура, делая новое открытие.

Оказывается, можно быть одетым почти скромно, но при

этом выглядеть настолько экстравагантно и изыскано, что все остальные на фоне такой «расслабленной» элегантности смотрятся разряженными попугаями. Моя зазнаба не в пример своим знакомым ничем не кичилась, кроме, пожалуй, великолепного сложения, что потрясаяще подчеркивал его, сшитый на заказ, костюм цвета маренго. При этом мужчина не выглядел строго и официально, мягкая ткань костюма придавала некоторую неформальность образу. Ослепительно белая рубашка подчеркивала загар и белизну зубов. Пепельные волосы немного отросли за прошедшую неделю и стало видно, что они выются. Но больше всего меня поразила небритость на щеках, грозившая стать не сегодня-завтра самой настоящей бородой. Казалось, что мужчина с последней нашей встречи не брился, и если бы не его ослепительная улыбка, я бы его не узнала. Нет, ему, безусловно, шло. Это придавало мужественности, брутальности и, надо отметить, возраста. Теперь я могла смело дать ему тридцать пять лет, а то и больше.

Пока он с самой радужной улыбкой о чем-то переговаривался с друзьями, меня трясло, как в лихорадке от непонятного волнения. Пульс просто зашкаливало.

– Эй, ты чего застыла? – ткнула меня в бок Лерка. Я нервно сглотнула и, кивнув на идущих к входу в клуб людей, ответила:

—Вон – видишь того блондина? Это тот самый мужик из Де Марко.

– Ни хера себе! –присвистнула Гельмс. – Хорош. Секси. Я бы ему дала без вопросов.

—Ага, нужна ты ему, как собаке пятая нога, – хмыкнула я, довольная Леркиной ремаркой. Но в следующую секунду прокляла себя за то, что вообще заикнулась об этом. Мне всего лишь хотелось похвастаться: мол, смотри, какой мужик «уделяет мне внимание», но я не ожидала, что Лерка решит этим воспользоваться.

– Я-то понятное дело, но вот ты... Попроси его, пусть проведит нас в клуб.

Я ошарашенно уставилась на подругу.

—Сдурела? Как ты себе это представляешь? – возмутилась я, нервничая.

– Очень просто. А что такого? Вас, можно сказать, сама судьба сводит. Надо ковать железо, пока горячо. Давай, а то он сейчас уйдет, а мы так и будем стоять здесь до утра. Ну, пожалуйста, Януль! – умоляюще посмотрела на меня подруга, сложив руки в молитвенном жесте.

Я закусила губу и задрожав от ужаса, забежала глазами, не зная, как выкрутиться из этой ловушки, в которую загнала сама себя. К Лерке присоединились остальные девчонки, поняв, что я могу обеспечить им путевку в клуб. Поэтому не выдержав такого повального прессинга, кивнула, настраиваясь стать посмешищем. Боже, и зачем я только придумала всю эту историю с этим мужиком?

А вот будешь знать, как врать! – насмехался надо мной внутренний голос.

И ведь не поспоришь. Конечно, можно было послать Гельмс, сделав вид, что мне это все ни к чему. Но я прекрасно понимала, что Лерочка не столько хочет попасть в клуб, сколько взять меня на слабо да проверить на вшивость. Поэтому дать заднюю я никак не могла.

Мой «поклонник» с друзьями как раз подошел к охране.

Девчонки со смехом подтолкнули вперед, а Гельмс подмигнула, как бы говоря, давай, докажи. Меня заколотило нервной дрожью, сердце готово было выпрыгнуть из груди, когда я, сама не понимая как, решилась и крикнула:

– Эй.

Но мой крик потонул в гуле голосов и доносящейся из клуба музыки.

Я сглотнула и попробовала вновь, только на сей раз громко:

– Эй, блондин!

В то же мгновение, как этот бред сорвался с моих губ, мир будто замер. Все сразу же уставились на меня и – о, ужас – «мой» блондин тоже. На адреналине я широко улыбнулась, хотя хотелось сквозь землю провалиться от стыда, и помахала. Бровь мужчины недоуменно взлетела вверх, когда он медленно оглядел меня с ног до головы. Я же, с застывшей

улыбкой-grimасой, продолжала ему махать. Но заметив, как помрачнело его лицо, а взгляд стал жестким, прикусила дрожащую губу, прищурила один глаз и как в замедленной съемке опустила руку под общий хохот.

Поскольку я еще была пьяна, то только вопрошала, как можно быть такой debilкой, а не молила высшие силы о мгновенной смерти. Боже, какое позорище!

(1)-PETA (англ. People for the Ethical Treatment of Animals) – организация, ведущая борьбу за права животных.

ГЛАВА 5

«В жизни есть только две трагедии: не получить того, чего хочешь или же напротив – получить. Причем вторая страшнее первой».

Исходя из собственных наблюдений, я склонен согласиться со стариной Уайльдом. В особенности это касается разбогатевшего быдла. Страшное дело, когда бедолага заползает на вершину социальной лестницы. Философию нищего из него никакими деньгами не вытравишь, стань он даже самым богатым человеком в мире. Всегда будет мало, потому что скотина меры не знает ни в естественных нуждах, ни в удовольствиях, ни в чем бы то ни было.

И вроде бы да и хер с ним. Заработал, имею право на сибаритство и гедонизм, никому ничем не обязан! Только это на первых порах кружит голову, а потом начинается «в днях счастья нет, все осточертело, ничего не радует...» – налицо та самая Уайльдовская трагедия. И если она случилась в жизни, то есть только два пути: либо отказываться от всего и в глушь, либо пускаться во все тяжкие и извращаться, пока выворачивать не начнет.

Мне повезло в юношестве уяснил простую истину: знание

меры – основа довольства жизни.

Умение жить так, чтобы наслаждаться – это особое искусство, точнее, даже труд.

Такие мысли проносились в моей голове, пока я стоял в пробке, направляясь в клуб моего знакомого. Он сейчас кислым голосом толкал пьяные речи о том, как все осточертело: Монте-Карло – херня, мисс «90-60-90» – херня, Ламборджини – херня, мидии – херня, жизнь – херня.

– Саныч, ты понимаешь, ни в чем не вижу смысла. Вот даже в бабах, — хохотнул он. Я хмыкнул. Уж если Диман разочаровался в бабах, то это действительно серьезно.

– Вроде красивая, все при ней, – продолжал он, – а я понимаю, что мне похер. Ну, вообще никак. Ты представь, до чего дожил?! Смотрю, а все на одно лицо и такие суки. Вот че это? Кризис среднего возраста или как?

– Это п*здец, дружище, – хохотнул я.

– Че ты ржешь, я те серьезно?!

– Да не ржу я, Диман, – заверил я его, давясь хохотом. – Понял, что тебя конкретно долбануло, – постарался я придать голосу серьезности, маневрируя в потоке машин и постукивая по рулю в такт тихо играющего инструментального джаза.

—Хер ты меня поймешь. Заведешь свою шарманку, что я быдлак или кто там... и баста. Знаю я тебя. Предупреждаю, сегодня я на эту философскую х*йню не расположен, – заплетающимся голосом сообщил друг. Видимо, решил, не дожидаясь никого, начать «вечер». Я подавил смешок и, вырвавшись, наконец, из гусяного строя, прибавил скорость.

– Ладно, сегодня без х*йни, расскажу случай из жизни.

– О, вот это интересно! – оживился Диман, решив, наверное, что сейчас тоже начну трепаться, в какой момент женщины стали для меня все на одно лицо и почему. Хорошенький облом его ждет.

– Лет в двенадцать я гостил у бабки летом в деревне. Мы с пацанами лазали по садам. Ну а там яблоки: антоновка, бе-

лый налив, ранетки. Красивушие, кисло-сладкие, вкусные. Короче, нарвешь сколько в карманы влезет, нажрешься от пуза и так каждый день. Мы как купаться на речку идем, так рвем полный пакетище. К концу лета я обожрался этих яблок, они мне уже поперек горла стояли. И думаю: все, в жизни к ним не притронусь. А потом иду на речку, смотрю – вот они весят, глянцевые такие, красно-желтые, форма ровная, красивая, пахнут так аж слюней полный рот. Лезешь опять, срываешь. Идешь потом по дороге, в руках эти яблоки. Вертишь их так и сяк. Вроде и не голодный, а есть их привык. Но суть даже и не в этом. Кусаешь одно, а оно какое-то, как резина, ну, и выкидываешь. Уже настолько зажрался, что тебе и не жаль. А чего их жалеть, когда вон, на каждом углу яблоки?! Выбирай, какое хочешь и сколько. И ведь до дурака не доходит, что кто-то душу в них вкладывал и немалый труд. А если уж совсем скотина, то и до этого дела нет. Я хочу и точка! Значит, второе надкусываешь – та же песня. И так пока все не перепотрошишь – уже просто из вредности – не останавливаешься. Пусть я лучше лопну, но раз уж сорвал, все равно хотя бы надкушу. Потом хуже: мы стали этими яблоками кидаться. Часто так баловались, пока дед мой не увидел. О, как он отхерачил меня тогда, до сих пор помню. А потом лекцию прочитал, посадил на голодный паек и под замок. Вот так я все оставшееся лето сидел и думал, как себя вести. Ну, и в общем-то, осознал, что непотребство не приносит ни удовольствия, ни пользы. Один сплошной вред. Аб-

солютно верно говорят: чтобы чувствовать вкус, нужно оставаться чуточку голодным и это применимо не только к пище. Тяжеловато, конечно, когда все в избытке, но зато получаешь удовольствие оттого, что имеешь, а не рассуждаешь о «кризисе среднего возраста».

Я замолчал, концентрируя внимание на дороге. Диман тоже некоторое время сохранял тишину. Впрочем, я и не ждал ответ. Мне было все равно, слушает он меня или же нет. Делать в дороге все равно нечего, так почему бы и не порассуждать, пока есть свободное время?

– Вот ты знаешь, Гладышев, – серьезным голосом начал Дима. Я сосредоточился, удивленный. Обычно от этого «темного» ничего путного не дождешься.

– Я все думаю, кто из нас пил: ты или я? – засмеялся Вторников. Я подхватил его смех, качая головой. Горбтому только могила в помощь. – Ты когда уже приедешь? Миха с Викусей подъехали, Костян с Танюхой тоже, тебя да Борьку с Аленкой ждем.

– Минут через десять.

– Давай, ждем. Вспомним старые добрые, передохнем.

Я неопределенно хмыкнул и отключил телефон. Честно говоря, вспоминать «старые добрые» особенно под долбящее по ушам дерьмо (да простят меня поклонники техно) не было никакого желания. С удовольствием бы сейчас просто лег спать и наконец-то выспался, если это вообще возможно. Но нет же, клинануло меня согласиться на этот сабантуй со старыми друзьями. Хотя друзьями из них являются только Борька, Миха да Аленка, остальные так – хорошие знакомые и то в силу жизненных обстоятельств, а не по интересам.

С Борькой мы друзья с детства, с Михой и Аленкой уже позже зацепились, а Костян с Диманом в девяностые стали опорой. Лихие годы мы пережили сообща: крутились, как могли, выживали, а, точнее, наживали. Каждый урвал себе по куску. Затем расползлись в разные стороны, кто куда, но хорошие отношения сохранили. Сейчас каждый свой кусь пристроил по собственному усмотрению: кто-то выиграл больше, кто-то – меньше, но тут уж у кого как мозги заточены. Были, конечно, те, которые все похерили, но их мы оставили позади. А наш состав, как пятнадцать лет назад образовался, так больше и не меняется. Ну, не считая женщин

у некоторых, в том числе и у меня. Миха с Борькой еще пацанами нашли свои половины, но я бы сказал, что повезло только Борьке с его Аленкой, Миха же... Памятник бедному мужику надо. Вика его – та еще дура. У меня же, как и у Костяна в свое время не сложилось, а Диман не пробовал и не горит желанием.

Впрочем, глядя на Миху, да и из личного опыта, я Димку поддерживаю. Но с другой стороны – посмотришь на Борьку с Аленкой и понимаешь, что все в жизни относительно.

Пока думал о друзьях, раздражение прошло и я почувствовал, что желание выпастся становится второстепенным, а вот увидеться с этими, порой «темными», но такими привычными обалдуями, очень даже хочется.

Я иной раз удивляюсь, как мы еще не поубивали друг друга. Настолько у нас разные взгляды на многие вещи, как впрочем, и интересы. Но жизнь-старушка полна сюрпризов и неожиданных встреч.

Убедиться в этом еще раз мне пришлось спустя десять ми-

нут.

Подъезжаю к клубу, навстречу едут Борька с Аленкой. Аленка радостно машет. Глядя на нее, в который раз повторяю, что Шувалову крупно повезло – отхватил себе золотую женщину и забот не знает. Пропускаю их, а затем припарковываюсь следом. Выхожу из машины, ребята уже меня ждут. Прохладный ветер вызывает мороз по коже. Кутаюсь в пиджак, думая, что надо было пальто надеть. Схватить очередное воспаление не хотелось бы.

– Олег Саныч, здравствуйте! – улыбнулась Аленка. Я протянул ее к себе и поцеловал в макушку, одновременно протягивая руку Борьке.

– Здорова! – засмеялся друг, – Че-то вообще исхудал, оброс...

– Ага, не говори, – поддакнула Аленка, высвобождаясь из моих объятий.

– Ну зато вы вон, молодцы: добреее, хорошеете, – ухмыльнулся я, окидывая их взглядом. Впрочем, мои слова относились только к потолстевшему Борьке. Алена, конечно, не была тростинкой, но фигура у нее что надо. После моих слов на ее лице проскользнула тень страха, и она обеспокоенно спросила:

– Олеж, я поправились что ли?

Черт, вот зачем я про это заикнулся?

– Тебе и надо поправляться в твоём положении, – строго заявил Боря. Аленка зыркнула на него исподлобья.

– Шувалов, ты язык вообще умеешь за зубами держать?

– О, так вас поздравлять можно? – прервал я разгорающую перепалку между супругами. Они еще пару мгновений переглядывались, как будто вели какой-то немой диалог, который мне было не понять. Затем, видимо, придя к какому-то консенсусу, посмотрели на меня и заулыбались. Борь-

ка – гордо, Аленка —счастливо. Я был рад за друзей, рад, что в счастье этой семьи есть и моя заслуга. Я их познакомил, в трудные времена вправлял мозги Шувалову, а иной раз и Аленке. Всякое было в их жизни, но они справились. И главное – ни разу не пожалели.

– У нас уже третий месяц, – призналась Аленка и захихикала.

Я заулыбался, пихнул Борьку в бок.

– Шувалов, а кто кричал, когда Темка родился, что больше никогда и ни за что?

– Так ты попробуй ей возрази, – усмехнулся друг. Алена закатила глаза. Мы подошли к охране и тут я услышал смутно знакомый голос:

– Эй, блондин.

Поднимаю голову и оглядываюсь. Аленка ошарашенно смотрит куда-то в толпу. Я прослеживаю ее взгляд, и через мгновение передо мной открывается самое настоящее шоу: официантка из кафе, где я иногда завтракаю, лыбиться во все свои тридцать два и машет мне. Мои брови ползут вверх от изумления и, надо признать, шока.

Смотрю искоса на своих друзей, а потом на эту девчонку, которая уже вторую неделю не дает мне покоя. И хочется либо самому повеситься, либо ее придушить за такую наглость. Это что за представление? Что эта идиотка себе позволяет?

– Олеж, ты знаком с этим «чудом»? – спрашивает Аленка, находясь в оцепенении и недоверчиво взирая то на меня, то на официантку. Борька же едва сдерживает смех. Я ухмыляюсь и неопределенно пожимаю плечами. А что тут еще скажешь?

– Идите, я сейчас, – улыбаюсь, точнее, скалюсь, предвкушая нескучный вечер. Борька подмигивает мне, а Алена до сих пор непонимающе хлопает ресницами.

– Гладышев, я в шоке! Уж от кого... от кого... – пробормотала Аленка перед тем, как Шувалов утащил ее внутрь.

Я и сам не ожидал, но как уже говорил – жизнь полна сюрпризов и порой, не совсем ясно приятных ли.

Вроде живешь себе спокойно и кажется, что твоя жизнь отлажена до мелочей, а потом в один прекрасный день случается нечто странное, и ты уже ничего не понимаешь, в том числе и себя.

На прошлой неделе у меня возникла подобная ситуация и я не знал, и до сих пор не знаю, в чем ее причина. Конечно, можно махнуть рукой, но я привык контролировать свою жизнь. Иначе как? Если бы я не мог управлять собой, то другими и подавно. Бардак всегда идет изнутри, поэтому нужно четко следить. Стоит чуть упустить и хана всему. Мне бы этого не хотелось, поэтому эта ситуация напрягала.

Вот я полчаса назад с умным видом разглагольствовал насчет «дремучести» Димана и примитивности во многих отношениях, в частности с женщинами, а сам ведь тоже отличился. Утешает только одно – со мной такое уже очень давно не происходило. Это по молодости увидеть бабу и лишиться

покою, пока не трахнешь ее – нормально, а в моем нынешнем возрасте подобные порывы уже говорят об определенном уровне развития.

Я не моралист, но не люблю и не уважаю быдляк. Распустить себя много ума не надо – дурное дело нехитрое, а вот держать в руках – попробуй-ка.

В моей жизни были разные женщины и взаимоотношения с ними: серьезные и на одну ночь. Хотя шлюшки и беспорядочный секс давно потеряли свое очарование, поэтому сейчас красивым личиком и обалденной фигурой заинтересовать меня крайне сложно. Будоражит игра и процесс «завоевания». Спать с умной, привлекательной женщиной – это удовольствие, не только на физическом уровне. Когда же она по первому щелчку раздвигает ноги, то собственно, от такой победы никакого удовлетворения не испытываешь. Поэтому, уже лет семь как, свое внимание я обращал исключительно на самодостаточных женщин под стать себе, пока не встретил вон ту наглую девку, продолжающую махать мне так, будто всю жизнь только меня и ждала.

Не знаю, что это. Может, тот самый пресловутый кризис среднего возраста, но когда на прошлой неделе это «чудо» предстало передо мной, поминутно краснея и поправляя на-

электризованные волосы, я испытал интерес на самом примитивном уровне. Мне было плевать кто эта девица и что она из себя представляет. Меня интересовало только то, что было между ее ног. И эти скотские желания вызывали у меня удивление.

Смотрел на эту дурочку и не понимал самого себя. Уже то, что я ее заметил, являлось странным. Она ведь мне запомнилась с самой первой встречи, поразила, можно сказать, но не грубостью – дебилком в своей жизни повидал достаточно, а красотой: черты все правильные, четкие, симметричные. В общем, лицо с картинки. Нечасто можно встретить таких красивых от природы людей.

Поэтому когда увидел ее вблизи, несколько минут взгляд оторвать не мог, любясь совершенным творением природы. Но дело было не только в этом. Что я красивых девок не видел что ли?! В этой же что-то манило, взгляд у нее был такой... цепляющий, обещающий.

И меня цепануло, поэтому я позволил себе немного развлечься, потихонечку прощупывая ее. Девица оказалась не робкого десятка, но все же пыталась сохранить субординацию и маску холодного официоза. Но стоило мне сделать вид, что я занят, как с нее тут же слетала вся шелуха и она

откровенно пожирала меня заинтересованным взглядом. Я иногда давал понять, что поймал ее, тогда она, как спичка, вспыхивала и начинала суетиться. Я же с трудом сдерживал смех. Боже, когда в последний раз я играл в такие детские игры? Кажется, лет двадцать назад.

Смешно, глупо, но заводило не слабо. За час я испытал целый спектр противоположных эмоций. Официанточка и веселила своей наивностью, хотя это слово не очень-то вязалось с этой девицей, но что-то такое проскальзывало. Затем раздражала нагловатыми выходками, которые я сразу же пресекал. Я на многое готов закрыть глаза, но не на наглость. И все же удовольствие я получил, хотя пошлость ситуации зашкаливала.

После, некоторое время обдумывал, что за херня со мной приключилась. На такое «добро» я никогда не клевал. Но так и не найдя ответов, посчитал – лучше забыть и сменить ресторан от греха подальше.

Но, видимо, от судьбы не уйдешь. Впрочем, «судьба», конечно, громко сказано. Смотрю на эту официантку – пьяную, размалеванную, похожую на шалабуду в этом дешманском

платье и позорных чулках, и не знаю: то ли смеяться над такой пещерной выходкой, то ли преподать хорошенький урок. Дать ей понять, что наглость – не второе счастье, а дебилизм ума и сердца, и необходимо это запомнить на всю жизнь.

Тут девушка опускает руку и прячет стыдливо глаза, переминаясь с ноги на ногу. Стоит отметить — роскошные ножки. И у меня духу не хватает унижить ее сверх того, как она уже это сделала сама. Что с нее взять? Глупая девчонка. Пыжится привлечь внимание. Стоит себя вспомнить в ее возрасте, хотя конечно, наглецом я не был.

По сути, какая разница, зачем сравнивать? Не хочу грузиться весь вечер, с меня не убудет, если спущу ей все на тормозах. К тому же сам где-то оплошал, раз она решила, что ко мне можно вот так запросто. Не хочется верить, что девушка законченная идиотка. Конечно, можно поставить ее на место, но у меня слишком хорошее настроение – этой дурехе сегодня повезло.

Взглянув на нее перед тем, как зайти в клуб, почувствовал удовлетворение и веселье. Официантка была смущена, и с мольбой смотрела на меня. А заметив, что я собираюсь

уйти, прикусила губу. В ее глазах промелькнули слезы-это решило все. Я повелся, сдался, забив на принципы и прочие заморочки.

Кивнув Димкиным парням из охраны в сторону девчонки, вошел в клуб, зная, что через пять минут она и ее подружки войдут следом, но решил не думать об этом. Ни к чему мне этот геморрой. Будем считать, что у моего поступка нет никакой подоплеки, кроме порыва в духе «я когда-то тоже был молодым».

Я направлялся к ВИП-зоне и морщился – музыка была по ушам, сигаретный дым вызывал удушье, а пьяные рожи – отвращение.

– О, Гладышев!

– Здорово, друг!

– Привет.

– Как похудел.

Посыпалось со всех сторон, как только я подошел к друзьям. Минут десять мы обменивались приветствиями, делились новостями. Но потом все расселись по местам и выпили за встречу. Друзья, как обычно, прошлись по своей любимой теме – содержанием моего бокала. Хотя каждому было прекрасно известно, что алкоголь я не переношу, поэтому чаще всего во время таких встреч предпочитаю кокосовое молоко.

– Гладышев, вот если бы не знала твой сволочный характер, то недоумевала, как ты еще без нимба ходишь, – прогнусавила Вика со столь модным «московским акцентом». Меня передернуло. Твою же маму, ну неужели нельзя нормально говорить? И почему Антропова всегда цепляет какую-нибудь дрянь? В мире столько всего модного и одновременно полезного, но нет, все что негоже – все ее.

– Викуль, ты еще не в полной мере прочувствовала мой «сволочный» характер, а то бы держалась подальше, – иронично сделал я недвусмысленный намек. Аленка усмехнулась, наблюдая за нашим обменом любезностей, остальные

даже не обратили внимания, занятые беседой. Впрочем, зная нашу взаимную «любовь» с Антроповой, не удивились бы. Терпим мы друг друга исключительно из-за Михи.

– Да уж, наслышана от Ленуси, – кольнула она. Я посмотрел на нее хмуро, желая при этом, чтобы она подавилась своим ядом.

– Как же ей повезло бедной – одни сволочи кругом, – сыронизировал я. Вика покосилась, почувствовав камень в свой огород, поджала губенки и кинула на меня убийственный взгляд. Я ухмыльнулся и отсалютовал бокалом:

– За нас, Виктория Викторовна – сволочей!

Аленка толкнула меня в бок и со смешком попросила:

– Гладышев, ну не заводи ты ее.

– Слышь, Гладышев, а что там, у входа произошло? –

вдруг спросил Диман.

А я-то думал, пронесло. Хрен там, если уж застукали на месте преступления, не отвертись.

– Да, да, мне тоже интересно, что это за шалашовка? Это же надо такое отмочить! – оживилась Аленка. А меня почему-то это ее «шалашовка» неприятно кольнуло, поэтому я шутливо напомнил:

– А ты не помнишь себя лет так восемнадцать назад? В оранжевых лосинах, мини-юбке, на губах у тебя еще была такая морковная помада, ты стояла на Бии нашей и ловила тачку.

– Точно! И еще волосы были у нее неясного оттенка, – поддакнул Борька, захохотав. Все подхватили его смех. Аленка вздернула подбородок и закатила глаза.

– Я в очередной раз повторяю, что я не «ловила тачку», а ждала отца – он должен был меня забрать, – процедила она, –

И одета я была по последней моде, а не как эта... Ужас. Вырядилась как будто только что с Тверской!

– Да с такой фигурой и мордашкой можно вообще не заморачиваться. Девка – огонь! – одобрил Боря, подмигнув мне. Аленка переглянувшись с Танюшкой, покачала головой и высокомерно парировала:

– Она и не заморачивается.

– Гладышев, тебя че, на молодое мясо потянуло? – ухмыльнулся Костян.

– На такую любого бы потянуло, – хмыкнул Боря.

– И как это понимать? – наехала сразу же на него Аленка. Но он притянул ее к себе и поцеловал. На меня уставилось шесть пар глаз, я же в своей невозмутимой манере продолжал попивать кокосовое молоко. Интересно, с чего они решили, что я вдруг начну трепаться, если никогда раньше этого не делал? Да и говорить, собственно, не о чем.

– Да ты, Саныч, развратник. Нам тут, значит, такое втирал, а сам с молодыми шлюшками отжигашь, – засмеялся Димка.

– Каждый судит в меру своей испорченности, Диман, – глубокомысленно изрек я, а друзья засмеялись.

— Это не разврат, Димка, – поддержал меня Миха, искоса взглянув на жену. Она вскинула бровь, а он иронично пояснил, – возраст такой наступает, когда приходится выбирать – либо стареть, либо искать новую «молодость».

Вика хмыкнула, закатив глаза, но, как не странно, не стала отвечать на Антроповскую провокацию. Я же усмехнулся, наблюдая за этим немым диалогом Антроповых, не понимая, что заставляет Миху «стареть» рядом с такой отвратительной бабой. Но развить эту мысль не получается из-за возгласа Борьки.

— А вон и звезда сегодняшнего вечера, – кивнул он в сто-

рону танцпола внизу. Все сразу же обратили свои взоры к окну. Я же прикрыл глаза, отсчитывая до десяти.

— Которая? Вон та брюнетка?

— Ух, вот это конфетка!

— Хороша.

— Огонь-девка.

Слышалось со всех сторон. Взглянув же на меня, друзья захохотали.

— А вот ты над нами издевался, теперь наша очередь! — со смехом утешали они меня. Я кивнул и взглянул на невозмутимого Борьку. Друг тут же поднял руки вверх, я показал ему кулак и осушил бокал.

Через десять минут все забыли об инциденте у входа и переключились на другую тему.

Я же из последних сил сдерживал себя, чтобы не посмотреть вниз. Сидел как на иголках, нервно постукивая пальцами по спинке кресла. Друзья о чем-то спорили, я даже не вслушивался, хоть и вставлял в нужный момент какие-то фразы. А потом не выдержал и начал осматривать зал в поисках девки. Долго не мог найти. А спустя полчаса, еще раз пробежавшись глазами по танцующим, наткнулся на нее. Она находилась в объятиях какого-то обдолбыща, которого, похоже, даже не замечала.

Девушка двигалась в такт музыки: грациозно изгибаясь, прикрыв глаза. Казалось, она где-то очень далеко отсюда, в собственной нирване. Танцевала красиво и профессионально. Видно, что любительница покрутить задницей. На лице у девушки играла чувственная улыбка, от которой у меня запершило в горле. Кожа ее блестела от пота, волосы растрепались, тушь размазалась под глазами. Выглядела, действительно, как шалашовка: как будто ее только что трахнули где-то в темном закутке. А может, уже кто-то и поймел в туалете.

Я почувствовал раздражение и злость на самого себя. Нашел на кого пялиться.

Она же продолжала сексуально извиваться, скользя по груди руками, языком по пухлым, красным губам, отчего у меня перехватило дыхание. Парень положил ладони на ее бедра, она прогнулась – платье задралось, оголяя бедра едва ли не до трусиков. Но девушку это, казалось, не волновало. Она погладила себя по ногам, прикусив нижнюю губу.

Я отворачиваюсь, откидываюсь на спинку кресла, закрыв глаза, но перед мысленным взором девчонка продолжает танцевать.

Хочу ее дико. Каждую клетку разрывает от бешеного желания. Стискиваю челюсти до зубного скрежета. Стояк вызывает дискомфорт, в висках пульсирует, а в голове шумит. Ни о чем не могу думать, кроме нее, стоящей возле стены с задранной до пояса платьем и широко разведенными ногами в этих проклятых чулках...

Бл*дство! Свалилась же на мою голову, зараза!

Надо отправляться домой, а то до добра эти фантазии не доведут. Это же надо?! Седины еще у себя не замечал, но бескрутит по жесткому.

Друзья в это время разошлись не на шутку и веселились во всю, только Миха пристально смотрел на меня, не говоря ни слова. Антропов всегда был проницательным и видел то, чего не замечают другие. Его внимательность, порой, вызвала неловкость, словно он тебя насквозь видит. Поэтому я отвернулся, не считая нужным обсуждать свою озадаченность.

Перекрикивая музыку, сообщил, что еду домой, отдыхать. Никто не стал возражать, зная, что я недавно оклемался после пневмонии. Пятнадцать минут все же пришлось потратить на прощания.

– Олеж, я приеду к вам на выходные, нормально? С Олеськой пообщаюсь. – сказала Аленка, целуя меня в щеку.

– Ленка что ли попросила? – грубо поинтересовался, все еще заведенный. Шувалова отстранилась.

– Гладышев, ты чего, молока перепил? – возмутилась она.

– Походу, – примирительно улыбнулся, приобняв ее. Она улыбнулась в ответ.

– Ты вымотался, Олеж, тебе бы отдохнуть, как проклятый пашешь.

—Да я же вот только приехал с Лазурного берега.

– Ой, знаю я, как вы отдыхаете. Только обстановка меняется, а также по уши в работе, – отмахнулась подруга.

– Смена обстановки тоже отдых, – усмехнулся я. Мы подошли к выходу из ВИП-зоны, договорились о ее визите и попрощались.

Как только я спустился в общий зал, передо мной вста-

ла дилемма: идти сразу к выходу или пройти мимо девчонки. Желание увидеть ее было нестерпимым, и я решил себе в нем не отказывать. Нашел ее не сразу, а когда увидел, то передо мной разыгралась следующая сцена: тот обдолбыш с каким-то еще одним наркоманом что-то на повышенных тонах ей говорили, а девушка со слезами пыталась вырвать руку из захвата. Она оглядывалась по сторонам и видела, что никто помогать ей не собирается.

Если честно, я почувствовал удовлетворение – будет знать, как задницей крутить. Для абсолютной эффективности урока можно было оставить ее на растерзание этим ублюдкам, но мне подобная идея пришла не по вкусу. Можно проучить и не столь радикальными методами.

Странно, что меня вообще интересует воспитательная часть данной ситуации. Зачем, спрашивается, мне возиться с этой дурехой? Как будто и без того проблем мало. А с ней определенно будут проблемы. Такие сначала ведут себя, как проститутки, а потом обижаются.

Нужен тебе, Гладышев, этот гемор? Ведь потом не огребешься, да и с Де Марко придется распрощаться. А жаль –

стейки там вкусные.

Но взвесить все не получается, встречаюсь с затравленным взглядом девушки и понимаю — готов немного пожертвовать комфортом. Другой вопрос: ради чего? Но не за спасибо это точно. Благотворительностью не занимаюсь.

Лезть в разборки с наркоманами я, естественно, не соби-
рался. Зачем мне это надо? Вызвал охрану и направился к
выходу. Проходя мимо моей официанточки, на ходу бросил:

– Вещи забирай. Жду тебя в машине.

Она непонимающе уставилась на меня. Наркоманы осек-
лись и хотели что-то возразить, но тут подоспела охрана.

Я вышел на улицу, холодный ветер сразу же принял меня в
свои мерзкие объятия, проникая под рубашку. Меня зазно-
било, и я поторопился к машине, где сразу же включил печь
на полную мощность.

Прошло десять минут, я уже успел согреться, а девицы все не было. Буря во мне понемногу утихала, и я подумывал уехать, но тут увидел ее, выходящую из клуба. Обхватив себя руками, девушка замерла на крыльце и осмотрелась по сторонам. Я посигналил, она устремила взгляд в мою сторону, и приглядевшись, начала спускаться. Шла девчонка неуверенно: то ли меня боялась, то ли еще не протрезвела, а может и то, и другое.

Открыв дверь машины, застыла, не зная, что делать.

Выглядела она ужасно: лицо бледное, макияж растекся, губы искусаны в кровь. Да уж! И что с ней делать?

– Садись, – устало произнес я. Салон стал заполнять холодный воздух, меня вновь зазнобило.

– Я хотела... хотела поблагодарить, – замялась она, отводя взгляд.

– Садись! – раздраженно скомандовал я.

ГЛАВА 6

Плохо. Боже, как же мне плохо!

Все расплывается, кружится и кружится. Я словно на какой-то сумасшедшей карусели. Тошнота подкатывает к горлу. Сглатываю и стараюсь дышать. Слезы подступают к глазам – как вспомню весь этот адский вечер, так хочу умереть. Я это и делаю – загибаюсь от стыда.

Не знаю, что на меня нашло. Я никогда раньше так не напивалась, точнее, я вообще не пила. Оправдания себе не ищу, и обелить не пытаюсь. Мне действительно хотелось привлечь внимание этого мужчины, но я просто не знала как. Не понимаю, на что я рассчитывала? В общем-то, ни на что. Адреналин в крови зашкаливал, вот и понесло. Но когда встретила взглядом с женщиной из его компании, то отчетливо поняла, насколько ужасно это выглядело. На ее лице было написано такое презрение и отвращение, что я будто получила удар под дых. Протрезвела в одну секунду. Посмотрела на эту ситуацию со стороны – стало не по себе. В то мгновение я начала бояться реакции блондина. Если он в простой перепалке не давал спуска, то здесь и подавно, но я

опять ошиблась. Он просто ушел. Ушел, наградив насмешливым взглядом. И одним им морально раздавил меня. Показал, насколько я ничтожна в его глазах, словно муха, попавшая в мед. И вроде весело наблюдать за моими бестолковыми потугами выбраться, но в тоже время вызывает отвращение. А я уже не вылезу. Попала конкретно. Без единого шанса на избавление от безрассудной тяги.

После того как он скрылся за дверью, нас пустили в клуб. Я знала, это благодаря ему. Лерка с девчонками были в восторге. Они наперебой благодарили меня и еще минут тридцать мусолили ситуацию, утешая тем, что цель оправдывает средства. Сомнительно, учитывая, что я перепутала «цель» со «средством».

И я вновь пила, хотя понимала, что уже достаточно, но мне было необходимо заглушить, утопить, обезвредить спиртом болезненное ощущение фиаско, дикого унижения, а более всего – сожаления. Сожаления о том, что я не могу отмотать временную ленту назад, и не устраивать представление, а просто подойти к этому мужчине и сказать «спасибо». Поблагодарить за щедрые чаевые и замечательное настроение, за то, что теперь с радостью бегу на работу в надежде увидеть его. Ведь я хотела лишь этого, а клуб мне этот на

хрен не нужен. В итоге же: его поставила в неудобное положение перед знакомыми и себя выставила полной дурой. О чем я думала в тот момент? Если вообще думала... Какой-то идиотский порыв.

Остальное вспоминается смутно. Какие-то лица мелькают, огни, дым, туман. Ничего не радовало, подруги раздражали. Поэтому я пошла танцевать – мне необходимо было движение, чтобы хоть чуть-чуть прийти в себя и протрезветь. Но желаемого эффекта это не дало, напротив: карусель в моей голове, словно взбесилась и кружила так, что все сливалось в одно разноцветное пятно. Я закрыла глаза и отдавалась музыке, сексуально двигаясь, лаская себя.

Я представляла, что он смотрит на меня, проникает под кожу своим холодным взглядом, вызывая мурашки и какое-то тягучее, расползающееся приятным теплом, удовольствие. Эти фантазии пьянили еще сильнее, я тонула в них, забывая о реальности. Поэтому очнувшись, не сразу сообразила, что происходит.

Два парня странного вида куда-то меня тащили. Один крепко держал, обхватив запястье костлявыми пальцами, второй подталкивал сзади. Я застыла на месте, оглянулась в поисках Лерки и девчонок, но никого не увидела. Ребята настойчиво тянули меня за собой. Я понимала для чего и зачем. И от этого меня прошибло холодным потом, паника на-

чала нарастать в душе. Я стала сопротивляться, но эти наркоманы казались зомбированными. Так страшно и противно мне никогда еще не было. Я что-то кричала, била по холодным рукам, которые будто клешни вцепились в мое запястье. Ситуация только усугублялась с каждой минутой.

И что пугало меня больше: никто, абсолютно никто не обращал внимания на происходящее. Слезы зажгли глаза, страх разрывал каждую клеточку, пока я не встретила со скупающим взглядом приближающегося ко мне блондина.

И вот знаете, увидела его и сразу отпустило. Вырубил нафиг панику в один момент, словно вот она – моя каменная стена, за которой хоть трава не расти. Не знаю, откуда во мне такая уверенность, ведь совершенно чужой человек. Зачем ему помогать девушке, которая еще недавно вела себя, как ... кхм... ? Он мог бы подумать, что я сама виновата. С моими-то выходками наверняка так и решил. Но я не сомневалась, что мимо не пройдет.

Хотя, когда он на ходу бросил: «Собирай вещи. Жду тебя в машине.», просто охренела. Нормально, да? Жду тебя, а ты тут еб*сь (простите за мой французский), как хочешь, дорогуша. Но буквально через пару минут подросла охрана, и я посмеялась над собой.

Да, Яна, раскатала ты губу. Как же, будет «барин» белы рученьки марать. Да и за какие такие заслуги? Спасибо хоть

вообще «милость оказал», да еще и у себя видеть желает, что крайне озадачивало.

Не знаю, как я решилась. Хотя о чем разговор? Какое решилась? Я и не думала ни о чем, когда, как послушная собачка, неслась прочь из клуба. Забыла обо всем на свете, только бы побыстрее удрать, поскорее к нему.

А выйдя на улицу и хватанув холодного воздуха, колесики в моей голове начали потихонечку крутиться – вертеться. В сознании, опьяненном эйфорией и алкоголем, всплыли вопросы: куда я и зачем? Но как вынырнули на поверхность, так и благополучно потонули, стоило только раздаться гудку автомобильного клаксона. Я пошла навстречу неизвестности, но она меня не пугала. Возможно, это моя очередная ошибка, вот только ошибаться иной раз приятнее, чем быть разумным.

И вот я сижу в салоне роскошного авто с сосредоточенным на чем-то своем, малознакомым мужчиной. В абсолютном молчании мы несемся куда-то в ночь. И эта тишина давит, нервирует меня. Чувствую себя обязанной что-то сказать, да только в голову ничего не лезет. Украдкой погляды-

ваю на своего спасителя и теряюсь. Он собран, спокоен и даже расслаблен. Весь из себя: самоуверен, доволен жизнью. Одна рука уверенно направляет машину, другая лежит на коробке передач. Пальцы тихонько постукивают по ней, отбивая собственный ритм, который для меня словно тиканье часов бомбы замедленного действия. Я отчаянно пытаюсь незаметно поправить задравшееся платье, оголившее ноги едва ли не до трусов. Его рука совсем рядом с моим бедром – это смущает и вызывает азартное возбуждение. Вроде бы и страшно, но любопытно.

Очередная попытка прикрыться привлекает его внимание. Неспешным взглядом он скользит по бедрам, а я будто кожей чувствую ласковое прикосновение. Слежу за ним. Мы встречаемся взглядами. Приподнимаю вызывающе бровь и насмешливо улыбаюсь краешком губ, хотя меня трясет от страха, но ему ни за что не покажу, насколько мне не по себе, как сильно смущена и растеряна. Его выражение лица все так же непроницаемо. Скучающее.

Ага, охотно верю, милый! Хорошая мина при плохой игре. Я, конечно, наивная провинциалка и дура, но не настолько, чтобы не понять – ты повелся на мои ноги и фейс. Да только ошибаешься, если думаешь, что я себя на помойке

нашла и от одного твоего вида неземной опупенности паду ниц.

Если честно, меня вся эта ситуация поражает. Ясное дело, в фильмах я видела, как люди на одну ночь пересекаются и мне это казалось... ну, не то, чтобы приемлемым, но отвращения не вызывало. Как говорится – дело каждого. Но сейчас, испытывая все на собственной шкуре, чувствую ужасный дискомфорт и неловкость. Я не знаю правил игры, да и не представляю себе это возможным, по крайней мере, не сейчас, не в свой первый раз. Этот мужчина для меня как наркоз: разум отключается от одного вдоха, но не настолько, чтобы не понимать: если я уступлю, то на этом и кончится, а довольствоваться малым – это не про меня. Да и какой в этом резон? Мне импонирует, что мной увлекся такой мужчина. Конечно, я под впечатлением от его тачки, дорогих часов и прочих атрибутов жизни, о которой все мечтают. Но меня воспитали иначе. Мама вбивала в голову другие ценности. Он мне безумно нравится, я по нему с ума схожу, но мне страшно.

Я ведь даже имени его не знаю! Кстати, да... Пора уже осветить этот вопрос.

Все еще чувствую себя неловко, но остатки алкоголя в

крови помогают преодолеть робость. И правильно. Раз взяла старт в образе «крутой девчонки», то уже поздно давать заднюю. Тяжеловато, но я должна преодолеть психологический барьер. Будет довольно странно, если я сейчас начну жеманничать. Первое впечатление уже произведено, придется поддерживать имидж.

Втянув в себя побольше воздуха, резко поворачиваю голову и в упор смотрю на него – такого недостижимого, серьезного и красивого. Господи, ну разве можно быть таким красивым? Мне даже его щетина нравится, хотя терпеть не могу небритых мужиков. Мужчина обратил на меня взгляд полный ожидания. Я на мгновение стушевалась, но тут же собралась и, соорудив пафосное выражение личика, иронично предложила:

– Может, познакомимся? Или ты таксистом решил заделаться? Сразу предупреждаю: денег у меня нет.

Он ухмыльнулся и вновь мельком глянул на мои ноги. Похотливая скотина. И только после снисходительно ответил:

– Ну давай... познакомимся. Олег.

– Блин! – вырвалось у меня от досады. Я ведь уже почти к «Александру» привыкла, а тут «Олег». Хотя тоже подходит. Такое какое-то твердокаменное имя. Олег... и словно вбили клин. Однако, странные у меня ассоциации. Наверное, в том клубе что-то подмешивают в коктейли.

– И что подразумевает это «блин»?

– Да ничего особенного. Просто мне было скучно, и я гадала, как тебя зовут. Но увы, оказалось, что экстрасенсом мне не быть, – пожала я плечами. Олег заулыбался шире и провокационно произнес:

– Значит, думаешь обо мне, когда скучно...

Я закатила глаза и засмеялась, лихорадочно придумывая достойный ответ, но мужчина избавил меня от необходимости отвечать.

– И какие были варианты?

– Их было всего два. Ну, первый вам... тебе известен, – хихикнула я, подразумевая то, как я обласкала его во время первой встречи. Искоса посмотрела на Олега, ожидая с волнением реакции. Я знала, что иду по тонкому льду, но старалась не перегнуть палку. Мужчина, прищурившись, обжег меня строгим взглядом, сообразив, видимо, что я имела в виду.

– А второй? – как бы нехотя, с ленцой, задал он вопрос. Но это больше походило на то, как хищник подкрадывается к жертве. Главное – отвлекающий маневр – сногшибательная улыбка-ухмылка, от которой у меня тут же участился пульс, а в горле пересохло. Я сделала вид, что задумалась. Немного пришла в себя, а после тоже, как бы нехотя, ответила, поигрывая прядкой волос:

– Я остановилась на Александре.

– До экстрасенса далековато, но потенциал все же имеет-

ся. Если тебя утешит, то я Александрович, – признался он, сдержанно улыбнувшись.

Интересно, это он мне сейчас намекнул, чтобы я его по отчеству звала? Учитывая обстоятельства, это довольно смешно, и я рассмеялась, представляя, как постановяваю «Олег Александрович», если до этого дойдет. Олег удивленно покосился, я же захохотала еще сильнее.

Ну знаете, бывает беспричинный приступ смеха: посмотришь на человека и начинаешь хохотать до слез и икоты. Наверное, еще алкоголь баламутил мой организм. Смеялась я долго, пока нас не остановила ДПС.

Олег словно нарочно притормозил очень далеко от грузного полицейского, и теперь с удовольствием наблюдал в боковое зеркало, как тот бежит к нам, выставив вперед огромный живот, похожий на шар. «А ведь он моральный садист» – пронеслось у меня в голове, при взгляде на глумливую ухмылку Олега.

– Мы что-то нарушили? – осторожно спросила я.

– Сейчас расскажут, – подмигнул он мне. Я была удивлена таким ответом, но уверенность Олега и его веселое расположение духа успокаивали. Вот только в чем подвох я узнала позже. Инспектор нетерпеливо постучал в окно, и Олег со скачающим видом опустил стекло.

– Почему пассажир не пристегнут? – без предисловий начал гаишник. Я испуганно покосилась на ремень безопасности и едва ли не хлопнула себя по лбу. Вот дура!

– Ваши документы, – грубо бросил инспектор.

– Ваше служебное удостоверение, будьте добры, – спокойно парировал Олег, даже не слушая полицейского.

– Я еще раз говорю: документы! – нетерпеливо перебил тот.

– Пока вы не предъявите удостоверение, я с вами даже разговаривать не буду. Вы приказ сто одиннадцатый читали?

– Давайте документы...

Олег даже не стал слушать дальше его речь – закрыл окно. Меня, как и инспектора, это действие ввело в ступор. Олег же откинулся в кресле и прикрыл глаза, а дпс-ник тем временем затарабанил по боковому стеклу.

Я занервничала и со страхом смотрела то на Олега, то на инспектора. Одни его погоны меня устрашали. Будь я на месте Олега, пикнуть бы не посмела, но мне и не положено. А барину-то все, видимо, можно.

– Может быть, стоит показать документы? Все равно ведь придется. Только время потеряем... – предложила я, тяжело вздохнув.

– Мы торопимся? – ответил Олег вопросом на вопрос.

– Нет.

Он открыл глаза и, улыбнувшись, тоном наставника сказал:

– «Потеря времени» тоже дает свои результаты. Можно проиграть, оставшись при этом в выигрыше. Но, даже если ничего и не поймешь с этого, то хотя бы просто из принципа можно вытрепываться – все равно терять нечего.

– Значит... – слегка подалась вперед и лукаво улыбаясь, продолжила, – ты советуешь быть принципиальной?

– Сообразительная девочка, – одобрительно ухмыльнулся Олег, но тут же добавил, – только не увлекайся.

Ответить я не успела, он повернулся и опустил стекло. Они продолжили перепалку с инспектором по поводу документов, я же сидела в шоке от самой себя.

Боже... Что со мной? Я только что это сказала? Я дразнила его? Нет, я всегда мечтала быть именно такой: раскре-

пощенной, дерзкой, соблазнительной, но никогда не думала, что смогу. Это было так странно, словно какое-то наитие. Я не играла роль. Это была действительно я. Я, которой мне никогда не хватало смелости быть. Но с этим мужчиной я сбрасывала маски, а может, наоборот – одевала? Но в любом случае мне это нравилось.

Я сосредоточилась на разговоре с инспектором. Все же Олег добился своего – гаишник показал свое удостоверение, а также сменил тон на более вежливый. Блондин же перечислял документы, которые он передает в руки инспектора.

– Все верно? – уточнил он громко. Гаишник кивнул.

– Нет, вы, пожалуйста, скажите вслух, чтобы это было отмечено на видеорегистраторе, – попросил он приторно-вежливым голосом, как просят несговорчивых детей.

Инспектор нахмурился и рявкнул:

– Все документы в наличии. А теперь пройдемте со мной

для составления протокола.

– Я с вами никуда не пойду, мне и здесь хорошо, – невозможно парировал Олег.

– Вы обязаны пройти со мной...

– Да неужели?! – сыронизировал «барин», – И по какому такому закону я обязан? Вы составляете протокол, приносите мне, я с ним ознакомливаюсь и еду дальше!

– Гражданин Гладышев Олег Александрович, прекращайте устраивать цирк! Пройдемте в машину, а после оплатите штраф.

– Я с вами никуда проходить не обязан без протокола задержания! Вы составляете его, показываете, а я уже излагаю свое виденье событий.

«Е-мое, точно барин» – хохотнула я про себя, с удоволь-

ствием наблюдая за разворачивающейся сценой.

– И, вообще, мне не совсем ясно на основании чего вы собираетесь составлять протокол? У вас где-то зафиксировано правонарушение? Или вы со слов коллег будете на меня что-то вешать? – иронично поинтересовался Олег.

Я же с любопытством наблюдала за ним, открыв рот. Нет, я была уверена, штрафа мы избежим, но думала, что Олег позвонит какому-нибудь знакомому или еще что-то в таком духе. Но чтобы вот так грамотно, со знанием законов, всяких там приказов и с абсолютной уверенностью в своей правоте, несмотря на то, что мы нарушили правила – это было красиво и восхищало. Мы еще минут десять выясняли пробелы в профессиональных знаниях инспектора, а после продолжили путь. Сошлись на том, что замученный, «схаванный на базаре», полицейский, лишь отмахнулся от нас и посчитал за лучшее не связываться – как бы на него самого «гражданин Гладышев Олег Александрович» не накатыл что-нибудь.

Как только мы тронулись, я сразу же пристегнулась от греха подальше.

– А ведь мы неправы, – улыбнулась я заговорчески.

– Серьезно?! – съязвил он, – Вы, случаем, не мисс Очевидность, сударыня?

– Просто не очень хорошо так делать, – проигнорировав его насмешку, пожурела я его.

– Понятное дело – нехорошо. Но если у тебя настолько обостренное чувство справедливости, мы можем вернуться. Составим протокол, и ты оплатишь штраф за то, что не пристегнулась. Как тебе такая идея? Просто ты сказала, что денег у тебя нет, вот я и решил помочь.

– Прекрати! – засмеялась я, качая головой.

Дурочка, какая же я дурочка! Мне с ним не тягаться.

– А в чем дело? – усмехнулся Олег и шутливо приподнял

бровь. В эту минуту он больше не казался холодным и чужим, напротив, возникло ощущение, что я знала его всегда. Так и хотелось провести ладонью по колючей щеке, коснуться большим пальцем его губ, а потом своими губами попробовать на вкус; зарыться пальцами в пепельные волосы. Интересно, какие они на ощупь? Стоп, Яночка! Несет тебя совершенно не в ту сторону.

Отвожу взгляд и вспоминаю, что собиралась спросить до того, как утонула в его невероятно голубых глазах.

– Хочешь сказать, что если бы сам нарушил правила, то без дальнейших споров согласился оплатить штраф? – спрашиваю с огромной долей сомнения.

– С чего вдруг выводы, что я вообще хочу что-то сказать? Сколько живу, столько не перестаю удивляться женской логике, – качает он головой.

– О, ну вы-то мужчины верх логичности. Сначала делаете вид, что знать не знаете, а потом думаете, что щас подкатите на своей тарантайке за несколько лямов, как вам тут же об-

ломится! – возмутилась я.

Олега затрясло в беззвучном смехе, а потом он не выдержал и захохотал в голос. Я поняла, что откровенно высказала свои претензии и смутилась. Олег же продолжал смеяться. Смех у него тоже красивый: такой глубокий, искренний, заражающий, что я не смогла сдержать ответную улыбку.

– А ведь причина опять же в женской «логике»: вас больше привлекает, когда мужчина не замечает, игнорирует и откровенно пренебрегает, – заметил он, насмеявшись.

– О, значит, это такой способ привлечь внимание? – подколола я его и понимающе улыбнулась. Хотя знала: ему мое внимание, что собаке пятая нога, но дразнить было весело. Олег хмыкнул, но не стал возражать, правда, выражение его лица говорило само за себя.

– Так ты не ответил про «штраф», – решила я замять щекотливую тему, напомнив про свой вопрос.

– Если люди глупы, ленивы и безответственны, то грех этим не воспользоваться. В конце концов, наш мир не

слишком-то отличается от животного, разве что ежедневную борьбу за «выживание» или в нашем случае материальные средства, мы скрываем за масками благопристойности и вежливости. Но суть от этого не меняется – на вершине пищевой цепи окажется самый сильный, ловкий и хитрый, – отозвался он.

– Моя мама говорит: «хочешь жить – умей вертеться», – подвела я итог его речи.

– Можно и так сказать, но это не значит, что нужно идти по головам. Не стоит уж совсем превращаться в скотину ради наживы. Другой вопрос, когда человек сам халатно относится к своей работе и думает, что ему удастся на статусе сшибать бабосы, тогда надо действовать его же методами, – Олег оборвал речь и перевел глаза на меня, а после с усмешкой поинтересовался, – ты еще не уснула?

– Нет, мне интересно.

– Ну, надо же, – хмыкнул он, а меня это взбесило. Нет, я понимаю, что он не очень-то высокого мнения обо мне, но

не обязательно это афишировать.

– Представь себе! – огрызнулась я. А после, наконец, задала интересующий меня уже давно вопрос:

– Куда едем, гражданин Гладышев Олег Александрович?

Он покосился на меня и равнодушно отозвался:

– Выбирай, куда хочешь.

Вот те на, какая щедрость! Сейчас я тебе скажу, куда хочу...

– Ну... поехали на Мальдивы, чего уж мелочиться, – подколола я его, прикусив губу и глуповато хлопая ресницами. Ситуация была двусмысленная и пошлая, прикрытая теми самыми масками благопристойности.

– А тебе палец в рот не клади, откусишь по локоть, – хотнул он.

– Я же сказала, что не люблю мелочиться – хочу все и сразу! "Москва – это большая лотерея. Здесь можно все выиграть", – процитировала я героиню Муравьевой из фильма «Москва слезам не верит» и подмигнула ему, закинув ногу на ногу, дразня. Олег ухмыльнулся, покачал головой и добавил ложку дегтя:

– Но чаще – два раза по рублю. Так куда поедем?

Я с ним была абсолютно согласна, поэтому с тяжелым вздохом призналась:

– Вообще-то, сообразительной девочке уже давно нужно быть дома в кроватке, а то строгая тетя надает по попе.

И только спустя минуту я поняла, какую ошибку совершила, заикнувшись о тете. Олег словно осекся, пристально посмотрел на меня, выискивая что-то в лице, а потом грубо

спросил:

– А тебе лет-то сколько?

– Неприличные вопросы вы задаете, Олег Александрович! – пожурила я его, пытаюсь перевести все в шутку, но мужчина так взглянул на меня исподлобья, что я стушевалась и тяжело вздохнув, призналась;

– Не волнуйся, уголовная ответственность не светит – мне восемнадцать!

– Господи, ты Боже мой! – засмеялся он.

– И что подразумевает это «Господи, ты Боже мой?» – повторила я его недавние слова.

– Подразумевает, что «сообразительной девочке» пора домой. Адрес какой?

Я нагло ухмыльнулась, хотя было обидно. Гребаный лице-

мер. Что изменилось? Я стала другой в один миг, и он уже типа не заинтересован? А может, я просто изначально все неправильно поняла? Хрен его знает.

Надо бы позвонить Лерке, сказать, что я сейчас приеду. Появляться в таком виде у тети Кати лучше не стоит.

– Пару секунд. Я узнаю адрес, – попросила я.

Олег кивнул и свернул на обочину. Когда я достала телефон и обнаружила, что села батарея, у меня вырвался истеричный смешок. Отлично. И что делать?

– Какие-то проблемы? – настороженно спросил он. Я тяжело сглотнула и, виновато улыбнувшись, потрясла телефоном.

– Сел, – прокомментировала я.

– И ты, конечно же, не помнишь номер и не знаешь адрес, где живешь, – склонив голову набок, издевательски предположил мужчина.

– Я должна была ночевать у подруги. Ну... у меня строгая тетя. А точного адреса подруги не знаю, да и объяснить вряд ли смогу – я еще плохо ориентируюсь в Москве – не местная.

– Да это я уже понял, – ухмыльнулся Олег. Шпилька попала в цель: замечание прозвучало, как оскорбление. Я закатила глаза.

Черт с ним! И зачем я вообще терплю его насмешки? Посмотрите-ка, такой умный и приличный дядя, а на молоденьких девочек-то заглядывается.

Но связываться с ним не было ни сил, ни желания. Поэтому я проигнорировала выпад.

– В Свиблово вези, – холодно отдала распоряжение, закинув телефон в сумку.

Пусть меня ждет хорошенький разнос от крестной, но еще хотя бы полчаса в столь претенциозной компании и мое эго будет уничтожено. Олег, видимо, обалдел от такого пафосного распоряжения с моей стороны. У него на лице было написано: «А ты, случаем, не охренела ли?».

Может, и охренела, но его колкие замечания и насмешки достали.

Отворачиваюсь к окну, закрываю глаза, прислонившись разгоряченным лбом к холодному стеклу. Так хорошо. Вды-

хаю глубже. Запах кожи и какой-то хвои звучит ярче, насыщеннее. Наверное, теперь этот аромат будет ассоциироваться с этой ночью: такой странной, непонятной и будоражащей.

Я мечтательница. Наивная девчонка, верящая в чудеса. Пытаюсь казаться циничной, делаю вид, что происходящее для меня обычная ситуация. А на самом деле отчаянно надеюсь, что, возможно, будет как в каком-нибудь романе: притяжение, любовь и вся фигня. Самое смешное – пусть он делает вид, что не при делах и ему вообще пофиг, но ведь мы оба знаем, чего он хочет, иначе меня бы здесь не было.

Некоторое время мы ехали в тишине. Я старалась смотреть на дорогу, хотя до зуда в каждой клеточке хотелось повернуться и что-нибудь сказать.

– Обиделась что ли? – небрежно поинтересовался Олег через некоторое время. Я чуть повернула голову и замерла, встретившись с его взглядом. Сердце екнуло, где-то в горле встал ком, но я и виду не подавала, что так бурно реагирую на этого мужчину. Вскинула вызывающе бровь и усмехнулась.

– С чего бы? Ты мне вообще до лампочки.

– Я бы на твоём месте придержал язык, а то отправишься сейчас пешком, – с ленцой парировал он.

Я обалдела. Ничего себе заявления. А ты не попутал ни-

чего, дорогой? Меня аж затрясло от злости. Считает, что будет меня поливать, а я буду молча глотать и поддакивать? Ага, харя треснет!

Зажравшийся ушлепок! А ведь в первую встречу таким интеллигентным казался.

Кажется, надо креститься, Яночка. Послать бы его сейчас на три веселых, и дело с концом, но я пасую. Меня от одного его недовольного взгляда уже пробирает. Есть в этом мужчине что-то такое неуловимое, что заставляет держать себя в руках, соблюдать субординацию. Да и просто не могу так себя повести – боюсь что-то испортить, хотя по сути нечего. Вот сволочь! Даже нагрубить ему как следует не получается!

И все же на последние его слова не могу не ответить.

– Мне совершенно без разницы, как бы ты поступил на моем месте. Я буду говорить то, что считаю нужным. И пешком в любом случае вряд ли придется добираться. Будь уверен, без сопровождения не останусь, – огрызнулась я. Он несколько минут изумленно на меня смотрел, а затем заулыбался. Только какая-то нехорошая, зловещая получилась улыбка, но я не отвела взгляд.

– О, не сомневаюсь, что не останешься, – сыронизировал Олег, красноречиво взглянув на мои ноги. Я закатила глаза,

а он продолжил. – Не забывай, сопровождающие разные падаются.

– Неужели?! – язвительно хохотнула. – Интересно, и в чем разница, если у каждого на уме только одно? – выпалила на одном дыхании, иначе бы не хватило смелости.

Гладышев сдержанно улыбнулся, но ничего не сказал. Я же не знала, что думать, пока он не разразился смехом. Это смутило меня, краска прилила к щекам. Вообще-то все должно было быть наоборот. Но либо многоуважаемый Олег Александрович какой-то непробиваемый, либо я слишком «зеленая» и ни черта не понимаю.

– Мда... – просмеявшись, подвел он какой-то неясный мне итог.

– Что? – раздраженно откликнулась, почувствовав его пристальный, изучающий взгляд, в котором затаилось что-то такое не совсем мне ясное.

– Да ничего. Смешная ты и маленькая еще, – улыбнулся он искренне. Мое сердце пропустило удар, и в то же время я почувствовала азарт.

Маленькая? Ну что ж, посмотрим, действительно ли ты

так считаешь.

– Сверни, пожалуйста, вот здесь, – попросила я, заметив поворот во двор тети Кати.

Он кивнул молча. Меня охватило волнение с нотками страха. Смогу ли я решиться на последний шаг? Хотя, с другой стороны, что мне терять?

На автомате указываю, где затормозить и осторожно бросаю взгляд на Олега. Он поворачивается, встречаясь со мной взглядом, и меня будто током прошибает. Каждый нерв натянут до предела, где-то в области диафрагмы возникает тугой узел. Как загипнотизированная смотрю на этого мужчину и не могу оторваться. Растворяюсь в его небесных глазах и забываю обо всем. Хочу ощутить его: коснуться, обнять, разобрать на детали. Нуждаюсь в нем в эту минуту, как в воздухе. Сумасшедший момент, какой-то нереальный, но я понимаю, что он, возможно, один такой единственный и хочу им воспользоваться. Не потому, что мне необходимо доказать, что я ему нравлюсь, точнее он меня хочет. Нет. Мне самой это сейчас нужно.

Его взгляд скользит по моему лицу и останавливается на губах. Я боюсь даже дышать. Поддаюсь вперед. Ближе, ближе.... И словно перехожу какую-то невидимую черту, за ко-

торой начинается то самое пресловутое личное пространство. Кровь приливает к коже, чувствую едва уловимый, горький аромат, но в тоже время такой мягкий, обволакивающий, нежно затягивающий в свои сети. С каждым сантиметром запах парфюма все ярче, насыщеннее. Приятно ласкает обоняние, наполняет ощущением уникальности, потому, что только будучи так близко, можно узнать, как пахнет этот мужчина.

Я дрожу от волнения и страха, что сейчас он оттолкнет меня. Но Олег лишь наблюдает, как я наклоняюсь к нему, приближаюсь к его плотно сжатым губам. Облокотившись на панель передач, касаюсь грудью его плеча. От этого разливается жар по всему телу, словно тягучий шоколад тает во рту, вызывая мимолетное наслаждение и неизменное – «хочу еще». Сердце тарабанит так, что кажется, будто его звук слышен не только мне, но и Олегу – отчего становится неловко. Бешеное тук-тук и шелест прерывистого дыхания – симфония возбуждения моего непокорного тела, звучащая в этой натянутой тишине громче любого крика. Ласкающая слух, вызывающая какое-то предвкушение, когда к этому примешивается глубокий вдох Олега. Его горячее дыхание обжигает мои губы. Чувствую аромат кокоса и мяты – он неуловимо оседает где-то на кончике языка и дразнит, манит. Смотрю Гладышеву в глаза. Не знаю, откуда во мне

столько смелости. Алкоголь ли это? Адреналин или безумное влечение? Мне все равно. Я хочу ощутить в полной мере вкус этого неприступного, и даже в эту минуту насмешливого, мужчины. Хотя помимо смешинок в его взгляде присутствует что-то еще неуловимое, опасное... Осторожно касаюсь его, словно выточенных из камня, четких губ, продолжая при этом смотреть в глаза. Это так чувственно и волнительно, что пульс зашкаливает. Я не понимаю происходящего, но мне нравится быть инициатором, нравится огонь возбуждения, смешанный со страхом и текущий по моим венам. Он наполняет каждую клеточку тела нетерпением. Схожу с ума от этого контакта. Поцелуем сложно назвать то, как я исследую его губы. Они такие гладкие, твердые и горячие.

– Ты вкусный, – шепчу между легкими прикосновениями. В ответ короткий смешок.

– Не могу того же сказать о тебе. Облизывать пепельницу не доставляет мне совершенно никакого удовольствия.

Я замираю. Его едкая реплика, как ушат холодной воды. Обидно до слез. Хочется провалиться сквозь землю, но это слишком предсказуемо. Да и Олег Александрович, наверня-

ка, такой реакции и добивался. Энергетический вампир. Он прям кайфует, когда стебется надо мной.

– Е-мое, какой же ты зануда! Хотя...старость – не радость, наверное, – парирую, отстраняюсь и тяжело вздыхая, а на самом деле едва сдерживая слезы.

Кошмар, такой конфуз! На Олега даже не смотрю, вообще видеть его больше не хочу, поэтому начинаю суетливо поправлять вещи и искать сумку. За несколько секунд быстро собираю волю в кулак. Не хватало еще тут расплакаться перед этим моральным чудовищем. Когда поднимаю голову, на моем лице красуется ядовитая ухмылка.

– Язва, – резюмирует Олег с улыбкой. Я лишь хмыкаю и сосредоточенно разглядываю свои ногти.

– Какой у тебя этаж? – спрашивает мужчина. Я удивленно смотрю на него.

– Хочешь проводить? – подначиваю его с усмешкой.

– Ну, сгораю от желания. Сама не поднимешься, что ли? – отвечает с едва уловимым подтекстом, хотя выражение лица скучающее.

– Я-то поднимусь, а вот ты... Двенадцатый этаж все же, лифт не работает, – наигранно заботливым голоском предостерегаю его и берусь за ручку двери, чтобы выйти. Сил моральных и физических не осталось. Выжал до нитки.

– Свет включи, как дома будешь, – кидает он вслед в своей этой грубоватой манере, как будто я мусор под его ногами. Меня бесит его тон, да и он меня бесит. Пуп, мать его, земли!

– Свет не включу – тетя спит. Если такой заботливый, скажи свой номер, я тебе чайку скину, – устало парировала я, вновь повернувшись к нему. Похоже, мы еще не закончили.

– Чайку? – переспросил он с таким выражением лица, будто я идиотка.

– Чайку. Еврейский звонок, – раздраженно пояснила. Но недоумение на его лице проявлялось с каждым моим словом все отчетливее, – Просьба перезвонить? – предложила я осторожно.

– Ааа, вон оно что... – усмехнулся Гладышев.

– Дошло. Наконец-то, – с облегчением закатила я глаза.

– Ну... старость не радость, деточка, – шутливо парировал Олег. Я вскинула бровь.

– На комплименты нарываешься? – пожурила я его. Олег так посмотрел на меня – типа оно мне надо, что я не стала развивать тему.

– Ну? Пойдешь провожать или дашь свой номер? Можешь не волноваться, названивать не собираюсь. Баланс не резиновый, – с усмешкой успокоила я, заметив на его лице тень сомнения. Все это было неприятно. Клянчу номер у мужика – ужас. Зачем он обосрался, спрашивается? Пусть уже идет лесом. А нет, вынь да положь, даже ценой гордости. Хотя я

себя успокаиваю, что всего лишь предлагаю варианты и ничего более.

Именно так, Яночка, именно так.

– Ну, записывай, – видимо, он решил не париться, если что есть черный список.

– Ручку дай и листок, телефон-то сел.

Олег цокнул и покачал головой. Я хихикнула. Дурацкая такая ситуация. Все могло быть гораздо проще, если бы я просто включила долбаный свет. Но я не хочу, чтобы тетя Катя увидела меня в таком виде, да еще каким-то образом узнала, что я приехала не на такси.

– Вляпался же! – воскликнул мой провожатый с досадой скорее сам на себя, наклонившись к бардачку в поисках ручки. И тут его рука коснулась моего бедра. Холодные пальцы обожгли мою кожу, посылая разряды по всему телу. Внизу живота оборвалось, а сердце замерло на мгновение. Олег же

сделал вид или действительно ничего не заметил.

Вы знаете, у меня совершенно нет никакого сексуального опыта, но почему-то я уверена, что даже имея я его, этот контакт все равно был бы для меня эротичнее в сотни раз. Просто осознание, какое-то понимание того, что Олег, пусть и случайно, прикоснулся ко мне, мимолетно скользнул, вызывает во мне бурю. Боже, что же со мной было, если бы он наплевал на мой возраст? Я вдруг отчетливо представила, как его рука скользит по моему бедру все выше и выше, забирается под платье и...

– Держи, – вырывает меня из моих фантазий чуть хрипловатый голос.

Я испуганно смотрю на Олега и краснею, заметив его взгляд, направленный на мои ноги, которые я чуть расставила. Сглатываю ком в горле и, натянуто улыбнувшись, тараторю;

– Отлично. Если не скину чайку, эм, смс-ку, то можешь меня спасти.

– Непременно, – отзывается, скривив губы в ироничной ухмылке.

– Ага, чао, – махнув ему, выхожу из машины. Быстрым шагом иду к подъезду, ощущая каждой клеточкой пристальный взгляд. До зуда хочется обернуться, но я сдерживаю себя.

Как я добиралась до своей комнаты лучше не рассказывать. Однозначно квартирным вором мне не стать никогда в жизни. Мало того, что в темноте я была подобна кроту, так еще, как назло, натыкалась на все, что можно и нельзя. Как еще тетя Катя не проснулась, не понимаю. Хотя, когда проходила мимо ее спальни и увидела, что она спит не одна, этот вопрос как-то отпал. Я присвистнула и пошла дальше. Не знаю, как крестная отнесется к моему появлению, учитывая, что она старалась не афишировать своего любовника, но теперь уже поздно об этом думать. Пока же я рада, что не попалась в своем боевом раскресе. Как только захожу в гостиную, сразу же ставлю телефон на зарядку. Быстренько переодеваюсь и выбегаю на лоджию. Машина Олега еще стоит.

Это открытие приятно согревает душу. Я расплываюсь в какой-то глуповатой улыбке. Если честно, я не верила, что он будет ждать, а теперь хочется танцевать от необъяснимой радости.

Подбегаю к телефону, включаю его и быстро вырубаю звук. Слава Богу, успела. Потому что тут же начинается прорва сообщений и пропущенных звонков от Лерки и мамы. Игнорирую их и строчу сообщение:

«Я дома».

Хочется еще чего-нибудь добавить, но не знаю, что.

«Рад!» – приходит лаконичный ответ.

Мое сердце колотится в ожидании хотя бы пожелания спокойной ночи, но проходит минут десять, а телефон по-прежнему молчит. Снова выхожу на лоджию и вижу, что двор опустел. Сразу как-то тоскливо и одиноко. Вдыхаю холодный

воздух, люблюсь предрассветным небом, сжимая в руке со-
товый. Надо бы позвонить Лере, но решаю это сделать после
того, как умоюсь. В ванной со мной разве что инфаркт не
случился, когда я увидела себя в зеркале – то еще зрелище.
Проститутки отдыхают в сравнении со мной. Немудрено, что
Олег Александрович не утруждал себя вежливостью. Мда...
Становится неловко и не по себе. Хочется как-то повлиять
на ситуацию, оправдаться.

Возвращаюсь в комнату, ложусь в постель. Прохладное
белье приятно ласкает уставшее тело. Уже по памяти наби-
раю номер телефона Олега и пишу еще одно сообщение:

«Ты спишь?»

В животе образуется тугой узел, пока жду ответ. Кусаю
губы, сверля дисплей телефона. С каждой минутой мне все
хуже. Зачем я написала? Ведь обещала, что не буду навя-
зываться. Но тут вибрация извещает меня об ответе. Верит-
е, нет, но после такого нетерпеливого ожидания, я не сразу
бросилась читать. Напротив, смотрю на экран и тяну время.
От этого мужчины можно ожидать чего угодно – он церемо-
ниться не будет. И хотя я себя настраивала подобным обра-

зом, но прочитав его грубое «Что хотела?», все же растерялась.

Запихав обиду поглубже, написала то, что должна была сказать с самого начала:

«Забыла поблагодарить за щедрые чаевые. Уж не знаю, за что и знать не хочу, но столько мне еще не давали. Я была впервые рада за несколько месяцев. Спасибо за это!»

Прочитав еще раз сообщение, стала колебаться, а стоит ли отправлять. Как-то слишком откровенно получается. Но мне кажется, что за один вечер было слишком много фальши — я устала от игры.

Отправляю сообщение и откладываю телефон. Ждать ответ, наверное, нет смысла. Да и что он может сказать?

Закрываю глаза, чтобы хоть немного поспать, но вновь слышу вибрацию.

Сердце гулко стучит, а руки трясутся. Черт бы побрал это дурацкое состояние! Никогда не думала, что буду так волноваться из-за какого-то сообщения.

« Тебя не поймает: то грубишь, то прямо сама вежливость. Спать ложись, а то тебя уже заносит. За чаевые не стоит благодарности – заслужила. P. S. Я бываю резок, не держи зла».

Я перечитывала это сообщение снова и снова, прижимая ладонь к губам, не в силах сдержать улыбку. Не понимаю, как это возможно, но последним предложением он поднял мое настроение до потолка. Я чувствовала радость и счастье, поэтому совершенно не думая о последствиях и не придерживаясь никаких рамок, написала:

«Ты, конечно, нозящий, но главное -ВКУСНЫЙ!»

Отправила без колебаний. Меня распирало от смеха. Ответ пришел незамедлительно:

«Спи, Чайка!»

Чайка?

Стало смешно, но прозвище мне понравилось. Подходит. Чайки ведь дерзкие птицы, хоть меня и окрестили не в их честь. Что ж, тогда и Гладышев получит свою кликуху.

Расплываюсь в довольной улыбке и отсылаю последнее сообщение:

«Спокойной ночи, Вкусный Зануда!))»

Убираю телефон под подушку, зная, что ответа больше не дождусь. С улыбкой на губах засыпаю.

Но поспать мне не удалось; не успела уснуть, как телефон начал настойчиво вибрировать. Некоторое время я его игнорировала, но после стало ясно, что это бесполезное занятие—

кто-то не успокоится, пока не отвечу.

-Я сплю!-раздраженно прошипела в динамик.

-Где и с кем, Токарева? Ты хоть знаешь, что я тут как идиотка носилась по всему клубу в поисках тебя?— орала в трубку подруга.

-Гельмс , не ори! Я дома. Все нормально.

Лерка разразилась отборным матом.

-Токарева, ты блин... Почему не позвонила-то?

-У меня труба села.

-А как ты доехала? —уже более спокойно спросила подруга.

-Олег Александрович подбросил, —отозвалась невозмутимо, хотя знала ,что сейчас начнется допрос. Наверное, проще было сказать, что на такси.

-Что за хрен?— воскликнула подруга так, что ее было слышно на всю комнату.

-Да тише ты. Никакой он не «хрен»!-шикнула я на нее.

-А что разбудить боишься?— подколола Лерка.

-Дура. Я дома, -засмеялась я.

-Да этот твой Олег Александрович милый парень и просто душка; вызвался спасти юную деву из чертога разврата и греха.

Я захохотала, уткнувшись в подушку.

-Гельмс, заткнись! Я сейчас тетю Катю разбужу. И он не «милый» и уж тем более не «парень». –пробубнила я, все еще смеясь.

-Подожди, так это тот блондин что ли?

-Ну.

-Капец! Вот где в жизни справедливость?!– возмутилась Лерка.

-В смысле?– не поняла я ее претензий.

-А в том смысле, что не успела еще Москву даже толком узнать, а уже отхватила себе красавчика на Кайене.

-Вообще –то на Рендж Ровере. –подлила я масла в огонь, едва сдерживая смех над причитаниями Лерки.

-Тем более! –взорвалась она и продолжила с еще большим энтузиазмом. – И вот так всегда: понаедут тут, растащат всех приличных мужиков, а нам потом шиш с маслом. Гнать вас надо в шею обратно в ваши колхозы; коровам хвосты крутить.

-Пошла ты, москвичка хренова! Я коров –то пару раз в своей жизни видела. И вообще ты там по своему студенту умирала, вот и умирай, а мужиков на Кайене оставь нам – колхозница, -огрызнулась я.

Тоже мне , блин, столичная фифа!

– У меня только один вопрос. В чем ваш секрет? –просмеявшись, спросила Лерка.

-Ага, так я тебе и сказала, конкуренток без тебя хватает, знаешь ли. Лови в своем прудике рыбок, а я в своем, – тактично послала ее и засмеялась, при этом задумалась над вопросом и стало горько.

Нет никакого секрета. Только будучи шалашовкой, которая не заморачивается ни приличиями, ни моралью, можно подцепить «мужика на Кайене». Ну, а как иначе? Думаете, интересуется какого-то толстосума ваша душевная организация? Ага, как же! Для разговоров и серьезных отношений у него полно баб из своего круга. Как в той же Москве, которая слезам не верит ; «...Здесь живут дипломаты, художники, артисты, поэты и практически все они мужчины. Пони-маешь?

-Нет.

— А мы — женщины.

-А...Ну, а мы-то им зачем нужны? У них свои женщины есть.

-А мы не хуже ихних.»

Не хуже-верно, может, даже лучше некоторых. Но, тем не менее, привлечь внимание можем только доступностью, а там уж как получится. Я вот, дура, верю, что получится что-то хорошее.

-Ян, ты вообще меня слушаешь? –возмутилась Лерка, я оторвалась от своих мыслей.

-Да спать хочу. –выкрутилась.

-Ну, ладно, спи. Я на этой недели достану студень, позво-
ню. Ты не теряйся.

-Окей.

-Сладких снов о Саныче, –хохотнула Гельмс, я улыбну-
лась.

-Спасибо, тебе тоже о твоём студентике.

-О, я потом не усну. Видела бы ты его, забыла бы даже о
«Кайене».

-Я о нём и не думаю, – раздраженно отозвалась. Нет, ко-

нечно, мне социальный статус Гладышева импонировал.... Ну, ладно, **ОЧЕНЬ** импонировал и занимал не последнее место в списке его достоинств, но он не был первопричиной, хотя ... хрен его знает. Если начать разбираться и приводить доводы и факты, то можно к какому угодно выводу причалить.

-Да ладно не кипятись, знаю я, что ты у нас почти Божий одуван, -попыталась пошутить Лерка.

-Все, я спать. –устало ответила я.

-Спи.

Отключив телефон, чтобы больше никто не выносил мне мозг с утра пораньше, уснула.

Проснулась я далеко за полдень. Дома никого не оказалось, чему я несказанно рада. После бурной ночи состояние у меня было не фонтан, но кружка кофе и бодрящий душ творят чудеса. Через час я уже, как огурчик. Первым делом позвонила маме, мы немного поболтали. За месяц я так и не

привыкла врать, но все же делала это более уверенно, чем раньше, только вот осадок все равно был гадкий. После, нашла в контактах «Вкусный Зануда» и засмеялась; на трезвую голову без смеха это не воспринимается. Я ему еще об этом сказала? Кошмар! Но похоже его это не слишком шокировало, так что можно не париться.

Под влиянием эмоций быстренько настрочила:

«Привет Вкусный Зануда! Ты уже проснулся? Отлично-го тебе дня и настроения. Не будь резок, и чаще улыбайся. Во-первых, это полезно, а в твоём возрасте пора заботиться о здоровье.))) Ну, и во-вторых, у тебя красивая улыбка.»

Отправив сообщение, решила заняться домашними делами; уборкой, стиркой и готовкой. Суэта хоть как-то отвлекала меня от волнительного ожидания ответа, которого так и не последовало. К вечеру приехала тетя Катя. Мы с ней поужинали, поделились новостями, позвонили маме по скайпу, посмотрели фильм и легли спать. Каждая из нас ни слова не сказала о прошедшей ночи. Я не посмела заикнуться о любовнице крестной, а она не стала акцентировать внимание на моем неожиданном появлении под утро. Меня это устраивало, ее наверное, тоже.

Сон не шел ко мне, я все время думала об Олеге. Вспо-

минала нашу с ним перепалку, его лицо, как оно меняется в зависимости от ситуации, каждое слово, улыбку и взгляд. В моей голове прокручивались варианты того или иного разговора; что следовало сказать, а что нет, как сказать и когда. Я разыгрывала сценарии нашей поездки. Представляла реальность, в которой Олег относится ко мне ни как к глупой, дерзкой девчонке – покровительственно и снисходительно, а как к равной, как к интересной ему, симпатичной девушке. Мечты, мечты...

Взглянув с тоской на молчащий телефон, закрыла глаза и решила выкинуть из головы мысли о Гладышеве. Все ясно, как божий день, так что не стоит питать иллюзии. Но сказать легче, чем сделать. Уснула я не сразу, продолжая думать об Олеге; где он, с кем, что делает, вспоминает ли обо мне или уже забыл? Что подумал про мою последнюю смс? Странное чувство, не дающее покоя. Хочется что-то сделать, чтобы ослабить напряжение, сковавшее душу, но не получается. Кручусь, верчусь в постели, изматываю себя, а потом добиваю, включив сопливые песни.

Я понимаю, что это глупо, я его совсем не знаю и видела

два раза, и со мной он не особо любезен, но этот мужчина, как заноза впился в мои мысли и нарывает. Не могу отделаться от противного ощущения где-то в области диафрагмы, как будто кто-то сжал что-то в моей груди и не выпускает. Полночи я не могла уснуть, а потом все же усталость взяла свое.

Утро естественно было сумасшедшее ; не выспавшаяся, проспавшая на десять минут, что существенно, собираюсь впопыхах, не успевая ни зарядку сделать, ни накраситься, ни покушать. Пока одеваюсь, вдруг обнаруживаю, что золотого браслета, который подарила мне мама и бабушка на пятинадцатилетие, нет. Лихорадочно ищу его везде и всюду, перетряхивая все вещи и сумки. У меня начинается паника. Эта тоненькая цепочка была дорога моему сердцу, поэтому, когда я переворачиваю все верх дном и не обнаруживаю ее, паника перерастает в истерику. Смотрю на бардак, который развела, вспоминаю, как бабушка с мамой подарили мне подарок и слезы наворачиваются на глаза. Конечно, недорогой браслетик с подвеской для кого –то сущий пустяк, из-за которого не стоит убиваться, но для меня это, прежде всего, память, мой талисманчик. Когда находишься вдали от дома среди абсолютно чужих людей, ценишь такие мелочи.

Погода тоже не радует; небо заволокло грозowymi тучами, пронизывающий, холодный ветер пробирает до костей. Дрожь и ежась, бегу на работу в расстроенных чувствах, пытаюсь по дороге вспомнить, где могла потерять браслет и к концу пути меня озаряет. Потеряла я его у Олега в машине, потому что когда облокотилась, чтобы поцеловать его, браслет еще был на мне, я его тогда поправила. Эти соображения ободряют, и настроение стремительно ползет вверх. На радостях достаю телефон, чтобы уже окончательно решить вопрос, а то неизвестность с ума сводит, но как только открываю контакты, пыл мой угасает. Как-то неловко писать, учитывая, что мне так и не ответили. Оставшийся путь до Де Марко я погружена в сомнения; написать или нет. Решаю написать, все же это важно для меня, хотя до тошноты боюсь.

Следующие десять минут были ужасны; я набирала текст и тут же стирала, считая написанное то слишком милым, то слишком сухим, то глупым и так до бесконечности. Пальцы дрожали, меня подташнивало, волнение зашкаливало. Боже, что со мной творится? Как на экзамене, ей – богу. Хотя Олег Александрович похлеще экзамена будет. Наверное, я бы так до ночи металась, но время поджимает, надо работать.

Быстро пишу очередное сообщение и перечитываю;

« Доброе утро, Олег Александрович! Спокойно— спокойно... Пардон, но я потеряла где-то у тебя в машине браслет. Он мне очень дорог, поэтому если найдешь, я буду счастлива и обещаю, больше не стану доставать. Отличного денька, не сердись.»

Вроде бы нормально. Опять начинаю сомневаться, но потом махнув на это дело, отсылаю смс и бегу к кафе. Получить штраф мне совсем не хочется, особенно сегодня, когда мои нервы на пределе. Пока переодеваюсь, постоянно посматриваю на телефон, надеясь, что получу сейчас же ответ, не хочется весь день провести на иголках, думая об этом, но увы—меня ждет очередное разочарование. Черт бы подрал этого зануду!

Гладышев, ну, почему ты такой нозящий тип?! Хотя конечно, еще рано и возможно он спит, но все равно бесит его молчание. Мог бы вчера что-то написать, хотя бы послать меня, если я его напугаю. Нет же, молчит!

Ненавижу неопределенность —хуже быть ничего не может.

Раздраженная выхожу в зал, чтобы приняться за работу и попадаю с корабля на бал. Змеища сообщает, что сегодня мне придется взять столики Ксю, так как у нее вновь какие-то проблемы. Утешает перспектива хороших чаевых и полная загруженность, которая отвлечет меня от ненужных мыслей и нетерпения. Полдня действительно пролетают, как сон, у меня постепенно поднимается настроение, хотя все равно в свободную минутку только и думаю –ответил, нет.

К трем часам появилось время пообедать, радости моей не было предела. Наконец-то есть возможность проверить телефон. Лечу со второго этажа и тут вижу Олега, входящего в ресторан. Сердце замирает, я сбавляю скорость и не знаю, куда себя деть. Гладышев в своем неизменном образе делового мужчины; костюм, пальто, болтовня по телефону.

Смотрю на него и не дышу. Впитываю каждую черточку и чувствую, как радость наполняет сердце, и все остальное в эту минуту кажется таким незначительным.

Олег проходит мимо, даже не замечает меня, увлеченный беседой. Но это как-то не особо важно и не задевает, я просто

смотрю на него и мне достаточно.

Жестом показываю Стасу, что сама обслужу клиента, забираю майкрос и втянув побольше воздуха, пытаюсь хоть немного успокоиться, решительно иду к столику номер два.

Олег закончил разговор и нетерпеливо постукивает пальцами по столу. Взгляд лениво скользит по залу, пока не замечает меня. Я его на физическом уровне почувствовала, словно попала в сильные объятия. Иду и мурашки бегут по коже. На моих губах расцветает улыбка и ее не омрачает даже какое-то мрачное выражение Гладышевского лица. Он хмурится, а мне хочется подойти и уже по-настоящему поцеловать его, разгладить эту складку между бровей, придающую его лицу строгость и жесткость.

-Привет! Как дела?— выдаю на одном дыхании, стараясь, чтобы голос не дрожал, пока достаю майкрос.

-Как обычно, -холодно отвечает он, сверля меня тяжелым взглядом потемневших глаз. Мне становится не по себе, но

я сохраняю улыбку и так же бодро, как ни в чем не бывало, уточняю:

-Как это -« как обычно»?

-Как я всегда заказываю, –грубо парирует Олег, отчего я растерялась. А он добивает, раздраженно добавляя,– не первый день работаешь, пора бы уже и выучить предпочтения постоянных клиентов.

Застываю истуканом, а непонятная боль выстрелом пробивает грудь, обжигает глаза слезами обиды и унижения. Сглатываю тяжело и не могу отвести взгляд от него такого невыносимо красивого и жестокого. Щелкаю по небу языком, а в виске пульсирует : « Не смей плакать, не смей! Только не при нем.» Смотрю на него пристально, пытаюсь найти хоть каплю сожаления, но натываюсь на стену равнодушия.

-Долго собираешься так стоять? Не трать мое время, иначе чаевых не получишь, –контрольный выстрел без тени сомнения и жалости.

Что я тебе сделала? Зачем так грубо? –спрашиваю его взглядом, но он лишь приподнимает бровь, как бы поторапливая меня, всем своим видом показывая, что его терпению приходит конец.

Соберись, Токарева, соберись, ты просто официантка, а он просто клиент. Тебе каждый день грубят. Соберись!

Прикусываю дрожащую губу, пытаюсь совладать с собой и охрипшим от поступающих слез голосом шепчу;

-Хорошо, ваш заказ будет готов в течение получаса.

Резко разворачиваюсь, и иду, словно сомнамбула, уставившись в одну точку на противоположной стене. Все плывет, как в тумане. Руки дрожат, в глазах печет, как будто песок разъедает их.

Да, Олег Александрович– вы мастер ставить людей на место, только стоило ли так жестко? И кого-глупую девчонку?

Делаю все на автомате. А вообще хочется скрыться в подсобке и не выходить, пока ресторан не опустеет. Мне кажется, что каждый присутствующий был свидетелем моего унижения. Но смалодушничать не могу себе позволить; во-первых, не стоит смешивать работу и личное, а во-вторых, показывать, что меня задело. Я просто официантка, он просто клиент, а тот вечер – небольшое приключение, мимолетное помутнение рассудка, которое нужно забыть.

Несу поднос с его заказом и как мантру повторяю про себя ; «Мне все равно, абсолютно, совершенно пофиг!»

Подхожу, Олег разговаривает по телефону, что меня радует. Посматриваю на него, хотя это какая-то пытка. Его смех бесит. Понимание, что ему плевать, а я едва сдерживаю слезы, сильно бьет по самолюбию. Мне до слез обидно, но я продолжаю раскладывать приборы перед ним, я же сильная девочка. Сильная девочка, у которой болит душа.

-Что-то еще?-задаю дежурный вопрос ничего не выражающим голосом.

-Да, -закрыв динамик телефона, отвечает он мне.

Я вопросительно приподнимаю бровь, в ожидание пояснений и они тут же последовали.

-Не пиши мне больше ни просто так , ни под заезженными предложениями. Тот вечер-недоразумение, не стоит придавать ему какое-либо значение, – его слова были подобны отрезвляющей пощечине, такие покровительственные, что мне стало невыносимо мерзко.

Гнев и злость затопили, прежде всего, на саму себя. Дура, что ты молчишь? Тебя унижают, а ты словно язык проглотила! Соберись и пошли этого урода на хрен с его «недоразумением» и «предложениями».

Напяливаю на лицо свою любимую маску «отвязной девки» и с усмешкой парирую;

-Остыньте, Олег Александрович, не наивная чукотская леди, так что никаких особых значений и предлогов. По-моему, это ты чего-то там навертел из-за одной смс-ки. Поду-

маешь, пожелала хорошего дня, что в этом особенного? А браслет я действительно потеряла, и если найдешь, верни, будь добр. Надеюсь, все, а то мне работать надо?

-Счет принеси,— невозмутимо отдает он распоряжение, как будто я ничего до этого ему не сказала. Сжимаю челюсти крепче. Терпи, Янка, терпи! Обслуживающий персонал все стерпит, верно?.

Киваю ему и ухожу. Спускаюсь на кассу, прошу у кассира счет, а Стаса отнести его. Видеть равнодушную рожу Гладышева больше не могу.

Иду в подсобку. Прислоняюсь к приоткрытой двери черного входа и чувствую осеннюю прохладу. Вдыхаю, но не получаю кислород, боль унижения сковывает, держит в своих тисках и не дает дышать. Так плохо, что хочется просто исчезнуть, убежать от сюда далеко-далеко, домой, к маме, которая убережет меня от ошибок и «недоразумений». Пытаюсь отвлечься, но не получается. Правильно кто-то сказал; «Можно закрыть глаза на то, что видишь. Но нельзя закрыть сердце на то, что чувствуешь.» А я чувствую сильнейшую обиду, вкупе со злостью. В голове только единственный вопрос; «Почему?». Почему он повел себя, как мудака? Не по-

нимаю, а впрочем, и не хочу понимать, пусть катится ко всем чертям!

Я хорохорюсь, а у самой слезы текут по щекам, и я не пытаюсь их остановить, напротив, еще больше травлю душу воспоминаниями. Прокручиваю в голове каждое уничижительное слово, взгляд и жест. Да и вообще свое положение. Наверное, я мазохистка.

Не знаю, сколько так стояла и жалела себя, но вышла покурить наш повар по горячим блюдам, и я взяла себя в руки, хотя это было не легко. Но я нашла способ-попросила сигаретку и потихонечку глотая дым, привела свои нервы в порядок. На душе было погано, и с каждой затяжкой ноющее чувство разрасталось. Слез больше не было, только разочарование и апатия. Докурив сигарету, принялась еще за одну. Надя, посмотрела на меня обеспокоенно.

– Что-то случилось, Ян?-спросила осторожно.

Я усмехнулась, затянулась так, что дыхание перехватило и слезы навернулись на глаза. А потом охрипшим голосом прошептала, медленно выпуская дым;

-Да нет... просто «недоразумение».

-А, ну, не переживай, наладится. Как говорится, всё всегда заканчивается хорошо. Если все закончилось плохо, значит, это еще не конец, так что не хандри, –похлопала она меня по плечу. Я невесело хмыкнула и кивнула.

Нет, уж это конец, хотя какой «конец», учитывая, если не было начала?!

-Янка, я тебя обыскался, ты че здесь застряла?– раздался за спиной голос Стаса. Закатываю глаза и делаю последнюю затяжку. Пора на каторгу.

-Куришь?-вскинул он ошарашенно бровь, остановившись напротив меня.

-А что? Ты тоже не любитель «пепельниц»?-поинтересовалась иронично, выбрасывая сигарету.

-В смысле?-нахмурился он, глядя на меня непонимающе.

-Забей, -отмахнулась я с тяжелым вздохом. Не хватало еще на Стасе срываться. –Пойдем пахать,-улыбнулась краешком губ, подхватив его под руку. Стас посмотрел на меня пристально, хотел что-то сказать, но потом передумал и, улыбнувшись тоже невесело, согласился;

-Пойдем.

-Как насчет выходных, все в силе? Развеем скуку и ... грусть?-как бы между прочим поинтересовался он, когда мы вышли в зал.

Мне стало смешно. Стас просто гуру подходящих моментов, но тем не менее, будучи в подавленном состоянии, я решила, что мне действительно нужно развеяться, поэтому согласилась.

-Ну, давай, развеем. Москву мне покажешь, а то уже третий месяц здесь живу, а нигде толком не была.

-Отлично. Тогда оставляй среду свободной. –подмигнул он мне и занялся работой. Я последовала его примеру. Оставшиеся полдня прошли на автопилоте. Я отключила

эмоции и просто механически выполняла свою работу, стараясь не смотреть в сторону второго столика— мою Голгофу. Когда рабочий день подошел к концу, Стас, как обычно, вызвался меня провожать, я не возражала. Мне необходима была компания, чтобы не погрязнуть в дурацких мыслях и рассуждениях о превратностях судьбы.

Стасик всячески старался поднять мне настроение и ему это удалось, я смеялась до слез, слушая его байки. Вообще он милый, остроумный парень, если откинуть предвзятость, с которой я к нему относилась все эти месяцы. Не то, чтобы я вдруг решила утешиться или реанимироваться свою гордость за счет Стаса, просто перестала заморачиваться.

По дороге купила себе пачку сигарет, зная, что дома буду грузиться. Глупо, конечно, в моем возрасте приобретать подобные привычки, это больше подростковая тема, но меня пускание дыма успокаивает.

Стас не стал комментировать мои действия. И правильно. Я бы и сама себе не объяснила, отчего так обидно; уязвленное ли самолюбие или что-то еще ?

Вечер прошел, как обычно, а ночь мучительно; я не могла уснуть, прокручивала раз за разом прошедший день. Курила украдкой, смотрела на звезды, слушала сопливые песни. В страданиях есть особая прелесть.

Последующие дни до среды были похожи на нудное кино. Я пребывала в амебном состоянии и подавленных чувствах. Олег за эти четыре дня ни разу не появился в ресторане. А я ждала и даже скучала. Вот не дура ли? Все время думала о нем. Прямо какая-то напасть. Открывала, порой, контакты в телефоне, сверлила взглядом «Вкусный Зануда», думала, что надо бы удалить, но почему-то не могла. За эти дни пришла к выводу, что не стоит раскрываться людям, даже на секунду ; ни в едином жесте, взгляде и слове. Никакой искренности, никаких порывов души. Дистанция и маска. Так спокойней. Если бы я не написала ему ту смс, не было бы так унижительно и больно. Наверное...

Единственная хорошая новость за эти дни ; Лерка достала пропуск и теперь я могу тренироваться в зале при институте, поэтому пришлось отказаться от полного рабочего дня, но я даже рада, поперек горла стоит Де Марко. Да и тренировки важнее.

Среда наконец-то наступила. Надо признать, что я ее ждала. Надоела работа, действительно хотелось хоть немного развеяться.

На сборы у меня ушло немного времени. Оделась я просто; черные шорты, колготы цвета мокрый асфальт, серый джемпер и косуха, из обуви тяжелые армейские ботинки-отголосок подростковых заскоков; в десятом классе у меня был период милитари. Макияж неброский; просто выровняла цвет лица, подкрасила ресницы тушью и губы прозрачным блеском. С прической решила не париться, распустила волосы, давно я их не отправляла в свободный полет. Достали эти шишки, да хвосты.

Тетя Катя одобрила мой образ, и с ее благословения я отправилась на встречу с «Леркой». Да, я опять солгала, но иначе предстоял долгий разговор, а мне только этого не хватало.

Было, конечно, неловко от вранья, но когда я обнаружила Стаса на байке, мысли об этом улетучились.

-О, боже. Мы что на этом поедем? –со смехом поинтере-

совалась я, подходя ближе.

-Привет. Ну, да. Ты очень кстати нарядилась, прям, как чувствовала. Отлично смотришься, – ответил он с улыбкой, оглядывая меня с головы до ног, я ответила ему тем же, и едва не покатилась, вспомнив подходящую к его образу песню: « У него очки Ray-Ban, и штаны заужены. Он забавный уеб*н, в голову контуженный...»

На самом деле, Стасон выглядел отлично, эдакий Марио Касас из «Три метра над уровнем неба», но я уже смотреть на него без смеха не могла. К счастью перспектива сесть на мотоцикл отвлекала. Я немного побаивалась, о чем и сообщила Стасу, когда он протянул мне шлем.

-Если честно, страшно. Я первый раз на мотоцикле поеду. Это твой?

-Нет, друга. Не ссы, с нашими пробками особо не разгонишься. Ты главное– не думай о том, сколько и чего можно переломать, если свалишься, –подмигнул он. Я засмеялась.

-Мда, утешил, –прокомментировала, садясь позади него

и вцепившись мертвой хваткой, когда мы сорвались с места и помчались, по моему мнению, с бешеной скоростью.

У меня сердце чуть от ужаса не разорвалось. Как я еще не заорала, не ясно. От страха только и смогла, что зажмурить глаза и, прижавшись щекой к спине Стаса, не дышать. Он же смеялся надо мной.

В какой-то момент напряжение немного спало, я открыла глаза и действительно начала получать удовольствие. Холодный ветер ласкал мое лицо. Город, как калейдоскоп картинок мелькал у меня перед глазами. Убойная доза адреналина разнеслась по крови, вызывая эйфорию. Мне хотелось смеяться и кричать от этих улетный ощущений. Уже даже экскурсия потеряла свое значение, хотелось только колесить по городу и наслаждаться ветром, скоростью и столичными видами. Но Стасик не позволил мне отвертеться от знакомства с Царицыно, где мы провели чуть ли не весь день, бродя по заповеднику, увлеченные болтовнёй. А когда проголодались, Стас предложил пообедать в «Double B» в Останкино, мы как раз собрались посетить Останкинскую башню, посмотреть с нее на вечерний город.

Настроение у меня было чудесным, со Стасом не приходилось скучать: он постоянно шутил, смешил меня разными историями из жизни, так что свидание, можно сказать, удалось.

В кофейню мы в буквальном смысле ввалились, загибаясь от смеха. Я опиралась на Стаса, задыхаясь и вытирая слезы. Все посетители смотрели на нас, но я ничего не замечала вокруг, мне было слишком весело.

-Что будешь?– спросил Стас, когда мы сели за столик. Я втянула аромат кофе, которым была пропитана кофейня, и блаженно закрыв глаза, ответила;

-Гляссе и ... тирамиссу.

Захотелось вдруг попробовать, что за зверь этот десерт. Внутри вновь неприятно кольнуло, но я отмахнулась от ощущения.

-Тебя еще не тошнит от кофе?

-Нет, его запах –это единственная приятная вещь в нашей работе, – усмехнулась я, Стас понимающе улыбнулся. Подошел официант, мы сделали заказ, а потом я заметила, что мой коллега смотрит как-то настороженно в другой конец зала.

-Ты чего? –спросила, ткнув его в бок.

-Да просто вон там один из наших постоянных. Так странно на нас посмотрел. Мне даже не по себе стало, –отозвался Стас таким голосом, как будто рассказывал какой-то ужастик на ночь, а потом для наглядности поежился.

Я вновь засмеялся только громче, чем обычно. Пульс же участился. Меня кинуло в жар, а диафрагму свело. Я словно кожей почувствовала пристальный взгляд. Казалось, что он проникает под одежду и видит насквозь.

Не выдерживаю и осторожно поворачиваюсь. Смотрю в голубые глаза: взгляд ленивый, оценивающий. Сердце ухает с огромной высоты, становится душно. Не знаю, как мне хватает сил сохранять безразличие на лице, когда хочется сразу же отвернуться и уйти отсюда, но я заставляю себя держать удар: не отвожу взгляд, нагло осматриваю Гладышева с усмешкой на губах, а потом встретившись с ним глазами, приподнимаю бровь, как бы спрашивая ; « Какого черта уставился? ».

Он подносит к губам чашку с кофе, и едва заметно усмехнувшись, медленно делает глоток. К нему обращаются с каким-то вопросом его спутники, он лишь кивает, а затем начинает в наглую раздевать меня глазами, от чего я дрожу. А он, словно знает об этом, вальяжно откидывается на спинку

дивана и вновь делает глоток, насмешливо мне подмигнув.

Этот жест отдается жаром во всем теле. Я раздраженно отворачиваюсь.

Что за игры, мать его? Сначала посылает, а теперь сидит забавляется. Ну, нет, я не позволю ему испортить такой замечательный день. Хотя надо признать, мне нравится данная ситуация. Она вызывает какое-то извращенное удовольствие. Хочется показать, что чихать я хотела на этого напыщенного придурка.

И именно это демонстрирую, напропалую флиртуя со Стасом, хотя понимаю, что это нечестно по отношению к нему, но не могу остановиться, чувствуя взгляд Гладышева. Все кажется каким-то сном, который пролетает с сумасшедшей скоростью, отчего я не успеваю ничего обдумать. Каждое слово, взгляд и действие на эмоциях и порывах. Где-то там говорю себе, что надо остановиться, просто успокоится, но не получается. Игра в веселую, раскованную кокетку Яну продолжается, пока не раздается сигнал телефона, извещающий о новом сообщении. Достая сотовый и забываю, как дышать, увидев от кого смс.

Руки дрожат, когда открываю сообщение, а потом у меня разве что челюсть на стол не упала от очередного распоряжения:

«Заканчивай быстрее и выходи на парковку, поищешь свой браслет.»

Я несколько раз перечитывала, не в силах поверить. Меня затрясло от злости. Да что он там о себе возомнил?! С чего вообще взял, что щелкнет пальцами, и я как комнатная собачка за ним последую, виляя хвостиком?!

Резко обворачиваюсь, чтобы... не знаю, что сделать. Впрочем, у меня на лице написано все, что я думаю о нем и его предложениях, но Гладышев и его компания о чем-то весело переговариваясь, идут к выходу из кофейни.

-Все нормально? –спрашивает Стас, когда я чертыхнувшись, поворачиваюсь к нему.

-Да, -киваю и допиваю залпом оставшийся кофе. Внутри кипит от гнева. Хочется высказать все в лицо этой скотине. Хватаюсь за телефон, но тут же откладываю. Не дождется! Сам же сказал, чтобы я ему больше не писала. Пусть торчит

там— на парковке и ждет у моря погоды. Ему полезно.

Решаю, что проигнорирую эту мерзкую выходку. Хотя стыдно признаться, но меня рвало на части. Мы пошли на экскурсию, а я думала, что возможно упускаю свой шанс, но, слава богу, тут же одернула себя. Какой шанс, Яна? Очнись!

Да, мне безумно, до ломоты хотелось все бросить и бежать на эту долбанную парковку, и возможно, я бы так и сделала, если бы этот мужчина не относился ко мне, как к половой тряпке. Ему ведь даже наплевать, что возможно я с другом или братом, и что мне важна эта встреча. Разве девушке, которую уважают, бросают, словно собаке кость, предложение махнуть?

Вновь горько, будто проглотила огромную порцию дерьма.

Смотрю на вечернюю Москву, на миллионы огней, все расплывается от слез. Очередное сообщение лишь подливает масло в огонь.

«Долго тебя ждать? Я, кстати, нашел твой браслет. Иди, забирай.»

Ну, надо же, потрудился. В задницу себе его засунь!

Гнев накрывает с головой. Я настолько зла, что даже новость о браслете не вызывает никакой радости и желания забирать его тоже нет, поскольку придется контактировать с этим ублюдком.

Нет уж, спасибо! С потерей цепочки я уже смирилась, а вот себя терять не хочу.

Поэтому отключаю телефон и убираю в карман. Через полчаса, прошу Стаса отвезти меня домой, Гладышев наверняка уехал, так что можно уже выйти отсюда. Хватит на сегодня впечатлений. Но каково же было мое удивление, когда на парковке я заметила машину Олега. На меня аж ступор напал, однако, я быстро пришла в себя и решила, что самое время спустить этого придурка с небес на землю.

Поэтому, не обращая внимания на раздавшийся за спиной раздраженный, как мне кажется, гудок клаксона, спешу следом за Стасом к мотоциклу.

— Это тебе? — удивленно спрашивает Стасик, оглядываясь и видя, что кроме нас на парковке никого.

—Вряд ли, —невозмутимо парирую я, застегивая шлем и садясь на мотоцикл. —Ну, поехали. —поторапливаю его. Меня трясет от волнения. Боже, что я творю? Подобные игры с такими, как Гладышев наверняка опасны. Мне этот номер просто так не пройдет, в этом я почему-то уверена.

Хотя какая, к черту, разница?! Как он ко мне, так и я к нему!

Поэтому, когда проезжаем мимо его машины, завожу руку за спину и показываю «fuck» -выкуси, козел!

ГЛАВА 7

«Покой, камин, книги, тишина... Прежде в этом видели одно мещанство. Теперь это мечты о потерянном рае».

Именно так. Стоит еще красным обозначить «потерянном». Всего неделю назад я бы в это время спокойненько посиживал в любимом кресле, читал что-нибудь, попивая чаек. Отвлекался от суеты и сумасшедшего ритма жизни. Сейчас же вместо этого долгожданного и такого редкого отдыха, я торчу на парковке и охреневаю, уставившись в одну точку.

Елы-палы! Когда-то, лет двадцать назад, такие выходы девок казались нормой, но сейчас... Куда я вообще лезу?! Совсем ведь еще соплюха.

Соплюха, которая только что послала меня и укатила с каким-то расфуфыренным щеглом. Такого поворота событий я не ожидал. Впрочем, с этой девчонкой жизнь стала полна сюрпризов, что мне совсем не нравится. В тридцать семь хочется покоя, а не лихачества, пусть даже и мимолетного. Да и женщину – рассудительную и понимающую, а не девчонку, у которой в голове черт ногу сломит. Но именно этим она и цепляет: своей бесшабашностью, легкомыслием, порывистостью. Я уже и забыл значение этих слов, забыл, как это: сделать прежде, чем подумать. А у нее все на эмоциях, под влиянием момента, не думая о последствиях. Но их не избежать. Мне ли не знать? Но я, дурак, в омут с головой, хотя

понимаю, что добром это не кончится.

Вот сейчас, именно в этот момент, мне предоставляется последний шанс уйти, вырваться из урагана бешеных эмоций и буйной игры чувств, распаленных во мне Чайкой. Но не нахожу в себе сил противостоять дикому влечению и гневу.

Проклятье! Как же хочется засунуть ей ее «fuck» по самое не хочу. Идиотка! Это же надо такое выкинуть. Прокручиваю раз за разом, вспоминаю ее нахальное выражение лица и не могу сдержать смех. Вот ведь сука, но до чего же сексапильная, с ума сводящая сука!

Мои аплодисменты, девочка, ты меня уела.

Без понятия, почему меня это так впечатлило, ведь все это мной уже пройдено, пережито и известно на сто шагов вперед, но чувство, как первый раз.

Говорю себе: остынь, успокойся и поезжай домой. Эти игры уже не для тебя. Ну смешно же! А сам завожу машину и, едва сдерживаясь, чтобы не превысить скорость, потихонечку еду в Свиблово. Зачем? Ответ будет из разряда необъяснимо, но факт. Объяснить-то я, конечно, могу, но после буду чувствовать себя одуревшим от страсти оленем. Я так себя и ощущаю. Но олени они такие – им забор поперек дороги, а они все равно прутся.

За эти дни Чайка стала моим горизонтом. Все мысли, так или иначе, возвращаются к ней и каждый раз принимают то один характер, то другой. Одно мгновение думаешь, что уже

давно понял, что она за птица и с чем ее едят, в другой – осознаешь, что ни хрена не понимаешь. Она, как этот проклятый кубик Рубика. Вертишь и крутишь ее у себя в голове: бах, думаешь вроде все грани совпали. Сидишь довольный, нахваливаешь себя: «что и требовалось доказать», а потом... бац – а один кубик-то выпадает из общей картины. И начинаешь по новой ломать голову.

Я ведь ее с самого начала как воспринимал? Как типичную прощальгу. Все замашки были из серии этих «милейших», залихватских цыпочек: никакой субординации и смущения, навязчивость – вторая натура, наглость, и доводящее меня до состояния нервного тика «ТЫкание». Хорошо, что Чайка еще не начала «Олеж-кать». А то не успеешь приехать на какой-нибудь вечер – эти мартышки тут как тут. Облепят и начинается: «Олежа то, Олежа се». А мне так и хочется сказать: «Слышь, какой я тебе Олежа?! Тамбовский волк тебе Олежа!»

Такой была в моих глазах Чайка, когда забрал ее из клуба. Была до поры до времени, точнее временами. Я не успевал за сменой ее амплуа. А когда узнал, что ей всего восемнадцать, так и вовсе охренел. Опустим тот момент, что я был, мягко говоря, разочарован: все же спать со вчерашней школьницей – это уж совсем ни в какие ворота.

Больше всего поражало то, что у нее возраст такой нежный, а она уже бывалая девка. Хотя я, безусловно, понимаю, что провинциальным девочкам нелегко в Москве, да и хо-

чется всего и сразу, но это ни в коей мере их не оправдывает. Отвращение она у меня не вызывала. Я уже говорил, что не моралист. Да и какое уж там отвращение, когда рядом такая краля?! Сидишь только и из последних сил держишься, чтобы на ее ноги не пялиться. И все равно: нет-нет да глянешь и «п*зда рулю», как Диман говорит.

До сих пор перед глазами маячат ее бедра, оголенные по самые резинки чулок. Нацепила же. Платье еще называется! Там даже для воображения место не остается, хотя у меня все равно разыгралось, как не тормозил себя.

Весь путь до ее дома, как на иголках от желания протянуть руку и ласкать стройные ножки. Медленно продвигаясь все выше и выше, пока не коснешься обнаженной кожи, и дальше к трусикам – почувствовать, что она хочет меня не меньше, чем я ее. В этом я даже не сомневался. Поэтому, когда она полезла ко мне с поцелуями, я чуть не послал к чертям ее возраст и не трахнул прямо в машине. В конце концов, там до меня хрен знает сколько у нее партнеров было. Но вовремя очухался и ляпнул первое, что взбрело в голову. А умная мысль, как известно, приходит опосля.

Девчонка обиделась на мою грубость, хотя постаралась скрыть эмоции, но получилось херовасто.

С номером телефона был полнейший кретинизм: то ли она меня тупо разводила – только вот смысла не пойму, то ли у нее, действительно, все через жопу. Сейчас думаю, что последний вариант больше похож на правду.

Дал ей свой номер, чтобы она поскорее ушла, надеясь, что не придется потом из-за нее его менять, но как только захлопнулась за ней дверь, захотелось вернуть ее обратно и не отпускать. Слушать бестолковую трескотню, смотреть на нее: такую юную, дерзкую, вульгарную с этим размазанным по всему лицу макияжем. Даже такая она красивее всех женщин, которых я в своей жизни видел.

Салон провонял сигаретным дымом и термоядерными духами. Я же вдыхал эту дешевую смесь, и она мне нравилась, как и девчонка. Дышал ею, думал о ней и ждал сообщения. Не мог уехать, пока не удостоверился, что все в порядке и она дома, а не в лапах какого-нибудь обдолбыша или еще кого похуже. Как все быстро меняется, однако. Еще час назад все равно было: хоть насиуйте, хоть убивайте. Да и я ее уже всяко-разно обласкал, а только потом пригляделся. Веселая она, смешная. Все портит лишь ее невыносимая нахальность. А может, я просто не выношу наглецов? В любом случае это уже было неважно. Так мне казалось, когда дождавшись от нее смс, я поехал домой.

Я ведь действительно наивно полагал и свято верил, что на этом приключение по имени – которое я даже не стал узнавать – закончилось. Зачем мне этот детский сад и лишние заморочки? С ней же они стопроцентно будут. Ураганный ветер разрушает, а не созидает. А она – ураган. Необузданная, своевольная, шальная. С ней одного раза мало будет, это я сразу понял, но врухиваться в рискованное предприятие, не

стоящее усилий – не моя тема. Так что я решил, что на этом все.

Но когда девчонка вновь написала, простодушно признавшись, как обрадовалась чаевым, не смог промолчать, хотя понимал, что надо внести ее в черный список и не париться. Но, видимо, еще не совсем я заостенел в своем цинизме и равнодушии, раз удалось тронуть меня подобной мелочью и даже удивить. Не ожидал от нее, а потому недоумевал.

Чайка, чайка... Кто ты? Глупышка, напялившая на себя маску не по размеру или хитрожопая сучка, умело плетущая свои сети? В последнее верилось все меньше с каждой ее смс.

На следующий день вроде бы успокоился, пришел в себя. Даже разозлился, когда во время совещания меня отвлекло ее сообщение, а потом прочитал и не смог сдержать улыбку. Коллеги так покосились на меня, что я себя идиотом почувствовал, но продолжал улыбаться. У меня ведь «красивая улыбка», мне можно. Начальству вообще все можно. «Вкусный Зануда»... Выдумала же!

И в этот момент понимаю, что мое веселье неуместно. Я должен пресечь на корню подобные порывы, а не умиляться. Такой формат отношений не для меня – я уже не мальчик. Мне тридцать семь, а не восемнадцать. Какие на хер смс-очки, «вкусные зануды» и прочий бред? Ну, ладно она щеглуха, но я-то взрослый мужик!

Разозлившись, испоганил настроение себе и всем окружающим. Ее удалил из контактов, хотя номер уже наизусть за-

помнил-такая уж у меня память. Отвечать, естественно, не стал. Если не дура, то все поймет. Но, увы, девочка оказалась недалекой и навязчивой – что я просто на дух не выношу. Она вновь написала, да еще предлог такой дебильный выдумала, вконец взбесив меня.

Что за бабы? Ни гордости, ни ума, ни фантазии! Дура душой. И я тоже хорош: растаял от одного «спасибо». Пусть она еще зеленый вариант классической охотницы с прицелом на «кошелек» потолще, но все же. Знаю я эту породу: с живого не слезет, пока прямым текстом не пошлешь.

С такими мыслями, раздраженный, я притащился в Де Марко. Чисто из принципа, потому что я всегда там обедаю и не собираюсь изменять своим привычкам из-за какой-то обнаглевшей девицы. Если она не уgomонится, то объясню популярным языком.

Увидел ее. Улыбается мне, спрашивает «как дела?», как будто после одной смс-ки мы теперь с ней на короткой ноге. Меня прямо поражает такой прием, учитывая, что я ей не отвечал. У нормального бы человека гордость выиграла, а этой хоть бы хны. Пищит, но лезет! Но со мной не прокатят ни улыбочки, ни вежливость.

Осадил, унизил, указал, где ее место. Все правильно: не я, так кто-нибудь другой бы это сделал. Наглецы всегда получают по рогам. Находиться на дне социума и наглеть – по меньшей мере тупо.

Только вот удовлетворения от этого не почувствовал.

Впрочем, я и не делал это намеренно, просто есть границы, которых надо придерживаться. Все верно, но все равно хреново. Смотрю на нее: вытянулась по струнке, личико побледнело, делает вид, что все хорошо. Держится из последних сил, но я-то вижу, как руки трясутся, когда приборы раскладывает, как кусает дрожащие губы, чтобы не заплакать.

Не по себе как-то. Попытался утешить ее на свой лад, но Чайка не Чайка, если не дерзит. После ее язвительного ответа, чувства вины как не бывало. Более того, я вновь взбеленился, когда она опять завела свою шарманку про потерянный браслет, чтобы показать, что она не использовала это в качестве предлога.

Так и хотелось ей сказать, что мне, в общем-то, все равно. С ней давно все понятно, так что может особенно не стараться. Хотя насчет «все понятно» – это я загнул. Ни хрена не ясно с ней, кроме одного – я и не должен понимать. Понять – значит разобраться. Начнешь разбираться – заинтересуешься. Заинтересовавшись – привяжешься, а привязавшись – будешь нуждаться. А я не хочу ни в ком нуждаться. Зачем мне этот головняк?!

Возможно, я слишком много анализирую. Заметил, чем старше я становлюсь, тем больше рассуждаю. А надо было поступить, как все: переспать и забыть, тем более, что она не против. Но поскольку этот поезд уже ушел, решил, просто сменить ресторан. Как говорится, с глаз долой – из сердца вон. Да и не так уж сильно влечет. В последующие дни мне

даже удалось убедить себя в этом. Работа не оставляла ни сил, ни времени. Слишком много дел. Я раньше думал, что деньги облегчают жизнь, но сейчас понимаю, что с увеличением капитала больше забот и суеты. А остановиться уже не представляется возможным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.